

АРМЕЙСКИЕ
БАЙКИ

Annotation

Так уж мы, россияне, устроены, что любое серьезное дело умеем превратить в одну сплошную байку. А уж армейская служба по этой части даст не одну сотню очков форы любой охоте и рыбалке.

А нам-то чего врать... Суровые солдатские будни глазами сержантов и лейтенантов, рядовых и командиров, дембелей и чайников...

-
- [Армейские байки \(сборник\)](#)
 - [Ромик «Тросс» Темкин](#)
 - [Про бокс](#)
 - [Про телефоны и патрули](#)
 - [Про группу «Крематорий»](#)
 - [Разрешите обратиться?](#)
 - [Про гауптвахту](#)
 - [Про спирт и салют](#)
 - [Про похороны. Цинично](#)
 - [Случай в армии](#)
 - [И еще про армию](#)
 - [Михаил Шервуд](#)
 - [Стрельба в падении](#)
 - [Гриша](#)
 - [Загида](#)
 - [Медный лоб](#)
 - [«Розыгрыш»](#)
 - [Проблемы с эрекцией](#)
 - [Александр Терентьев](#)
 - [История про сапоги, банку огурцов и снежного барса...](#)
 - [Александр Прокопович](#)
 - [Вешайтесь!](#)
 - [Песню – запе-вай!](#)
 - [Прогулка танкиста](#)
 - [Назначенный другом](#)
 - [Михаил Осташевский](#)

- [Некачественный спирт](#)
- [Легкие деньги](#)
- [Стрельбы](#)
- [Кабан](#)
- [Александр Попов](#)
 - [Перст](#)
 - [Призывник](#)
 - [Как я стал художником](#)
 - [Крыса](#)
 - [Дедовщина](#)
- [Дмитрий Горчев](#)
 - [Божий человек](#)
 - [Старт](#)
 - [Песня](#)
 - [Подлость](#)
 - [Холод](#)
 - [Другой сентябрь](#)
 - [Иофаназа](#)
 - [Дембель](#)
- [Игорь Раковский](#)
 - [Сафаров](#)
 - [Зубы](#)
 - [Комроты, готовь...](#)
 - [Подводник и авиатор](#)
 - [Чебуреки Матросу Кружкину посвящается](#)
 - [Чистые пруды](#)
- [Владимир Аникеев](#)
 - [200 гусей](#)
- [Максим Леонов](#)
 - [Потерянный автомат](#)
 - [Спецназ и авторитеты](#)
 - [Медвытрезвитель](#)
 - [Спринт с врачами](#)
- [Сергей Виноградов](#)
 - [Отчислили...](#)
 - [Жертва воспитания](#)
 - [Лейтенант Омлетов](#)

- [Большой засор](#)
 - [Флотская быль](#)
 - [Александр Беленький](#)
 - [Майор Шухер и прапорщица Соколинская](#)
 - [Андрей Мигачев](#)
 - [Подстава](#)
 - [Емеля](#)
 - [Ротаподъем!](#)
 - [Шкурный опыт](#)
 - [В год перед армией](#)
-

Армейские байки (сборник)

Ромик «Тросс» Темкин

Про бокс

Всех отсутствующих построить в одну шеренгу.

Из армеизмов

А знаете ли вы, друзья, что когда я служил в советской армии, я участвовал в соревнованиях по боксу в легкой весовой категории?

В очень легкой.

В воздушной, блядь, весовой категории.

Чтоб вы поняли – это сейчас я разожрался до семидесяти килограмм, а когда шел в армию, весил сорок два. Ага. Сорок два килограмма. Мне военком так и сказал:

– У тебя, дружище, два кило лишнего весу. Годен.

Как с этими сорока двумя килограммами я попал в морскую пехоту – это отдельная история. Но попал.

Короче, на каком-то месяце моей службы вызывает меня командир и говорит:

– Темкин, у нас в части проводятся соревнования по боксу. Приказ комдива – от каждого подразделения выделить одного человека. Мы, Темкин, выделяем вас.

Я грю:

– Вы, Василий Петрович, воля ваша, никак с дуба рухнули? Ну вы посмотрите на меня – какой я, к ебням, боксер? Вы что? Мне же одного удара буйт достатошно, чтобы меня унесло, и никакие канатики не помогут эти... ну, на ринге которые. Не-не-не-не-не! Не согласный я, и не упрашивайте.

– А вашего согласия, Темкин, никто и не спрашивает. Я вас в приказном порядке отправляю на соревнования. В субботу вы должны быть в спортзале. Идите в спортроту, выпишите себе это... Ну, слово забыл. Оборудование? Нет. Обмундирование, типа. О! Инвентарь.

Я плетусь в спортроту, а надо сказать, что с пацанами-спортсменами я дружил – хорошие пацаны.

Вот прихожу я к ним.

– О! Ромка! Здоровка. Чего убитый такой? Обидел кто? Отпиздить кого?

– Да не, пацаны. Я к вам за перчатками пришел. Боксерскими.

– Да ты что?! Спортом решил заняться? Ай, молодец! Правильно. В здоровом теле здоровый дух, как говаривал Ювенал. *(Про Ювенала они не знали, это я сам сейчас написал, чтобы повыебываться.)*

Ну, я объясняю им ситусаьон, они как давай ржать.

– Парни, может можно мне в перчатки еще пяток килограмм железа добавить?

– Нельзя, Ромик, тебя тогда при замахе просто-напросто назад снесет – на рефери.

– А что же делать, пацаны? Мне мое лицо очень нужно. Я им кушаю и на трубе им играю.

– Да ладно, что ты парисся? Ты же в легкой весовой категории.

– Ну да, но мне противника нужно в категории до пятнадцати килограмм, чтобы я его хотя бы смог поднять и откинуть.

– Короче, Ромка, все очень просто. Если твой противник не придет на соревнования, то ему автоматом засчитывают поражение, а тебе, соответственно, победу. Устраивает такой расклад? Кто твой соперник, знаешь? Мы с ним проведем разъяснительную беседу.

– Не, ребят, спасибо, конечно, но не надо. А то потом он меня еще без ринга обнаружит и без перчаток. Не, ну его на хуй. А вот если, скажем, я не приду, то по всему выходит, что мне поражение засчитают?

– Выходит так.

– Но все равно как бы получается, что я участвовал, а просто не выиграл, так?

– Так.

– О! Вот этот расклад меня охуительно устраивает.

* * *

Короче, настал шаббат, пришли мы с пацанами-спортсменами в спортзал, сидим на трибунке, сечем, что будет происходить.

– На ринг вызываются Сергей Ким...

Кореец у нас был такой, ни хуя не маленький. Тайсон сосет не нагибаясь.

– ...и Роман...

А я уже охуел. Какой, думаю, на хуй... Там тушка под двести кило. Это же вафли. Хотел уж было встать, кричать, что это ошибка. Но тут этот ведущий продолжил:

– ...Залупенько.

Ну, слава яйцам, вроде пронесло.

Сидим с пацанами, прикалываемся. Один там месит другого на ринге, в общем, все хорошо.

Долго ли, коротко ли, настает мой черед.

– На ринг вызываются Роман Темкин...

Я, бля, притих, за пацанами зашкерился. Вдруг, думаю, кто-нить на меня пальчиком тыкнет и этот конферансье меня за шкуру на ринг потащит? В общем, стремно мне.

– ...и Владимир Полипчук.

Вовка!!! Вован-братан! Вован-моркован, дружочек мой, дружбан-корифан. Такой жедохлый, как и я, даже хуже. Классный пацан, с Полтавы. Оттель они грозили шведу. Я начинаю его глазами искать: вон он, на соседней трибунке пришкерился за своими и меня высматривает. Тут мы взглядом-то и встретились. Я ему знаками показываю: «Пошли, мол, Вован, поприкалываемся». Он только головой мотает в ступоре: «Нет, мол, нуивонахуй».

Короче, нам обоим тогда поражение засчитали. Мы с ним долго еще потом эту фишку вспоминали и прикалывались.

Однако поражение поражением, а участие-то засчитано.

Про телефоны и патрули

В роте семь разгильдяев, а ты волосы на пробор носишь.

Из армеизмов

Армия, как известно, родина долбоебизма. «Это же просто песня», – говаривал старшина Черепяхин и был прав!

Самое, пожалуй, радостное воспоминание об армейском раздолбайстве у меня осталось от лета 1992 года.

Именно тогда мне посчастливилось дежурить в штабе полка и ждать звонка по неподключенному телефону от самого себя.

* * *

Вообще, лето в армии называют «римскими каникулами» – все командование в отпуске, никто ничего не делает, всем на все глубоко насрать. Именно этим и воспользовался матрос оркестра Бушуйкин, подавшись в бега.

Вообще, самовольная отлучка из расположения части – это всегда ЧП: особенно когда речь идет не о простой самоволке, а о дезертирстве. А так как ЧП произошло в оркестре, то, соответственно, оркестр и должен сам жрать свое дерьмо. В общем, из числа двух матросов и одного сверхсрочника был назначен патруль по поиску беглеца, и еще один сверхсрочник должен был сидеть в специально отведенном кабинете штаба полка и ждать сообщений от патруля – мол, «поймали» или же – «нет».

* * *

Через пару недель такого вот патрулирования мы получили телеграмму от мамы Бушуйкина из Красноярска: «Приезжайте, люди добрые, забирайте моего сына-дезертира».

Как он попал в Красноярск – неизвестно, но выслали за ним прапорщика Николая Лаврентьича с еще одним сверхсрочником, для пущей важности снарядив их пистолями. А пока суть да дело, пока парня не привезли, патрули никто не отменял. Мало ли?

Как так получилось, что два графика вот этих вот дежурств составляли два разных человека – непонятно. Но в какой-то момент произошло следующее: я должен идти в патруль. «С удовольствием», – подумал я себе и начал собираться. Ан нет. Согласно второму графику, я в это же время должен находиться на дежурстве у телефона...

Ну, накладки – вещь обычная, и не такое бывало. В таких случаях просто меняешься с кем-нибудь, и вся недолга. Ага, не тут-то было: половина народу в отпуске, другие только что оттрубили ночное дежурство, третьи должны заступать вечером, в общем – теребить некого.

А я что? Я человек военный.

Мне, ежели чего непонятно, я к командиру иду – у него голова большая, пущай себе думает.

– Товарищ майор, старшина Темкин. Разрешите обратиться? – и руку так лихо к виску.

– Обращайтесь, старшина.

(Это я сейчас так выебываюсь, по-военному, на самом деле мы его обычно по имени-отчеству звали, а он нас по фамилии.)

– Василий Петрович, накладочка произошла, – и сую ему в руку два листочка с расписаниями.

– Что вы мне, Темкин, даете?

– Вот тута, Василий Петрович, написано, что я должен дежурить в штабе полка у телефона.

– Так идите, дежурьте.

– А вот туточки написано, что я должен идти в патруль.

– Так идите в патруль, что вы хотите?!

– Василий Петрович, глобально я хочу мира во всем мире и счастья для всего человечества. Менее глобально я хочу большой и чистой любви, а уж совсем неглобально – хочу есть.

– Перестаньте кривляться, Темкин, что вам от меня надо?

– Ну, так как вы, товарищ майор, не сможете мне дать ни одного, ни другого, ни третьего, то малую малость я попрошу у вас – разрулить ситуацию.

– Какую ситуацию? – начинает терять терпение командир.

– Вот смотрите сюда. Число, месяц: со столько-то до столько-то старший патруля Темкин. Так?

– Так.

– А вот тут вот: число, месяц, дежурный по телефону Темкин. Так?

– Так. И что, из-за этой мелочи вы мне голову морочите? Поменяйтесь с кем-нибудь.

– Никак невозможно, товарищ майор. Бурнышев только сменился и отдыхает, а Дьяченко заступает вечером.

– А где Мышкин?

– В отпуске, товарищ майор.

– А Черепяхин?

– В командировке, товарищ майор, с прапорщиком.

– А этот... как его? Ну, толстый такой...

– Карпуха?

– Да, Карпуха. Что-то я его давно не видел.

– Неудивительно, товарищ майор. Старшина Карпуха еще год назад спиздил пулемет КПВТ, уволился из рядов армии, но был пойман в Белоруссии и сейчас отбывает наказание.

– Да вы что? – делает большие глаза майор.

(С памятью у него, прямо скажем, хуево.)

– Василий Петрович, что делать-то будем? Куда мне идти?

И командир принимает соломоново решение:

– Все равно моряка скоро должны привезти, так что смысла в патруле нет. Идите в штаб.

– Василий Петрович, если смысла в патруле нет, то и смысла в дежурстве тоже нет, не буду же я ждать звонка от самого себя?

– Будете, Темкин. Смысл есть. Вас будет видеть командир полка и другие офицеры, а это значит, что оркестр не бездельничает, а несет службу. Ступайте в штаб.

Сказать честно, конечно, хотелось в патруль – свобода, по городу погулять, пирожков поесть, – вместо того чтобы сидеть в душном кабинете. Но приказ есть приказ.

И пошел я дежурить.

* * *

А теперь начинается самое интересное.

Перенесемся на две недели назад.

...Первым «посчастливилось» дежурить на телефоне Борьке Черепяхину. А я у него, соответственно, принимал дежурство.

– Здорово, Борька, че делать-то надо?

– Да вот, сиди, журнал «Огонек» читай.

– Не, ну это само собой. А так, по должности?

– По должности, старик, ты должен сидеть у телефона и ждать от патруля известий о том, что беглец пойман, и немедленно доложить об этом командованию полка.

– Отлично. А где телефон?

– Нету еще. Но в течение дня должны принести.

– Охуительно. А че ты сидел?

– А хули? Приказали, вот и сидел. Че тебе-то? Сиди вон, газеты читай, кроссворды решай.

И остался я один в пустой комнате. Но ненадолго. Заходит морячок-связист. Из роты связи, стало быть.

– Телефон вот принес. Куда ставить?

И протягивает мне полевой телефон, с ручкой, который – «бжик-бжик».

– Да куда хочешь, туда и ставь. Куда подключать-то будешь?

– А подключать мне не сказали.

– Это что это еще значит «не сказали»? Как он работать-то будет? Я тебе что, спутник?! Я на него сигналы ртом передавать буду?! Пик-пик-пик?!!

Морячок молоденький, в пол уставился и плечами пожимает, мол: «Отъебись, дядя, не мое дело. Мне сказали принести, я принес».

– Мне сказали принести, я принес, – повторил он часть своей мысли.

– Не, старина, так дело не пойдет. Давай сюда агрегат. Как он подключается?

– Вот сюда должны вставляться два проводка, и кидаются концы на общую коробку.

– А коробка где?

– Не знаю. В штабе ее нет. В штабе же нормальные телефоны, с цифрами. Вот и розетка есть.

– Так а че ты эту хуету приволок? Неси нормальный телефон. – Это я уже сердиться начинаю, хотя по натуре человек добрый.

– Мне сказали принести, я принес.

– Так притащи теперь нормальный аппарат, уебан!

– Не могу. Мне старшина этот выдал.

– Блять! Где твой старшина? – Хватаюсь за телефон, кручу ручку и отшвыриваю трубку, потому как – а хули?

– Чувак, передай своему старшине, что он долбоеб! Скажи, пусть поставят такой телефон, по которому можно будет разговаривать!

...Морячок исчезает за дверью, а я остаюсь у неподключенного аппарата.

* * *

К слову сказать, аппарат этот так никто никогда и не подключил, потому что в красной армии логики не бывает.

Зато бывает совершенно замечательный армейский долбоебизм, благодаря которому через две недели я и сидел у неподключенного телефона и ждал звонка от самого себя.

Про группу «Крематорий»

Здесь вам не Англия, копать надо глубже.

Из армеизмов

Когда я служил в советской армии, играл я в оркестре морской пехоты. Большой такой штатный оркестр, а при нем ма-а-ахонький внештатный, разумеется, ансамбль.

В оркестре я игрывал на трубе (второй корнет, между прочим!), а в ансамбле – на клавишах. Ну ансамбль-то, такой, халтурный был: свадьбы офицерские, всякие халявные дела...

Как-то в январе 91 года играли мы «елочки». С третьего по десятое января. Тут подходит ко мне майор и говорит такой:

– Темкин, а вы знаете, что ваша группа заявлена на конкурсе «Песня в матросских сердцах»?

– Никак нет, Василь Петрович, знать не знаю, ведать не ведаю. А когда состоится мероприятие?

– Пятнадцатого января.

– Абсолютли, товарищ майор, импасибл. Мы же на «елках» до десятого, а пяти дней никак не хватит группе, чтобы подготовиться. У нас ни репертуара, ничего нет. Мы же не будем там «Синий туман», да «Бабушки-старушки» лабать?

– Поздно, Темкин, заявка уже в штабе флота. Ничего не поделаешь, придется участвовать. Сразу после «елок» я вас освобождаю от всех занятий, занимайтесь ансамблем.

Ну, что оставалось делать? Партия сказала: «Надо»...

Заперлись мы в клубе с пацанами. Стали думу думать. Нам сказали три песни приготовить, причем желательно нашего же сочинения. А где их взять-то? Мы отродясь ничего не сочиняли, кроме мелких стебов. В общем, за пару дней сваяли две песни. Поэтов среди нас вообще не было, поэтому одну песню написали на стихи Есенина (что-то такое лирическо-панк-роковое), а другую – хевиметал – на стихи из сборника военных песен. Что-то там, типа: «Шагает морская пехота, идут представители флота...»

Мы их быстренько захуярили и начали над третьей думать. А думать особо времени нет. Тогда басист Серега и говорит:

– Парни, у меня есть заебательская кассетка. Группа «Крематорий». Слышали?

– Нет, – отвечаем, – не слышали.

И в самом деле, с творчеством этой замечательной, и с той поры любимой, группы я ранее знаком совсем не был. В общем, послушали мы кассетку и выбрали «Безобразную Эльзу». А там совершенно дивный припев: «Ведь мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть», – и музыка такая – ля-ляля, ля-ля-ля. Короче, за ночь, под бутылку спирта, мы эту песню разучили и отрепетировали. А наутро, за день до конкурса, приходит майор и говорит:

– Я хочу вас послушать.

– А может, не надо, Василий Петрович? Ей же богу, одно расстройство из-за вас, то конкурсы дурацкие, то послушать...

– Ничего не знаю, играйте, что вы там насочиняли.

– Ну, значицца, насочиняли мы две песни, одна лирическая на стихи советского поэта Сергея Есенина, другая про морскую пехоту, а третью песню мы исполним из репертуара известной группы «Крем» (*полностью-то название нельзя же было майору говорить*).

Короче, поем. И вот доходим до Эльзы:

Безобразная Эльза, королева флирта,
С банкой чистого спирта я спешу к тебе...

В общем, у майора постепенно шапка подымается, глаза, за и без того увеличивающимися стеклами очков, выпрыгивают из орбит, а на словах: «Мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть» – командир не выдерживает и начинает орать:

– Какой спирт? Какая Эльза?! Вы что, с ума посходили? Отставить!

– Василий Петрович. У нас три варианта: либо мы не выступаем вообще, либо выступаем с двумя песнями, либо с тремя, но заменить мы ее уже не успеем – завтра конкурс.

И тогда майор принимает соломоново решение:

– Хорошо, исполняйте, но «сдохнуть» замените на «выжить».

Охуительно! «Мы живем для того, чтобы завтра выжить». Бред сивой кобылы. Но делать нечего, приказ есть приказ.

* * *

Короче. День конкурса. Все волнуются, куча разных военных ансамблей за сценой. Пустой зал, лишь в центре горстка погон тусует – жюри, типа. Генералы разные, адмиралы, дела – волоса. И перед началом конкурса председатель жюри толкает речь:

– Так, мол, и так, перестройка, гласность, необязательно петь на военную тематику, пойте о наболевшем.

Ага, щаз. Мы где-то ближе к концу выступали, а перед нами все как из передачи «Служу Советскому Союзу» сбежали:

– Мы-ы-ы brave танки-и-исты-ы-ы!

– Шторррма! И мы, морячки бесстра-а-ашные-е-е!

В общем, «фуражка да шинель» в тематике. И тут мы такие выходим. Сначала хевиметал про морскую пехоту. Ну, этим никого не удивишь. Потом панкклирика, тут народ заинтересовался, к кулисам подтянулся, те, кто в зале был, к сцене подошли. И тут мы дали:

– Безобразная Эльза, королева флирта, с банкой чистого спирта я спешу к тебе...

Народ в шоке, свистят, беснуются, но с положительными эмоциями.

И тут Колеся, гитарист-вокалист, – на меня оглядывается и бровями двигает, мол, какую версию петь?

«Нашу, нашу пой, оригинальную», – показываю ему знаками.

И понеслась:

– Ведь мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть. Мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть. Лай-ла-ла, лай-ла-ла, лай-ла-ла.

Народ перед сценой уже в полном ажиотаже, из-за кулис, как сейчас помню, пацаны-конкурсанты большой палец тянут, мол, «клево замочили»...

Отыграли мы последний аккорд, робкие жидкие аплодисменты, и все на жюри оглядываются. И тут – гробовая тишина. Дюжие полковники-генералы с суровыми лицами сидят и молчат. Те братки,

что перед сценой тусовались, сдрыгнули от греха подальше. И вот в тишине один из членов жюри произносит:

– Ну что ж. Будем считать это неудавшимся экспериментом. Следующая группа!

* * *

Усталые, но довольные дети возвращались домой. По большому счету, насрать нам было на победу, зато мы их, сука, всех сделали. И пофигу была выволочка от майора.

Зато волшебная сила искусства в очередной раз зажгла над нами фонарик и капельку осветила наши души. И подняла, разумеется, настроение.

Разрешите обратиться?

Тут один комик приходил, спрашивал, можно ли это заменить на то. Я ему сказал: «Нет, сначала там, потом здесь».

Из армеизмов

Я сейчас вспомнил. Про строй.

Когда я служил в советской армии (какой же строй без армии, а армия без строя?), служил в оркестре мой дембель – Вовка Лыков. Вован-моркован, как он себя называл. Шутник, балагур и ваще веселый парень.

Командира выводил из себя на раз.

Шли мы как-то по городу строем, майор рядом, все как положено. И проходим мы это мимо ШМАСа – Школа Младших Авиационных Специалистов. Знаменита тем, что там нес службу Алексей Глызин и по этому поводу имеется табличка на двери казармы и даже почетные кровать и тумбочка Алексея Глызина. На эту кровать кладут спать в качестве поощрения отличников боевой и политической подготовки.

Ага, так проходим мы мимо этого ШМАСа, а там, у ворот, стоит самолет. Невысоко так, стоит, можно было даже полазить по нему. ЯК-40. Маленький такой. И тут Вован говорит командиру:

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

А мы, чтоб ты понял, мы никогда таким уставным обращением в жизни не пользовались. Мы ваще нашему майору кровушку пили, хуй на него ложили, называли по имени-отчеству и уставные «разрешите», «есть», «так точно» – никогда в жизни не применяли. Понятное дело, что майор от такой хрени не только опешил, но и сразу заподозрил неладное.

– Обращайтесь, Лыков.

– Товарищ майор, разрешите выйти из строя.

– Зачем?

– Разрешите потрогать носик самолета ЯК-40.

И это же все на серьезном тоне таком.

Торжественном, я бы сказал.

...Мы этот носик самолета ему до самого дембеля помнили.

* * *

Этот же Лыков однажды еще раз подобную хрень учудил. Я уж не помню очередность событий – до или после самолета.

Сидим раз с оркестром на репетиции, играем. А Вован, как всегда, балуется. И сам не играет, и другим мешает. Дирижер на него рассердился и послал в бытовку – бытовая комната такая – заниматься самостоятельно.

Лыков ушел, через минуту приходит. И к майору:

– Товарищ майор, разрешите обратиться.

– Что случилось, Лыков?

– Я никак не могу в бытовке играть. Там темно и страшно.

– Там что, света нет?

– Никак нет, товарищ майор.

– Лампочка перегорела?

– Не могу знать. Я выключатель не нашел.

– Лыков! Перестаньте паясничать! Вы мешаете работать. Идите занимайтесь!

– Есть!

Уходит.

Мы начинаем играть, снова появляется Вован-моркован.

Прямо посредине игры обращается к дирижеру:

– Товарищ майор, разрешите обратиться.

– Лыков, что вы от меня хотите?! – Это с ним уже нервный срыв случился.

А Лыков, хвастливым тоном:

– Товарищ майор, а я знаю, где в бытовке свет включается.

* * *

Позже, после демобилизации, он писал письма в оркестр: «Служу в пожарной части. Сутки сплю, двое отдыхаю».

Про гауптвахту

*Каждый матрос должен быть либо поощрен,
либо наказан.*

Из армейских

Рассказ про то, как я на кичу попал (кичей у нас называли гауптвахту, она же «губа»).

Было так (я с самого начала начну).

В девяностых годах пошла мода на дружественные визиты зарубежных военных в наш город. Всякие приезжали – французы, канадцы, корейцы, америкосы дважды были и даже индийцы.

Так вот, в очередной приезд дружественной нам американской морской пехоты решило командование дать им концерт, блять, художественной самодеятельности силами военнослужащих дивизии.

Оркестр играл марши и всяческую хуйню, подполковник Лыуров читал стихи про Родину, сынишка командира танкового полка под аккомпанемент папы на баяне спел песню крокодила Гены «Теперь я Чебурашка» (так и было – комполка объявил: «Песенка крокодила Гены», и пацан запел: «Теперь я Чебурашка») – в общем всяческая хуебень. Да еще и на русском – а как же? – языке.

Понятное дело, америкосы скучали, зевали, откровенно смеялись и переговаривались промеж собою. Под занавес концерта было приготовлено выступление вокально-инструментального ансамбля «Девятый вал» (который на самом деле назывался «Темкин-бэнд», но неофициально).

Приготовились мы, надо сказать, основательно – две бутылки водки на пятерых и несколько песен, последняя из которых с припевом на английском языке: «Гуд-бай, Америка, о-о-о». Все помнят, да? Незабываемый хит Бутусова.

Эта песня должна была стать гвоздем программы не только потому, что она на английском, но и потому, что в середину песни мы вставили соло на гитаре, но не просто соло, а с выебоном. Корешочка нашего, Серегу, который служил в клубе, попросили натереть мастикой центральный проход зала, чтобы скользить можно было, а гитаристу

нашему Колесе (с ударением на второй слог кликуха) нарастили длиннющий шнур на гитару.

Соло происходило так: Колеса бежал на самый верх, в конец зала, разбежался, падал на колени и скользил так к сцене с гитарой за головой и ебашил соляк. Зрелище не для слабонервных.

Естественно, командование о таком финте ушами ничего не знало, это явилось сюрпризом.

Со сцены, стоя за клавишами, я видел, как вспотела фуражка у нашего комполка, а у дирижера Василия Петровича заиндевели очки.

Но это все хуйня по сравнению с американцами. Еще на первых знакомых их сердцу словах – «Гуд-бай, Америка» – они начали оживать и постукивать ладошками в такт, а когда Серега проехался по залу с гитарой за ушами, те и вовсе вскочили ногами на казенные стулья и радостно заорали.

Такого ажиотажа третий матросский клуб еще не видел!

* * *

На следующий день после концерта приходит посыльный со штаба дивизии.

– Кто руководитель ансамбля?

– Я руководитель, – отвечаю.

– К комдиву!

«Нихуя себе, – думаю, – ща пизды получу». Шутка ли, не каждого моряка к себе комдив вызывает – а это же я еще на срочной был. Прихожу:

– Товарищ полковник, матрос Темкин по вашему приказанию прибыл.

– Это ты, стало быть, ансамблем занимаешься?

– Так точно, товарищ полковник. Я думал... Вы понимаете, американцы, они... Я... Мне... А то, что вот Серега... ну... то есть товарищ матрос-гитарист наш, так это элемент шоу, я по телевизору видел. В передаче «Служу Советскому Союзу».

– Отличное шоу, – говорит комдив. – Охуительное вы, товарищ матрос, выступление подготовили. Не ожида-а-ал, не ожида-а-ал.

Нашим гостям очень понравилось. Объявляю вам отпуск сроком на десять суток с выездом на родину. Где живете, товарищ матрос?

– На Камчатке, товарищ полковник.

– Вот и поедете на Камчатку. А может, хотите вместо отпуска у знамени части сфотографироваться? А? Матери фотографию вышлете, вот она за сына порадуется.

– Да нет, спасибо, товарищ комдив, я лучше в отпуск.

– Ну, как знаете, езжайте.

– Целую ручки, ваше святейшество... то есть, тьфу, рад стараться, ваше высокобродь... то есть служу Советскому Союзу! России, то есть, служу. И дивизии нашей, и вам лично, бля буду!

* * *

Ага. Думаете, поехал я? Хуй на рыло.

Я вместо отпуска на гауптвахту угодил.

* * *

Так вот. Пришел я, такой радостный, в расположение и кричу с порога:

– Василий Петрович, Василий Петрович! Товарищ командир дивизии мне отпуск объявили, с выездом на родину! Счастье-то какое!

– Вот и отлично, Темкин, отдохну от вас пару недель. Когда собираетесь ехать?

– Дык прямо вот, как оформим все, так и поеду. Чего тянуть-то? Вот прямо щас вот рапорт вам и подам.

А это вот так вот в армии было: все через рапорта делалось. То есть от комдива поступает приказ: «Отпустить матроса Залупу в отпуск сроком на десять суток», а матрос Залупа, со своей стороны, тоже должен рапорт командиру подать: «Прошу отпустить меня в отпуск сроком на десять суток, согласно приказу командира дивизии...»

– Нет, Темкин, прямо завтра вы никакой рапорт мне не подадите, у нас на этой неделе несколько игр, вы должны присутствовать.

А я же, бля, незаменимый, бля. Я, ссука, исполнял партию первой, блять, трубы. Это охуительная партия. В ней всю дорогу паузы, а потом она сигнальчик такой подает: «ту-ту-ту», и все. Но как эти сигналы окромя меня исполнять некому, так меня сделали незаменимым. Ну ладно, отыграли игры, я к майору:

– Василий Петрович, разрешите рапорт подать.

– Какой рапорт?

А у него феноменальная память была, я уже упоминал. Ничего не помнил он. Напрочь.

– Как зачем? Отпуск, с выездом на родину, как положено, согласно приказу за номером... от такого-то числа сего месяца...

– Да-да-да, Темкин, я помню. У меня к вам одно только дело: надо одну аранжировочку написать. Напишете и поедете.

А я, надобно сказать, аранжировки писал для оркестра. Очень мне нравилось это занятие, интересно же. В общем, я ему, майору, и говорю:

– Аранжировку, Василий Петрович, плевое дело. Что нам надо оркестру аранжировать?

– Это не оркестру. Мне нужна аранжировка песни «Очи черные» для скрипки, фортепиано и голоса.

Вот те на!

А тут фишка в чем была? Фишка в том, что у Васи знакомая была скрипачка, которая в этом трио играла. Я так понял, что Вася вызвался для нее аранжировку замастырить, а сам решил на меня свалить. А мне, блять, вожжа под хвост попала, я на дыбы:

– Никак нет, Василий Петрович, данные инструменты в составе военного духового оркестра никак не значатся, соответственно и аранжировку делать я не буду.

– Как это не будете? Я вам приказываю!

– Товарищ майор. Согласно приказу номер 222 от 18.02.88 года министра обороны маршала Язова по военно-оркестровой службе, написание аранжировок вообще не входит в обязанности матроса-музыканта. И то, что я это делаю, так это в силу большой любви к искусству, которая никакими уставами не регламентирована. А моя

любовь к искусству распространяется только на духовую музыку, но никак не на скрипичную.

– А если вы не сделаете то, о чем я вас прошу, то приказ об отпуске не распространится на вас.

Но я уже в залупе. И если я туда залез, то никаким отпуском меня оттуда не выманишь.

Так и ходили мы с ним: я обиженный на него, он на меня. Но надежды, надо сказать, Василий Петрович не терял и периодически меня спрашивал:

– Ну что, Темкин, вы напишете аранжировку?

– Никак нет, Василий Петрович, не могу. Гражданская совесть военного не позволяет.

– А мне моя совесть позволит посадить вас на гауптвахту.

– Да за что же это?

– А найду за что. У вас вон сапоги не чищены и бляха.

– Василий Петрович, побойтесь Бога. Не бойтесь Бога, так побойтесь хотя бы командира полка. Он же записку об аресте из-за такой хуйни не подпишет.

– Ничего, Темкин, я найду на вас управу.

* * *

И стал Вася с тех пор меня выцеплять и доебываться.

Но и я не лыком шитый, каждую ночь моряки выстирывали мне форму, драили сапоги, начищали бляху до блеска, и стал я с тех пор образцово-показательный матрос – стрижек короткая, берет на два пальца от бровей, форма выстиранная, выглаженная, бляха на ремне сверкает.

Прямо хоть на амбразуру бросайся, такой образцовый я стал.

Пионер, блять, герой. Валя Котик и Марат Казей в одном флаконе.

И на все Васины «сделайте аранжировку» отвечал: «Ни – за – что!»

Короче, и так майор, и сяк, а доебаться-то не до чего – мальчик-колокольчик, блять. А тут как-то у нас политинформация проходила...

О! Это вообще песня! Для молодого поколения объясню: каждый понедельник мы собирались за большим столом, и тот, кто отвечал за проведение политинформации, зачитывал передовицу какой-нибудь газеты, а моряки должны были все это конспектировать. Так как я был на дембеле, то и, соответственно, эту шнягу проводил я. Ну не конспектировать же на старости лет?

А тут Вася, такой, появляется:

– Сегодня я буду вести политзанятия сам.

Сел во главе стола и начал:

– Не секрет...

А Серега Митрофанов, приколист наш, перебивает:

– ...что друзья не растут в огороде, товарищ майор?

Ну, когда все, кроме него, отсмеялись, майор продолжил. И вот сидит он, что-то там тулит, про политику партии, а я сижу и туплю, и мне хуйово и скучно, и пишу на автомате в тетрадку всяческую хрень. И вот только я задумался как-то, как тут выводит меня из прострации голос командира:

– Темкин, а почему вы не пишете?

– Да как же не пишу, Василий Петрович? Господь с вами! Пишу, все тщательно конспектирую. Каждое словечко ваше прозрачным янтарем капает в мою тетрадку, наполняя ее глубинным смыслом, словно небо наполняется светом, когда вы вместе с солнцем просыпаетесь, Василий вы мой Петрович, лучик вы мой золотой, жара вы моя красная!

– А ну-ка, Темкин, дайте-ка мне вашу тетрадь. Та-а-а-ак. Что это?

– А там, надобно сказать, совсем не по теме. – Это что это такое, Темкин?

– Это, товарищ майор... я... мнэ... это вот я... это знаете ли...

* * *

Короче, пошли мы с Васей в штаб, выписали записку об аресте, и повел он меня, радостный, на кичу.

С формулировкой «отказ от конспектирования политзанятий».

* * *

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Собственно, в этот день я так и не сел, потому что на киче не было свободных мест. Но упорный Вася меня все-таки туда через несколько дней отправил. И там меня ожидал приятный сюрприз. Но об этом чуть позже.

* * *

Несколько слов о самой киче.

Наша, морпеховская, гауптвахта славилась особой жестокостью нравов, в силу этого к нам приводили на отсидку и «кузнечиков» – бойцов сухопутных войск, и «мореманов» – то есть моряков с «коробок», как мы называли корабли. Вот этим друзьям действительно сиделось у нас не сладко. Но в природе должен быть баланс, поэтому угодившие на кичу морские пехотинцы жили вполне себе вольготно.

Собственно, сама кича представляла собой небольшой домик, в котором находилось и караульное помещение первого караула, и собственно тюрьма. В гауптвахте было несколько камер: две или три «одиночки», две общих – рассчитанных на десяток человек, и так называемый «трамвай» – карцер.

Карцер – совершенно жуткое место. Это такая клетуха примерно метр на метр с утыканными камнями стенами, так что можно в ней только стоять. Не получится ни сесть, ни прислониться к стене. Сажали туда бойца, раздетого до трусов, а палубу заливали водой, чтоб на жопу не садился. Мрачная камера. Но, по счастью, я ее видел только снаружи.

* * *

Привел меня на губу кто-то из наших сверхсрочников, кажется, Борька Черепяхин. Сдал, как положено, коменданту и удалился.

– Опа! Тема! Тебя че, посадили?

– Юрец, братишечка, здорова. Посадили, суки, бляди.

– Да за что же это? Политконспекты, сука, не писал? Так за это же не сажают.

– Не, не за конспекты. Аранжировку отказался писать.

– Ни-ху-я себе!

Комендантом кичи оказался мой хороший приятель, паренек с моего призыва.

– Тема, куда тебя сажать-то? В «трамвай» – гы-гы – хочешь?

– Блять, Юрец, сам в «трамвае» сиди. Какие опции у меня есть?

– Ну, могу в «общак» посадить. Но не советую, там сейчас морпехов нет, одни чурки зеленые.

– Бля, лажа. Отпиздят ведь, суки, с них станется. Сажай в одиночку, покачумаю. Шинелку только оставь мне, дабы не задубеть.

– Шинелку оставляю и ремень тебе твой оставляю. А задубеть не задубеешь, тут отопление пиздец как ебашит.

По правилам шинель и ремень у арестованного отбирались. На ночь выдавался «вертолет» – настил из досок, на котором можно было переночевать. Днем, теоретически, боец находился на общественных работах. А практически Юрка оставил мне и шинель, и «вертолет», и я два дня тупо спал. Спал, ел и пил. Прием пищи происходил так: в караулку приносили с камбуза еду, потом кто-нибудь из арестантов накрывал на стол и уходил обратно в камеру. За стол, накрытый на десять человек, садились трое – я, комендант кичи и старший караула – какой-нибудь офицерик, обычно лейтеха, которого за офицера никто и не держал.

– Товарищ лейтенант, мы что, будем всухую ужинать?

– А что?

– Разрешите воспользоваться телефоном?

* * *

– Дневальный по оркестру матрос Запиздрючкин.

– Кто ответственный по оркестру?

– А кто его спрашивает?

– Хуй в пальто, блять. Дембель твой, несправедливо посаженный. Не признал?

– Ой, Роман Семеныч, извините. Старшина Бурнышев ответственный. Позвать?

– Давай. Алло, Колюня?

– Блять, Тема, ты откуда звонишь?

– С кичи звоню. Откуда же еще?

– Ни хуя себе. Тебе там что, телефон, что ли, поставили?

– И телефон, и телевизор, и бабу привели, ага. А когда ты узнаешь, чего я звоню, ты вообще охуеешь. Коклюш, ты мне скажи, у нас в оркестре водка есть? Или спирт, что-нибудь?

– Есть, конечно, Тема.

– Ну и отлично. Я сейчас бойца зашлю, передашь ему, ага?

* * *

– Товарищ лейтенант, все в порядке. Засылайте свободного моряка в оркестр, сейчас все будет.

Так прошло два дня.

На третий день я заскучал и попросил перевести меня в общую камеру, благо в ней уже было несколько морпехов, которые строили и «кузнечиков», и «мореманов». Пехотинец на киче был привилегированный класс – нас не отправляли на работы (обычно по очистке канализации), – но через три дня, чтобы не подохнуть от скуки, я сам вызвался покрасить двери в караулке. Правда, на середине мне это занятие наскучило, и вместо меня продолжил кто-то другой.

Вот так вот пять дней я и провел.

Классно было. Сыто, пьяно и иногда весело.

* * *

А в отпуск я так и не поехал. Потому что вскоре после этого остался на сверхсрочку. А как это произошло – это совсем другая

история.

Про спирт и салют

Если будете блудить – пушу ракету.

Из армеизмов

Когда я служил в советской армии, позвали наш ансамбль как-то в соседнюю часть, отыграть им на Восьмое марта «Вечер отдыха для офицеров и семей».

Встреча Международного женского дня проходила в теплой, дружественной обстановке прямо на территории части, в солдатской столовой. Те, кто служил, наверняка помнят это унылое заведение. В общем, накрыли там столы, отвели угол под ансамбль и давай выпивать-танцевать. И у нас тоже стол накрыт – для музыкантов. Да только салаты салатами, а пить нам ничего не поставили. Непорядок. И тут, аккурат в перерывчике, подходит к нам девушка-организатор и спрашивает:

– Ну как, ребята, все нормально?

– Все ништяк, – Сережка Колеса ей отвечает, – да только холодно тут у вас ужасно!

– А что, вам разве не... – И такие знаки глазами делает.

– Да нет, – недоуменно пожимает плечами Серега.

Буквально через минуту появляется та дама и ставит на стол две бутылки. Две бутылки неопределенного содержимого. То есть что-то там, натурально, плещется, но, что именно – этикетками никак не обозначено, а пластмассовая пробка дает возможность предполагать что угодно – от домашней настойки до самогона.

Мы так постояли над этим несколько минут, а потом решили дать барабанцику попробовать. Он у нас самый смелый был. Он, конечно, сначала отнекивался и вообще всячески пытался отмазаться, но мы единогласно выбрали его самым смелым и налили полную кружку жидкости:

– Пей, Костя.

Чтоб вы поняли, кружки в армии были железные, трехсотграммовые. В общем, выпил Костя честно все предложенные ему триста грамм и стоит, соображает – что же это могло быть?

Смотрит, стало быть, на нас. А мы на него. И отчетливо видим, как по его челу проносятся все цвета радуги – очень красивенько так, знаете, полосками. Как испорченный телевизор – синяя полоса, за ней красная пошла, потом зеленая... А Костя стоит и даже не дышит.

– Ну, что там? – торопим мы его.

Всем же тоже хочется выпить уже, но боязно. Иди знай, что там эти ПВОшники у себя пьют.

– Шило, – выдохнул наконец-то Костя.

Спирт то есть. Класса чистый, рода неразбавленный.

А у шила есть одна особенность. Уж и не знаю почему, но, ежели его не запивать, то он до-о-о-олго в кровь не идет, но стоит после него стакан воды бухнуть – все. Пиздец, приплыли.

Костя долго держался, знал, что запивать нельзя. Но голод, знаете, не тетка, а сушняк не дядька. В общем, в какой-то момент Костя выпил водицы.

Дальше происходит следующее: подходит к нам одна девочка и говорит такая:

– Ой, мальчики, а можно я с вами спою?

– Конечно можно. Что ты петь умеешь?

– Я умею петь песню Аллы Пугачевой «Миллион алых роз».

Не проблема. Начали играть. Сыграли вступление, девочка спела первый куплет, второй, третий, тут и концовка подошла, ан – нет. У Кости есть одна особенность организма – когда он выпивает, его уже невозможно остановить. То есть никак. Ничем. Все. Чувак работает, и ему все по фигу. Причем в любом состоянии ритм железно держит – хороший барабанщик. Но слово «кода» для него уже не существует. Я ему уже всеми глазами, и руками, и клавишами показываю, мол:

– Трям! Трям, Костя, концовка уже. Трям! Кода.

Но нет! Не такой человек наш Костя! Он категорически не верит в концовку и продолжает барабанить. И мы, соответственно, за ним.

Я снова играю вступление, девочка начинает петь песню сначала. Первый куплет, второй, третий... Вся песня по кругу, дубль-два, для военных. А Косте уже хорошо. Зачем останавливаться, когда можно так замечательно барабанить?

Я снова играю вступление, а девочка, совершенно растерявшись, начинает петь по третьему заходу.

Первым не выдержал басист.

Нагло поправ все устои и правила приличного поведения на сцене, он просто положил бас и ушел за стол. За ним гитарист, я тоже в какой-то момент понял, что Костю останавливать просто бессмысленно. Проще остановить паровоз голыми руками. Девочка тоже куда-то свалила, и тут происходит замечательная фишка: Костя, не останавливаясь, продолжая играть сольно, начинает, простите, блевать.

Ага, прямо на барабаны, куда же ему еще блевать-то?

Прямо на снейр.

Но не останавливается и палочкой так – раз! Бух – и маленький салютик такой. Бе-е-е-е, трах по барабану – еще салютик...

* * *

А потом Костя пропал. Просто проебался, и мы его долго не могли найти, хорошо, что с нами был паренек, который умел на барабанах играть.

А Костю мы ближе к концу вечера нашли возле столовой.

Он стоял, безвольно опустив руки, прислонившись головой к стене, и – спал. Просто мертвый был.

Мы его потом в машину с инструментом погрузили и в часть привезли. Все еще в бессознательном состоянии. Он только наутро проснулся и ничего не помнил.

Так что, друзья, не пейте триста грамм небодяженого шила.

А если и пьете – не запивайте!

Про похороны. Цинично

В следующее воскресенье, где-то в пятницу, к нам приедут музыканты показывать музыку.

Из армеизмов

5 ноября 2006 года Ромик, дорогие мои друзья, отмечал свой день рождения на кладбище. Ага. На жмуре.

Решили мы с пацанами с утра водкой затариться.

Пацанов много, стало быть, и водки немало должно быть. Решили брать ящик – двенадцать бутылок. Этого человек на десять должно было хватить. Нормально. А в руках же не понесешь. Тяжело ведь. Так послали мы товарища прапорщика в штаб, чтобы тот под каким-нибудь благовидным предлогом выбил нам армейский автомобиль. Возвращается товарищ прапорщик уже буквально через несколько минут, мрачный как туча:

– Что случилось, Лаврентьич? Не дали машину?

– Дали, через час выезжаем.

– Ну отлично.

– На жмура выезжаем. Телефонограмма пришла. Жмур дубовый.

Для тех, кто не в курсе: дубовый жмур – это похороны какого-нибудь офицера, на которых должен играть военный оркестр. Безо всякой, разумеется, оплаты.

Не самое лучшее проведение дня моего рождения. Но нет худа без добра: зато есть легальная машина.

Начали собираться – оп-па! Ни одного тубиста в оркестре. Один в отпуске, другой тоже не помню куда проебался. В общем, вафли. Басовая партия – одна из самых важных в похоронной музыке. Что делать? И тогда смелый Борька Черепяхин – саксофонист – говорит:

– Хуйня, вы мне быстренько гамму покажите, я дуть научусь и сыграем.

Короче, буквально за какие-то полчаса научили мы Борьку на тубе играть.

В общем, выехали мы на жмура, а по дороге успели заскочить в ларек и купили-таки ящик водки с закусончиком.

Ну, про вынос тела рассказывать не буду – ничего интересного. Играли нормально, Борька, вспоминая гамму, по нотам играл сравнительно правильно.

Самое интересное было на кладбище.

Офицер, видать, знатный был. Несколько десятков человек собралось почтить память усопшего, и каждый считал нужным рассказать про него что-нить хорошее. В общем, поняли мы, что похороны растянутся надолго. А у самих уже трубы горят – ящик водки своею доступностью, буквально, жжот зрение. Долго ли, коротко ли, товарищ прапорщик присвистывает и делает нам всяческие знаки – мол, «отойдемте, товарищи».

Подошли мы к соседней могиле, раскупорили водяру, разложили закуску и давай балагурить и выпивать и меня с днем рождения поздравлять. А между выступающими, раз в десять, примерно, минут, обозначали какой-нибудь похоронный марш.

«Обозначали» – это очень точно сказано, ибо, чем больше выпивали, тем веселее становились, чем веселее становились – тем сложнее было играть. Доигрались до того, что вместо похоронного марша сыграли им «День Победы». Но очень медленно, никто и не заметил. А может, и заметили, нам уже как-то все равно было. Тем более что Борька уже нажрался и играл на басу по принципу «играл, не угадал ни одного звука». А там же партия такая тягучая, у тубы. Взял ноту и тя-а-а-анет... А так как гамма уже после «рощи первых бутылок» была забыта, то и брал Борька что ни попадя.

Нас это так веселило, что в какой-то момент наш жмур прислал представителя, который попросил смеяться потише. В общем, за какой-то час, пока покойничка пытались уложить в могилу, мы с братьями-музыкантами нахуюкались по полной программе, так что на вечер водки не осталось.

А нам и не надо! Мы уже готовые.

В общем, начали виновника торжества в могилу опускать. А там же караул, он должен три выстрела сделать, пока мы гимн Советского Союза играем.

Прапорщик говорит начальнику караула:

- Стреляйте быстро.
- Это как это быстро?
- Быстро стреляйте, мы играем укороченную версию.

Укороченная версия гимна состояла в том, что игрался первый такт, а после него сразу последний. Такое вот попури. Это потому, что уже не терпелось со всем закончить и поехать добухивать (*хотя добухивать там уже немного оставалось*).

Начальник караула поморщил репу и обещал стрелять очень быстро. Сказать честно, у них все равно не получилось успеть. Последний выстрел был сделан уже тогда, когда оркестр был на соседней могиле – там, где бухло с хавчиком разложено было, – собирал, допивал и, весело гогоча, погружался в машину.

Это были самые веселые похороны в моей жизни.

Случай в армии

Будешь тут у меня сидеть до конца своей жизни, я сегодня до семи дежурю.

Из армеизмов

Служил у нас один хохол. Звали его Серега, но для конспирации будем называть его, скажем, Грицько. Такой хохляцкий хохол. С хекающим хе, все как положено. Он даже слово «гюйс» выговорить не мог. Бывалоча пацаны говорят ему:

– Грицько, иди сюда, скажи «гюйс».

– Хуст!

– Гриня, не «хуст», а гюйс. Ну скажи: гю-ю-ю-юйс.

– Ну хуст, я же говорю – хуст, шо вы хотите?

В общем, такой вот Грицько. Но в принципе спокойный такой, тормознутый слегка паренек.

Ага.

И был с его же призыва один литоооовец, Эдмундас Ш. Но мы же конспирируемся, правда? Поэтому в этой рассказке я буду звать его просто Эдмунд. Тракторист с какой-то литовской деревни, сильнющий парень шо педец. Причем по нему и не видно, что он сильный, – не качок никакой, среднего роста – но силищи в нем было, мама родная! В целом достаточно флегматичный, но если его разозлить – что было, впрочем, нелегко, – то можно было нехуевых пиздюлей огрести. Он однажды меня за камбузом, на уборке территории, уебал так, что я летел. В прямом смысле слова, как в индийском кинe.

Повар потом рассказывал:

– Смотрю себе в окно, гляжу – Рома пролетает. Низенько так идет, видать, к дождю.

* * *

В общем, были они с Грицько уже дембелями, когда что-то между ними приключилось.

Уж и не знаю, как его тот хохол достал, но рассвирепел Эдмунд не на шутку. Взял Гриню в охапку, положил его на кровать, а голову засунул промеж прутьев и те прутья зажал.

Лежит Грицько на кровати, голова в спинке, а прутья разжать не может, потому как, что литовец согнул, то хохлу ни в жисть не разогнуть. В общем, лежит он так и орет благим матом. И ладно бы Эдмунда ругал, а он вместо этого себя жалеет:

– Сука ты, как ты можешь так поступать? Я же дембель! Я же, сука, дембель, а ты меня как душару дрочишь! Что же ты, сука, делаешь?

А Эдмунд, я же говорил, долго греется, но кипит сильно.

– Ах ты, блять, дембель? – отвечает. – Ты, сука, дембель? А где же твой дембельский чемодан?

А у нас дембеля уже чемоданы прикупили да и в каптерку спрятали. И тут как в том детском анекдоте про зайца, волка и медведя: «А где твоя кепка? А вот твоя кепка», – и крышкой от люка волка по башке.

Вот так и Эдмундас:

– А где твой дембельский чемодан? А вот твой дембельский чемодан!

Приносит чемодан, вытряхивает на палубу все содержимое, надевает Грине, зажатому меж прутьев кровати, на голову и закрывает молнию.

Знаете, советский такой коричневый чемодан с молнией, у которой с двух сторон два замочка посередине сходятся.

Представляете картинку?

Лежит Грицько на кровати, голова в прутьях зажата, а на голове чемодан надет, и оттуда, из чемодана, уже даже и не крики, а всхлипы раздаются. Причем он всхлипывает из жалости к себе, а мы все – от смеха. И Эдмунд такой злой ходит:

– Дембель он, блять.

Гриню мы, конечно, освободили, так он схватил столовый нож – тупой такой, с закругленным концом – и с этим ножом стал за Эдмундом гоняться. А тот уже подостыл и просто со смехом убежал.

* * *

Помирились они или нет – уже и не помню, потому что вскоре настал у них дембель и больше я их и не видел.

Да и они друг друга, надеюсь, тоже.

И еще про армию

Живете как свиньи в берлоге.

Из армеизмов

А знаете ли вы, что, когда я служил в советской армии товарищем прапорщиком, я был первым военнослужащим из офицерского состава с сережкой в ухе. Причем не просто сережка, типа гвоздика, это было бы еще полбеда. У меня висел здоровенный такой крест, как у Джорджа Майкла на фотографии, которую напечатали в журнале «Ровесник».

Конечно, на построениях я ее снимал, но в другое время рассекал по дивизии с этим артефактом в ухе, вызывая крайне неоднозначную реакцию других офицеров от «пидор» до «ни хуя себе!». Вообще, эпатаж у меня тогда был в крови. Сейчас как-то поиздохся уже. Да и эпатировать некого, все уже ко всему привыкли.

Михаил Шервуд

Стрельба в падении

Подполковник Суворов был дерьмом.

Факт этот никем не оспаривался, а полковые офицеры объясняли поведение Суворова просто: «отсиделся в тылу», «не воевал», «фронт и не таких лечит».

Среди прочих «достоинств» Суворов имел хобби: он любил ходить в наряд дежурным по караулам, чтобы поиздеваться над солдатами. Зимой он «беседовал» со стоящим без полушубка постовым на темы устава гарнизонной и караульной службы, пока тот мог еще членораздельно отвечать. Весной и осенью, когда на постах полно луж, он давал постовому вводную: «Нападение на пост!» – чтобы солдат был вынужден плюхнуться пузом в грязную лужу. Дождался щелчка затвора и давал отбой вводной.

Когда я простоял рядом с ним в шинелишке при минус тридцати с чем-то мороза до полного окоченения тела и мозгов (а он был, естественно, в полушубке), я понял, что не успокоюсь, пока не заплачу ему с избытком.

Но как? Ведь он выполняет уставные требования по проверке готовности солдата к «охране и обороне вверенного ему поста», а мы в данном случае охраняли склад боеприпасов дивизии. Тысячи тонн боеприпасов. Да и какая разница, на каком посту стоишь и в каком карауле. Он же за сутки все караулы обойдет, гадина.

Теоретически выход был. Надо было успеть начать стрелять прежде, чем он даст отбой. Тогда караул выскакивает по команде «Караул в ружье!», дежурная рота на брониках летит к караулу, поднимают с койки генерала, а потом оказывается, что все это тужа и развлекалка подполковника Суворова. Все так. Только автомат за спиной, на предохранителе. Надо успеть, пока падаешь в эту лужу, начать стрельбу в падении. И сделать это уверенно, за секунды. И так и этак пробовал – не получалось. Что же, так и буду плюхаться рожей в грязную лужу, чтобы эта тварь радовалась?!

Но тут начались у пехоты боевые стрельбы в составе роты (а мы стреляли после разведроты). И – увидели, как стреляет спец. Командир разведроты шел, держа автомат в положении «на ремень», и, как

только начали подниматься мишени, он упал – как-то странно, выгнувшись вперед, как бы перекатившись колесом, – и, едва коснувшись локтями земли, дал очередь, и мишень упала. И встал он как-то весь сразу, непонятно как. Сплошной восторг! Вот подарок Суворову, вот он где! Я объяснил идею парням, меня с радостью поддержали. И, найдя время, побежал к пехоте, в разведроту. Капитан посмеялся, но объяснил подробно, что и как. И даже приходил к нам несколько раз, посмотреть. Сколько же мы шишек набили на локтях и коленках, вспомнить страшно. Тренировался весь наш взвод. Каждый день.

Прошло пятьдесят лет, а я до сих пор горжусь своей идеей и счастлив, что именно меня подполковник Суворов положил рожей в лужу, по которой он предварительно прошелся пару раз. Ух как он взъярился, когда я закатил очередь в указанном им направлении! Потому что был уверен, что у меня был патрон в патроннике и автомат снят с предохранителя, иначе, по его мнению, я не успел бы так быстро! Хоть бы проверил, идиот, как положено, прежде чем давать такую вводную.

На следующий день начался разбор, и я заявил, что все было по уставу. Дали автомат, я показал – раз, другой, третий, десятый, пятидесятый. И вхолостую, и с патронами. И просто так. И по мишени. Просто удивительно, ведь есть же офицер, до которого мне, как до неба. И рота, которую он обучает. В голову никому не пришло.

Конечно, генерал снял с Суворова скальп, потому что я закатил очередь на весь магазин по стене склада боеприпасов, со стороны которого было «нападение».

Тревога в дивизии была что надо!

Мне объявили отпуск за успехи в овладении личным оружием. Но не сложилось. Командир разведроты со смехом рассказал офицерам о наших тренировках, Суворов взбесился. Батя наш посоветовал ему «воздержаться от дурных проступков», потому что «советский солдат самый находчивый в мире». Скорей всего, именно это подействовало: он же знал, что тренировался не я один. А ротный в отпуск меня не пустил, потому что офицеров надо уважать, а не тренироваться ради мести старшему офицеру.

Ну и фиг с ним, нет и нет.

Зато какая рожа бывала у подполковника Суворова, когда мы, случилось, проходили мимо друг друга...

Гриша

Гриша вместо «р» произносил четкое «г» и поэтому говорил не «все равно», а «все одинаково».

Зато на математике народ радовался, когда Гриша заявлял, что «икс гавняется бэ». Правда, к окончанию школы он научился произносить грассирующее «р», но, когда злился, переходил на «г».

Мама была единственным мужчиной в семье, и Гриша под пятой мамы вырос тухлей. И когда из-за девушки Али наглухо завалил сессию и засвистел служить, особого огорчения не почувствовал. Ему было все равно, кто на него будет давить: мама или сержант. Тем более что становиться детским врачом, как хотела мама, ему не хотелось. Ему нравилась математика.

В военкомате он сказал, что да, занимается спортом, первый разряд, поэтому попал в компанию борцов, штангистов, боксеров и прочей братии.

А первый разряд у него был по шахматам.

На фоне сослуживцев он выглядел жалко. Гриша был рыжий, красный, как огонь, и получил кликуху «красный воин», которая звучала откровенной насмешкой. И неизвестно, как было бы, если б не аппендицит. Хотя, скорее всего, списали бы куда-нибудь. Потому как, если призвали – барабань три года до дембеля, который неизбежен, как крах капитализма (правда, оказалось, что с капитализмом авторы афоризма поторопились, ну не суть).

Мы познакомились на первом году службы в лазарете, где нас обоих лишили аппендиксов.

Гриша считал, что армия, если не считать жуткой кормежки и физических нагрузок, не так уж неприятна. По крайней мере артиллерия штука интересная – там математика. Сюда бы еще Алю. Нет, жениться на ней не получится, Аля считает его мямлей, они бы расстались уже, если бы не армия. Почему она вообще с ним связалась? Может, считала, что нельзя после школы оставаться девственницей, ну и выбрала его? Да и не мямля он. Просто парень из нормальной еврейской семьи, соответственно воспитан и не имеет склонности сразу давать кому-либо в рыло, как это делают, скажем,

русские. Или другие, неважно. Это не значит, что он мямля. Почему он должен решать вопросы кулаком?

– Конечно, – говорил я, – конечно, пушкой лучше. Интереснее – там математика. И эффективнее.

– Ты дурак, – спокойно отвечал Гриша.

Его батарея и наша рота приходили в столовую одновременно, и мы виделись ежедневно. Постепенно подружились.

Гришу каждый день не менее получаса гоняли на площадке рукопашного боя для укрепления брюшного пресса после операции. Ну, суплес и работа ногами сильно укрепляют пресс. Собственно, меня тоже гоняли, но самое смешное то, что ему начала нравиться работа ногами. «Это расширяет возможности движения», – говорил Гриша. Он начал заниматься все свободное время и к лету превратился в крепкого парня, способного хорошо постоять за себя даже среди своих сослуживцев-спортсменов. Ему это стало интересно, к тому же он почувствовал вкус победы в схватке. Правда, пока было неизвестно, способен ли он съездить в рыло на предмет «решения вопроса».

В конце лета начались выпускные экзамены, понаехали «покупатели». На экзаменах, говорят, он отмочил фокус. Когда майор-«покупатель» спросил его, хочет ли он служить в их бригаде, Гриша ляпнул: «Мне все гавно». Не «одинаково», как обычно, а именно так. Командир учебной батареи бросился на выручку: «Курсант Якопсон не выговаривает звук „р“; он прекрасный артиллерист, все стрельбы выполняет только на „хорошо“ и „отлично“, ни одной посредственной оценки, прекрасно знает матчасть. Хороший рукопашник». Наверно, он зря сказал насчет рукопашника, потому что Гриша поморщился, и «покупатели» это усекли. Гриша же занимался рукопашкой не чтоб «кому-то там в рыло», а из эстетических принципов: ему нравилась острота положений на площадке, необходимость их мгновенного решения, да много всего, сразу так не расскажешь. В конце всего Гришу оставили в его же учебной батарее, дав ему две лычки.

На третьем году Гриша стал старшим сержантом, крепким парнем, большим любителем жестких спаррингов с группой партнеров. Хотя в рыло так никому и не давал.

Как-то раз около столовой подошел он ко мне и попросил помочь. Приезжала Аля. Он точно не знал, но предполагал, что приедет и мама.

Это никак не сочеталось, да и надоело так... Если мама таки приедет, мы должны были на вокзале подойти к нему и сказать, что его срочно требует комбат.

Грише выдали увольнительную на двое суток, он снял номер в гостинице, провел подготовительную работу с дежурной, а мы с другом Кузей попросили увольнительную на два часа, «для решения личных вопросов».

...Комбата предъявлять не потребовалось. Мамы не было. Гриша встретил свою девушку, и, когда они, улыбающиеся, проходили мимо нас, местный мужик радостно заорал: «Гля, братан, жидок – старший сержант!» Гриша сделал шаг в его сторону, не отпуская Алиной руки, и врезал мужику кулаком в переносицу. Голова мужика мотнулась назад, и он тряпкой осел на асфальт. «Братан» заорал: «Ты че делаешь, сержант!» Гриша поправил: «Стагший, понял, мужик, стагший сегжант. Тебе все понятно или тоже объяснить?» Мужик заторопился: «Понял-понял, все понятно. Только предупреждать надо, а то сразу в рыло».

Аля была в восторге: «Гриша, ты стал настоящим мужчиной! Я бы вышла за тебя... если бы ты согласился» Гриша ответил: «Газбеггемся. Вон гостиница, она наша на двое суток, идем». Аля кивнула, и они пошли.

Я сказал Кузе: «Мамы не будет, врубаем реверс».

И мы пошли в казарму.

Заглада

Сейчас трудно объяснить, кем же была Заглада. А вот пятьдесят с лишним лет назад ее знала вся страна. Даже у Высоцкого было: «Он был стахановец, гагановец, загладовец...» Если коротко, это была тетка-колхозница, поднятая на щит Хрущевым и компанией. Она моталась по стране с призывом работать честно и добросовестно на благо нашей Родины. С этим она появилась и в нашей дивизии.

Заглада стояла рядом с комдивом на трибуне. Нас построили на плацу. Больше десяти тысяч человек. Полками, побатальонно. В парадных мундирах. С боевыми знаменами. На жаре.

Представляете, да?

Она с трибуны, тоненьким голосочком: «Сыночки, дорогие! Служите честно, слушайте командиров!..» И так далее в том же духе.

А мы в десять тысяч глоток: «Ура! Ура! Ура!»

Да это фиг с ним. Но вот повели ее показывать боевую технику. А как же, по полной программе!

И ей не понравилось, что окраска танков... матовая. Потому что, мол, должны БЛЕСТЕТЬ наши грозные танки! Чтоб, значит, враг издалека видел и заранее боялся. Ну а как же иначе!

И вот мы, смоченными в масле тряпками, до упора натираем машины, чтобы окраска бликовала.

Повезли ее показывать летний лагерь. И все бы хорошо, да не понравился ей лесной беспорядок. Почему в лесу везде валяются сосновые шишки и иголки прямо-таки толстым слоем? Значит, давно не убирают в лесу. Нехорошо!

Думаете, треплюсь? Нет. Все так и было, и потому мы, наплевав на учебный процесс, кинулись собирать все иголки и шишки в лагере и округе, потом танком выкопали огромную траншею (хорошо, что не вручную, а то вполне могли бы заставить), засыпали в нее хвою и шишки, утрамбовали танком и завалили землей.

Ну а вскоре прибыл кто-то из высших чинов и прямо-таки ошалел от бликующей на солнце боевой техники. Что было! А потом начальство узрело еще и лес без шишек и...

И опять мы, забросив учебный процесс, закрашивали обратно всю технику, а из соседнего леса привезли, а потом разбросали новые шишки-иголки.

Пожалуй, это был наибольший армейский идиотизм за все три года службы. Только мы уже к тому времени научились. Поняли службу.

У англичан, я читал, говорят: всему, что движется, отдай честь; все, что не движется, покрась.

Тоже ведь, понимают службу англичане.

Медный лоб

Одно время решено было укреплять Советскую армию политработниками с гражданки.

В нашу часть прибыл один такой «укрепитель», быстро получивший кличку: офицеры прозвали его Олегом Поповым (был такой знаменитый клоун в те времена), а солдаты – Медным Лбом. Эта кличка за ним и закрепилась до тех пор, пока его от нас со скандалом не убрали. Довольно скоро.

Мы были танкисты, технари, а этот в технике не рубил. Да и не хотел, наверно. Он все толкал о пленумах Политбюро и их выдающемся влиянии на обороноспособность страны, а сам ни водить, ни стрелять не умел. И человек был дрянь. И какое к нему отношение могло быть?

Вот несколько историй с Медным Лбом.

Сдвиг по фазе

Была наша очередь работать на танковой директрисе полигона. Работы было много, да еще и снега навалило. Утром, вместо зарядки, – чистим снег, после работы, перед ужином, – опять снег чистим. А как посачкуешь, если дежурные офицеры – специалисты? Оставалось ждать, когда появится пехотный офицер, которого можно надрать. И тут появился Медный Лоб. Заводила Толик Хлебнов сразу решил: «Сачкуем Все!!»

На следующий день Хлебнов сразу после развода улегся в кочегарке на скамейке с детективом. А кто служил, тот знает, что читающий солдат для офицера – как красная тряпка для быка: солдат должен пахать не менее двадцати пяти часов в сутки.

И Медный Лоб взвился: «Почему не работаете, товарищ солдат?»

А Толька ему: «Фаза пропала, товарищ майор, а без фазы электросварки не бывает». (Для тех, кто не знает: фаза – это так называемый фазный провод, кабель. Если в нем нет напряжения, говорят: нет фазы, пропала фаза.) Ему подтверждают все, что да, это так, если пропала фаза – сварки нету.

* * *

Первым делом Медный Лоб побежал включать рубильник, но генератор не заработал. Значит, фаза пропала – украли, в самом деле.

Тогда он устроил крик на тему нашей небрежности и отсутствия бдительности «при выполнении работ по модернизации боевой техники в условиях враждебного капиталистического окружения» – а мы меняли старые радиостанции на танках на новые – и в книге приказов по полигону написал приказ от имени Бати «о строгом соблюдении режима хранения» несчастной фазы «с обязательным ежедневным опечатыванием места ее хранения».

Потом он позвонил в часть, сказал, что украли фазу, и попросил привезти новую.

* * *

Что там было с офицерами, можно только догадываться... Через пару часов прилетел на гусеничном бронетранспортере зампотех полка, с ходу полез в рубильник, вытащил из-под предохранителя лист тонкой резины и заорал на весь полигон: «Хлебнов, ко мне, бегом!»

А Хлебнов смотрит на него младенческим взглядом: «А чего, товарищ подполковник, уже и сачкануть за три года нельзя, – по поводу случившегося случая. – А так же мы пашем...»

Зампотех намек понял. И он, никогда не ругавшийся матом в присутствии солдат, покрутил головой: «Ну Медный Лоб, ну Медный Лоб, я тебя, вдоль тебя и поперек», – что означало крайнюю степень возмущения.

Выстрел в голову

Были у нас в батальоне два молодых литератора. Они друг без друга буквально жить не могли и вечно соревновались: кто лучше стреляет, кто лучше водит, кто лучше учит солдат. И все свободное время торчали на тренажерах. Но, как на грех, раз как-то лягнули Медному Лбу, что стрелять, водить, драться и, конечно, учить этому солдат гораздо важнее, чем читать им об очередном пленуме ЦК КПСС. Ну не так прямо, конечно, но дали понять.

Медный Лоб затаил обиду. И он быстро их достал.

Городок маленький, деваться особенно некуда, и эти двое вечера все проводили на винтполигоне, придумывая и задавая себе задачи по стрельбе. А тут Медный Лоб прессует. И они решили с ним «разобраться». Достали стартовый пистолет. Смяли молотком пистолетную пулю.

И стали ждать.

Когда Медный Лоб в очередной раз пришел на винтполигон их «воспитывать», они стали огрызаться, чтобы накалить ситуацию. Потом один из них «не выдержал», вытащил пистолет без патронов и «выстрелил» Медному Лбу в голову. Одновременно второй выстрелил из стартового пистолета. Первый подошел к застывшему Медному Лбу, нагнулся, сделал вид, что поднял с пола пулю, и сказал: «Ты гля, даже пуля сплющилась».

Ошарашенный Медный Лоб написал командиру части рапорт, в котором изложил, как двое литеров хотели его убить, стреляли в него из пистолета и убили бы... хорошо, что «пуля сплющилась и отскочила».

Героический Кузя

Учения были отчетные, за весенне-летний период обучения. Мы с Дуйсенбаем обслуживали машину, а Кузя отошел в кусты. Ну надо. Проходит время, Кузя не возвращается. Как же его, однако, развезло. Через полчаса пошли поторопить.

Место, где Кузя был, нашли сразу. Рядом натоптано, ветки поломаны. Кузи нету. Дуйсенбай заявляет, что Кузю похитили. «Пошел бы ты, Дуся, – говорю. – Мужики из ЦРУ, да?» Он рассердился: «Сколько раз говорю, не зови меня Дусей». Дело было старое, потому что Дуйсенбай – длинное имя, и мы иногда пользовались «сокращенным». Иногда он злился, иногда – нет. Дуйсенбай заявляет, что я слепой, как все горожане, а он охотник и все видит. «Ну да, – говорю, – охотник. Из МГУ. Там у вас на кафедре – все такие охотники. За девками». Его за эту страсть отчислили, и он пошел служить. В общем, дело нужное, и то, и то.

Мы спорим, и тут появляется Кузя – фингал на весь портрет, губы разбиты, хэбэ в хлам, в руках пистолет и планшет с картами.

Начал рассказывать, как закончил свои дела под кустом, принялся застегивать штаны, а на него набросили мешок, поволокли и...

Не успел он рассказать, поднялся переполох, орут: «Строиться!» Стоим мы, Кузя с разбитой мордой тут же. Выходит посредник и говорит, что на офицера соседней части совершено разбойное нападение, разбиты «кости лица», украдено табельное оружие, карты с нанесенной обстановкой.

– Судя по погонам, это сержант вашей части, потому что других с такими погонями рядом нет.

Если кто, мол, знает, кто совершил преступление, то...

И тут выступает наш Кузя. Рассказывает, как разведка пехоты украла его прямо из-под кустика и доставила к этому лейтенанту. Как тот стал хихикать, что вот, дескать, обделались вы, ударная сила, и все такое. Покажи, значит, на карте, где у вас что. Как положено, раз вляпался. На пенек карту положил и пистолетом прижал, чтоб ветерком не унесло. Или для антуражу. И Кузю именно этот пистолет, оставленный, привел в бешенство. И этим самым пистолетом приложил он лейтенанта по голове. Парень с автоматом рядом стоял – его тоже. Взял карты, пистолет и вернулся в родную часть. И всех делов. Доложить о происшествии не успел, вернулся вот только что, перед командой «Строиться!».

Скандал был красивый.

Литера этого перевели в другую дивизию, подальше от позора.

Героическому Кузе дали отпуск. На Кузю все показывали пальцами, нечасто так бывает: дал по рылу офицеру – и поехал в отпуск на третьем году службы. Поскольку он служил уже третий год, так его по-быстрому после приказа дембельнули.

Но это ладно.

Был хороший разговор с замполитом.

– Как можно, товарищ Кузнецов, бить своего советского офицера по лицу? Вообще офицера, – не понимает Медный Лоб.

Кузя находчиво отвечает, что бил не офицера, а противника.

– Но ведь противник условный, – говорит замполит.

– Я и бил условно, настоящего врага уж заделал бы, – отвечает Кузя.

– Ну а если бы – товарищ генерал? – поднимает палец замполит.

Кузя пожимает плечами, какая, мол, разница, можно и генералу заехать, делов-то. Замполиту мало:

– Ну а если бы Генеральный секретарь нашей партии? Тоже?

Кузя встает по стойке «смирно!»:

– Товарищ майор, Генеральный секретарь нашей партии ни при каких обстоятельствах не станет моим противником, товарищ майор! Разрешите идти, товарищ майор?

Вышел из палатки, закурил: «Ну что ты скажешь, Медный Лоб на своей лошади».

«Розыгрыш»

Приятель мой после окончания института служил в армии, и его приехала навестить беременная жена. Только она неудачно выбрала время, потому что в полку были учения. В самом начале «противник нанес удар», в результате которого мой приятель был «убит». Посредник отправил «убитых» в казарму – чтобы не мельтешили.

Когда Томка приехала, ее муж спокойно дрых на своей койке. Она прошла в казарму и спросила, где тут Симонов, ее муж. Дневальный спокойно ответил: «А его убили, воо-о-он он лежит». И показал, где лежит.

Томка с ужасом подбежала к лежащему навзничь бледному мужу, который, распластавшись, лежал на койке с открытым ртом и бессильно свисающей, синеватой, как ей показалось, рукой. Томка заорала: «Вова!» – и бросилась к нему на грудь. Ее так потрясло, что он был по-живому теплый, что она тут же потеряла сознание.

Симонов от вопля проснулся и увидел лежащую на полу Томку. Схватил ее, поднял на руки. Она пришла в себя, увидела мужа живым – и у нее начались схватки.

Так она и родила: прямо в казарме.

Сейчас их сыну уже двадцать первый год, он учится в военном училище и мечтает в будущем командовать полком, в котором родился.

Проблемы с эрекцией

В тот день, когда приехал генерал Лев, ефрейтор Юрка Стас не нашел с Танькой, как теперь говорят, консенсуса и пошел в наряд по связи злой как собака. И потому, когда генерал позвонил и велел связать его с командиром дивизии, у Стаса, видимо, произошел гормональный заскок, и он заорал, даже не дослушав: «Да ты кто такой, салага? Застегни ширинку и отойди от телефона!» Генерал довольно спокойно сказал: «Говорит генерал Лев. Вы не представились». (А Стас, согласно уставу, должен был, начиная разговор, представиться: «Дежурный оператор связи ефрейтор Стас, слушаю».) Но Стаса уже несло: «Говорит ефрейтор Стас! Е**л я таких львов!» И отключился.

Генерал добрался до городка самостоятельно, свиты с ним почему-то не было, только адъютант. На КПП поднялся переполох: не каждый день генерал-лейтенанты пехом приходят. Прибежал командир дивизии, а Лев говорит: «Хочу познакомиться с ефрейтором Стасом». Притащили Стаса.

Генерал встал по стойке «смирно»: «Товарищ ефрейтор, позвольте представиться, генерал-лейтенант Лев. Прибыл по служебной надобности». И одуревшим офицерам: «Товарищи офицеры, прошу оставить нас вдвоем, дело сугубо интимное: товарищ ефрейтор сейчас меня е**ть будет, он обещал. – Выдержал паузу – и Стасу: – У вас, товарищ ефрейтор, видимо, проблемы с эрекцией? – Помолчал немного и распорядился: – Дежурный по связи, разберитесь с эрекцией ефрейтора Стаса».

Со Стасом, конечно, «разобрались», мало ему не было. Да и звон пошел по всей дивизии.

А главное, Танька, зараза, хихикает: «Чего это ты собирался ночью у меня делать, если у тебя неполадки?»

Александр Терентьев

История про сапоги, банку огурцов и снежного барса...

Кому сегодня за сорок, помнят, что был в нашей истории довольно обширный отрезок времени, когда всерьез считалось, что армия наша – это кузница самых что ни на есть настоящих мужчин, и не служить для молодого человека было почти неприлично. О начале тех времен почти правдиво рассказано в старом фильме про Ваню Бровкина, а чем все закончилось, вы можете прочесть в любом источнике, рассказывающем, что мы имеем в армии сегодня...

Впрочем, речь сейчас не об этом, а о том, что так уж мы, россияне, устроены, что любое серьезное дело каким-то непостижимым образом умеем превратить в одну сплошную байку.

А уж армейская служба по этой части, думается, даст не одну сотню очков форы любой охоте и рыбалке, о которых захлеб умеют врать поклонники этих вполне уважаемых форм не то отдыха, не то завуалированного, чисто мужского способа сбежать подальше от жены, детей и тещи. А нам-то чего врать...

Так что для начала должен предупредить вас, уважаемые читатели, что буду рассказывать только правду, и ничего, кроме правды!

* * *

...Мы, бывалые служаки, вообще-то ничем не хуже рыбаков, и для правильного разговора нам тоже нужен соответствующий антураж.

Правильно мыслите: это может быть кухня, гараж, что-то где-то еще – главное, должно иметь место полное отсутствие всякого присутствия женщин! Далее, игнорируя всяческие буржуйские изыски, расстилаем газетку, раскладываем на ней сырок, колбаску, сальце с прослоечками, хлебушек и прочие приятные мелочи вроде огурчиков, помидорчиков и зеленого лучка. И, естественно, в центре импровизированной скатерти-самобранки ставится она – независимо

от объема холодненькая, подернутая влажным туманцем, манящая и обещающая.

Вот он, сладкий миг мужской – когда с нежным хрустом пробочка свинчивается и наливается первая стопочка густой и прозрачной!

А уж чуть позже, после известного тоста: «За тех, кто в сапогах!» – кто-то просто обязан сладко задымить сигареткой и сказать: «А вот у нас, помню...» И это – начало, зачин, как говаривали в старину сказочники. А длится все это «пиршество эпоса или Гомерова говорильня»... да-а-а, до тех пор, пока все экс-бойцы не уходят в астрал или пока жены не разгонят – это уж кому как повезет!

* * *

Так про что там мы? Про сапоги? А ведь есть, есть в кладовочке памяти и историйка «про сапоги»...

Был это конец 70-х – естественно, прошлого века. Место действия: военное училище в небольшом городке в Западной Украине.

Подняли как-то нашу геройскую курсантскую роту по учебной тревоге, и сонная, злая и матерящая все и всех толпа с размеренностью больного паровоза попыхтела в дальний путь – за город на полигон и потом обратно – километров с десятков на круг.

Далеко не все умели наматывать версты так, как это делал тогда еще юный ваш покорный слуга, серьезно занимавшийся этим делом еще со школьных времен...

Кто-то умирал уже на первом километре, кто-то пытался сачковать, а кое-кого, особо дохлого, старшина иногда заставлял и просто нести на руках. Заботливые товарищи чуть-чуть «слегка несли», но чаще с руганью гнали рыдающего однополчанина пинками... И вот курсантик один в суматохе перепутал сапоги – рота потом долго гадала, как ему вместо родного сорок четвертого удалось натянуть чужие – на пару размеров меньше. Мужественный боец вытерпел аж три километра... Потом, понятное дело, домой и, ясен перец, босиком. Вот тогда-то ротный, невероятно похожий на Муслима Магомаева, и изрек нежно-издевательски, обращаясь к герою дня и цитируя известный мультик: «Ну что, товарищ Черная Тропа, „чужие

сапоги натерли ноги“?» Несчастный боец, имевший рост баскетбольный и смуглость почти цыганскую, грустно рассматривал свои истерзанные ноги, тоскливо вздыхал и благоразумно молчал...

* * *

Вот умел ротный подобрать правильные слова, чтобы по-отечески подбодрить, утешить и вообще привить пламенную любовь к тяготам и лишениям армейской службы.

Например, когда курсант из нашего, десантного взвода, крепенький паренек из молдавского местечка Бендеры, порвал себе ухо, наткнувшись на ствол собственного же автомата в ту недобрую минуту, когда пытался быстро ввинтиться в люк БТРа, ротный сначала долго молчал. Прохаживался вдоль строя и задумчиво посматривал на огромную «клипсу» из ваты и бинта, украшавшую распухшее до устрашающих размеров ухо. Наконец, явно страдая от несправедливости судьбы, заставляющей его командовать такими суперменами, мрачно поинтересовался: «Товарищ курсант, а знаете ли вы, почему молдаване не едят огурцов? Голова в банку не пролезает!!! Ох, ребята, не дай бог война...»

* * *

Вообще-то ротный наш был мужик ядовитый, но не зверь – это ему с подчиненными не очень везло.

Ну, скажем, встречали мы Новый год. Все строго и культурно, можно сказать: лимонад, печенье, конфетки. Елка, понятное дело. Сидим, скушаем, лимонадом давимся. Иногда в туалет бегаем. И бегаем все чаще, поскольку после посещения «места общего пользования» веселеть все стали прямо на глазах. И до того развеселились, что остатки водки, что прятали в сливных бачках, какой-то умник додумался вылить ротному в кружку, пока тот покурить отлучился. И капитан Кантор наш ничего – выпил, на

секундочку замер... И сделал вид, что ну ничегошеньки не заметил. Правда, спать роту загнал на час раньше...

Наивный! Кто же спит в новогоднюю ночь?

Был у меня дружок из местных – их отпускали домой в суточные увольнения. Он, значит, дома шампанское трескает, я в казарме...

И где справедливость? А поздравить?!

Тропа для таких случаев известна: в сторону забора. Дежурному по роте сержанту говорю, что иду в соседнюю роту – дружка поздравить, на пару минут. Шинелька на плечах, а под ней – ремень и шапка. Дальше были забор, улицы, фонари. Насчет аптеки не помню – наверное, была... Короче, захожу в дом своего друга, поднимаюсь по лестнице. Вижу: на одной из площадок офицеры курят. Вроде бы знакомых нет... С независимым видом прохожу мимо и жму кнопку звонка рядом с дверью квартирки однополчанина своего. Дверь открылась. Правда, сначала соседняя. И на пороге этой соседней вырос как лист перед травой... наш дорогой товарищ капитан!

Ну кто же знал, что он в этот же дом в гости припрется, Новый год догуливать?!

В общем, на губу я не попал и даже на пять минут зашел к другану – Кантор на площадке курил и ждал. И потом он почти не ругался, а устало так сказал: «Иди в роту! Только патрулям не попадись...»

Я и не попался – что я, совсем уж тупой...

Попался я позже – и не патрулю, а снова ротному. И даже не попался, а, как теперь говорят, «круто попал»!

А тогда, после новогодней ночи, больше всех досталось тому самому сержанту, что по роте дежурил, – когда я ему привет от ротного передал, думал, моего сержанта кондратий хватит. Ничего, отошел, хотя дулся и ворчал долго. Кстати, закончилась самая волшебная ночь в году бо-ольшим грохотом: один из бойцов ночью на елку налетел спросонок и таки уронил красавицу...

* * *

Так насчет «крутого попадалова»... Эту историю можно было бы назвать: «Как я почти стал снежным барсом». В те времена в каждом военном училище были секции туризма. Спортивное ориентирование, то-се. В наших краях эти туристы в сапогах ежегодно совершали восхождение на самую высокую точку Карпат – гору Говерлу, что высотой чуть больше двух тысяч. Не Эверест, конечно, но все же. Служить в Прикарпатском округе и Карпат не увидеть? Да вы с меня смеетесь, как говорят в тех краях! В общем, всеми правдами и неправдами попадаю в список и вместе с толпой военных покорителей вершин еду в сторону румынской границы – Говерла именно там старательно изображает из себя этакую священную гору Фудзи.

К восхождению альпинисты готовились старательно и повзрослому: в маленьком местном магазинчике рядом с турбазой скупили всю водку и разлили ее по армейским литровым флягам. Потом было построение, много правильных и красивых слов, а потом толпа пошла через лес в сторону горы. Красиво шли и организовано, никакой махновщины. Вокруг красота и тишина такая, что аж дух захватывает! Солнце, синее небо, страшно белый и глубокий снег вокруг, а елки такой невероятной высоты, что казалось, само солнце за их вершины цепляется...

Все было как в песне у классика: «Вперед и вверх, а там...» Вверх, кстати, шли не в переносном, а в самом прямом смысле: на высоте лес сошел на нет, и на фоне уходящей в небо снежной стены была видна лишь цепочка из черных фигурок, уходящая куда-то в небо.

Небо уже синим не было, поскольку началась самая настоящая метель, и, чем выше мы поднимались, тем становилось все холоднее и неуютнее. Но две тысячи – это все-таки не восемь, и до вершины мы добрались. А там – мороз, метель, в пяти метрах ни зги не видно, но настоящим снежным барсам это ничуть не помешало отмечать победу над горами.

Фляги гуляли по кругу, пока не обсохли. А они, заразы, непрозрачные ведь – сколько пьешь, не видно. Опять же мороз...

Вниз спускались, как в детской загадке про зайчика: под гору кувыркком! И всем было страшно весело – почти как умному дворнику, распевавшему у Ильфа и Петрова песенку про дни веселые! Правда, вскоре снова в тихий лес вернулись, а там тепло и ни ветринки.

Ага, уже догадались?

Именно так – в теплом и уютном лесу процесс пошел, как говаривал один не альпинист, а скорее террорист-подрывник... Если честно, то дальше обо всем рассказали чуть позже товарищи – между прочим, не бросили пропадать в диком лесу, а ведь могли. Но нет, вели до конца, хотя трудно им было и теряли пару раз! И меня, и дорогу...

Сначала, если этим спасателям верить, я с наглой мордой подошел к каким-то ребятам и начал спрашивать закурить. Ребята ничего, закурить дали, а мне, похоже, было плевать, что на плечах их полушубочков капитанские да майорские погоны! Потом нам всем после перекура как-то нехорошо стало. А тут мои поводыри и толкуют, мол, стой ровно, сейчас здесь генерал проезжать будет. Им об этом какие-то офицеры из проехавшего мимо «уазика» сказали. Ну, генерал – это святое! Стою, глаза пучу, не шатаюсь. Почти. И тут мне так снежка глотнуть захотелось! Наклонился зачерпнуть... В общем, хряпнулся я... хм, лицом в снег как раз пред высокие очи, взиравшие на нас из генеральской кареты. Такая вот конфузия, изящно выражаясь. А генерал и свита его – что значит воспитание! – сделали вид, что ничего не заметили...

А вот ротный заметил.

И именно в тот момент, когда братья по оружию пытались незаметно забросить мою безвольную тушку в кузов грузовика... Что сказал, спрашиваете? Ну, что сказал... Люди вы взрослые, понимаете, что здесь про это писать неприлично. А я-то, наивный, думал, что все матюги знаю! Если попробовать перевести, то сказано было примерно следующее: «Вы, молодой человек, нехорошо себя ведете... Что ж ты, подлюка зеленая, как конь водку жрешь?!» Вы будете смеяться, но на гауптвахту меня опять не посадили, а наша команда заняла... первое место по скорости восхождения и дисциплинированности! Вот я до сих пор все прикидываю: это что же, все остальные были еще пьяней?!

* * *

И, кстати, напоследок... нет, не о птичках, а о конях-лошадях... Иногда у деда моего спрашивали, где он так с лошадьми управляться

научился?

– Где-где... – сердито хмыкал дед, сворачивал «козью ножку», закуривал свою махорку и вдруг улыбался во все свои четыре зуба. – Я, между прочим, перед войной чуть в кавалерию не угодил! Да-а, давненько все это было... Году в сороковом, уже после финской... Где-то по лету приезжает к нам в часть с инспекторской проверкой сам товарищ Буденный. Ну, орел! Усы, звезды маршальские, вся грудь в орденах, и галифе пошире танка будут! Ну, как положено, все осмотрел, а потом и спрашивает, мол, товарищи красноармейцы, у кого какие просьбы? Я и ляпни сразу, мол, всю жизнь мечтаю служить в нашей героической, легендарной кавалерии! Сам понимаешь: кубанка, башлык красный, шашка, лампасы – ну, в общем, красота, умереть – не-встать!

Тут товарищ Буденный хитренько так улыбается в усы свои знаменитые и велит ординарцу лошадь привести – он во все поездки коня брал – говорю же, орел! Привели... кобылу. У нас, кавалеристов, говорит мне маршал, есть обычай посвящать новичка в конники. Так что, говорит, дай ей сахару и целуй перед всем строем! Тут я как-то сразу и затосковал... Кобыла, конечно, красоты неопишуемой, ну так кобыла ж – не красная девка! Смотрю я на ее хвост и спрашиваю – а куда целовать-то? Маршал опять смеется: не туда, куда ты подумал, а просто в губы. Ну я, конечно, повеселел и сахарку ей на ладони дал. Она схрумкала и губки ко мне этак вот тянет... И стыдно вроде чуток, и кубанку страсть как охота поносить!..

Здесь дед всегда делал паузу, выдержанную в самых лучших театральных традициях.

– И ты?! Поцеловался? – Глаза слушателей послушно загорались неподдельным интересом.

– А что я... – Тут дед гасил самокрутку и устало вздыхал. – А я, дурак, проснулся... Накрылась моя кавалерия кубаночкой с красным верхом!

...Давно нет деда, а лучше него армейские байки рассказывать никто не умел. Чего стоила одна его история о нераскрывшемся парашюте, когда он, выполняя особо секретное задание товарища Сталина, грохнулся в глубокий снег, что его и спасло! Дальше дед деловито расписывал, как он выбирался из сугроба, раздвигал кусты... и наблюдал, как бабы рожь жнут. Слушатели порой не сразу

соображали, что хлеб убирают все же в августе, а уж когда до них доходило, то начинали помаленьку умирать. А дед неспешно добивал их новой историей...

У меня так не получится, сколько ни бейся. Если вы уж все-таки добрались до этого места, то поклон вам низкий и, как говорится, глубокий респект за терпение и снисходительность. Ведь иногда слушать бывает еще труднее, чем рассказывать, так что, «а кто слушал – молодец!».

Всего вам доброго.

Ваш А. Терентьев, которому так и не суждено было стать генералом...

Александр Прокопович

Вешайтесь!

В Советской армии солдат одевали на совесть.

Дело было двадцать второго июня, и, вероятно еще раз сверившись с календарем, нам выдали белье зимнее фланелевое и форму полушерстяную. Сразу после этого посадили в поезд и отправили на пересылку. В поезде забота интендантов чувствовалась особенно остро. Я занял третью полку, и это было самое комфортное место в плацкартном вагоне, потому как туда никому не пришло в голову забраться вдвоем.

Было тепло. В смысле – дышать нечем. И то, что мы давно сняли «форму полушерстяную», помогало слабо: при жаре на улице за пределами градусника фланелевое белье радует мало, зато довольно быстро становится вонючим.

Ехать было недолго, и как раз к тому времени, когда воздух начал остывать до щадящих тридцати градусов, мы уже были в небольшом городке Лубны Полтавской области, откуда нас должны были разбросать в разные части по всему необъятному социалистическому лагерю.

Призыв у нас был специфическим: в тот год никакие отсрочки для студентов не действовали, верховный главнокомандующий решил, что – ничего страшного, послужат, как все нормальные люди. И мы как-то даже не протестовали, потому как одни с детства мечтали быть пограничниками, другие – летчиками, и абсолютно все – служить Родине и чтобы автомат на груди.

Процесс обмена зимнего белья – нового, но уже грязного, на летнее старое и нечистое – прошел легко. Вероятно, это был как раз тот случай дедовщины, которому были все рады. Это уже зимой я ностальгировал по фланельке (кстати, больше за всю свою службу ничего теплого – не считать же шинель чем-то и вправду согревающим – мне даже видеть не пришлось).

На следующий день к нам пришло местное начальство. Роту построили и попытались выявить нужных. Интересовали водители, спортсмены, художники и музыканты. Меня касалось последнее. Играть на трубе не умел (собственно, и до сих пор не умею), но мне

сказали, что обычно достаточно буквально одной ночной репетиции – и у всех получается. То есть музыкальная школа тут не главное. И без слуха справлялись, а уж если он имеется, то есть все шансы научиться и даже поспать немного.

Параллельно прошел слух о том, куда нас направляют. Первый раз он пришел со стороны коптерки, где нас пытались уговорить поменять свои свежевыванные кожаные ремни на «стекляшки». Аргументом было то, что нам все равно снова выдадут, а местным негоже в таком убожестве идти на дембель. На логичный вопрос, почему это нам все равно выдадут, ответом были широко раскрытые глаза и фраза, которая заставляла расправлять плечи. Не всех, но меня заставляла: «Дык, вас же ж отправляют исполнять интернациональный долг».

Во второй раз слух пришел из столовой от поварихи Маши, женщины, которая таскала огромные столовские кастрюли, совершенно не напрягаясь. С высоты своих почти двух метров и ста пятидесяти килограммов она взирала на нас огромными печальными глазами и пыталась накормить на два года службы вперед. Время от времени она вздыхала и приговаривала: «Ну куда ж таких молоденьких посылают. Одни ж скелетики, там же и мяса почти не видать». (На самом деле до состояния скелетов нам было еще служить и служить, месяца два, минимум.)

Вот уверенность в нашем будущем и сыграла с нами злую шутку. Сейчас это кажется странным, но комсомольцу, отличнику, твердо верящему, что в будущем его ждет карьера инженера электрических машин, казалось просто оскорбительным променять «Интернациональный Долг» на службу в муз-взводе. Даже если играть на трубе так просто, как об этом говорят.

Все таланты нашего взвода остались в нем же: и художники, и спортсмены, и музыканты. И даже визит делегации старослужащих, которые в ходе встречи без галстуков прозрачно намекнули, что лучше послушать старших, не помог.

Хотя спали тревожно. Ждали дедовщины. Под утро, так и не дождавшись, рота уснула, чтобы ровно в шесть быть разбуженной и построенной.

Интернациональный долг оказался правдой. Почти правдой. В Афганистан не послали, командование нашло другое место на карте –

дружеская Польша открывала свои объятия, и нас ждала танковая учебка (а не какой-то там муз-взвод под Полтавой).

И даже дедовщина нас не испугала. Дедовщина нас сильно расстроила.

Уже после построения до каждого в отдельности и до всех вместе начало доходить, что нас таки наказали. Обворовали всех. У меня с руки сняли часы «Полет», а заодно свистнули игрушечного дракончика, у кого-то изъяли деньги, у кого-то фотографии, местные не брезговали ничем. И все это за те неполные два часа между тем как мы заснули и нас разбудили.

Собственно преданность защите социалистических идеалов обошлась каждому довольно дорого, но впереди были: служба, присяга, автомат, настоящий танк. И где-то совсем уж далеко – дембельский альбом, чтобы тыкать в фотографии и небрежно проговаривать любимой девушке – это мы пшекков усмиряли...

Все встало на свои места через сутки. Мы пересекли границу на поезде, проехали подземный Варшавский вокзал, чтобы первый раз вступить на польскую землю в Легнице – городе-столице Северной группы войск. Там нас впрессовали в грузовики, и мы довольно долго ехали, всем телом запоминая польские кочки и ухабы.

Уже под вечер нас привезли в часть. Выгружали на огромном плацу, окруженном ангарами, в которых спящими чудовищами угадывались танки: Т-72, Т-80 и Т-62.

Нас ждали, нашей вере уже пели песню.

Сотни луженых глоток орали ничего не понимающим восемнадцатилетним пацанам: «Вешайтесь!»

Уже на следующее утро, после ночи, проведенной на плацу, – между взводами узбеков, которых вскоре увезут в стройбат, и грузин, чуть позже растворившихся по складам и кухням, – плечи поникли. Очень хотелось играть на трубе и быть хоть под Полтавой, хоть под Орлом, лишь бы не за границей. Не грели мечты об автомате и танке, а дембель был так далек, что даже считать дни было смешно и глупо.

...И не знали мы, что через полгода, перед тем как уехать из танковой учебки в часть, будем встречать грузовики с духами и кричать им: «Вешайтесь!»

Песню – запе-вай!

Чтобы из человеческого здорового тела получить труп, надо не так уж много.

В нашей части нужный эффект пытались получить зимой путем отключения отопления. Когда это не подействовало (примерно в тот момент, когда в казарме стало трудно мыть пол, потому что вода на тряпке слишком быстро превращалась в лед), было решено, что наша форма какая-то грязная. Нужно было срочно постираться.

И дело даже не в том, что при минус десяти пытаться в ледяной воде отстирать ПШ неприятно. Вопрос, что с этим делать дальше? Потому как застыть форма могла, а высохнуть – нет.

Но на то и армия, чтобы находить нестандартные и простые решения. Нам приказали одеться. В постиранное, застывающее. Процесс пошел – форма начала подсыхать, а с солдатским телом – о чем известно из курса прикладной армейской физиологии – ничего произойти не может по определению.

Так и случилось – никто не умер. И на строевом смотре мы смотрелись хорошо – в чистой опрятной форме. Правда, многие кашляли и чихали, но смотр – не разведка, бесшумное приближение к противнику здесь не требуется.

На следующий день мы должны были демонстрировать, как мы хорошо смотримся в движении. То есть маршировать по плацу с песней. Причем ротным запевалой был я.

На самом деле ротных запевал было четверо, но остальные пели куда-то в сторону и тихо, то есть по факту оставался я. У меня было подозрение, что это было такое особое проявление чувства юмора нашего командира роты.

* * *

Только попав в армию, я впервые в жизни узнал, что хохол. Как раз от нашего капитана – командира роты. То есть «жидовской харей» был много раз, с хохлом не складывалось. Взвод наш был собран из

студентов киевских вузов, и по странному совпадению среди нас было много украинцев. А командир роты был москвичом. Обнаружив такой сброд в своем подразделении, капитан назначил ротной песней «Дорогая моя столица, золотая моя Москва». В ответ взводной строевой у нас стала «Йихав, йихав козак мистом...».

Получалось у нас хорошо, даже у единственного лезгина, который пел громко, не понимая ни слова.

Капитан сделал ответный ход – назначил меня ротным запевалой, в помощники подобрал ребят с перманентным несмыканием.

* * *

Когда температура в казарме уже позволяла касаться металлических предметов, не опасаясь примерзнуть, мне вдруг стало хорошо. Тепло. И как-то все побоку. Момент между вечерней поверкой и опусканием тела в кровать я упустил. Когда температура организма около сорока – это отвлекает.

Утро не было добрым. Я лишился голоса. То есть попытка что-то сказать сильно напоминала пародию на говорящую рыбу. Мне казалось, что это достаточно уважительная причина в попытке добиться права маршировать, но не петь. Капитан выслушал взводного и скомандовал: «Шагом марш! Песню – запе-вай!»

Потом он отдал эту команду еще раз и еще. Рота маршировала от одного конца плаца к другому, запевать было некому, потому, дойдя до края, мы бегом возвращались обратно и снова шли, и снова не запевали.

Наверное, это было красиво. Квадраты застывших рот и наша – бесконечно марширующая и бесконечно бегущая обратно. Командир полка, начальник штаба – все были очарованы этим вечным двигателем – и в какой-то момент эта магия коснулась и меня.

Я запел.

Куда делась болезнь, как с таким горлом в принципе можно извлекать звуки – останется тайной. Я пел, и это было лучшее исполнение «Дорогой Москвы». Мне не нужны были помощники, кажется, даже когда наконец-то вступила вся рота, сто двадцать глоток

стали лишь еле слышным аккомпанементом моего мощного баритонального тенора. Рота чеканила по плацу, и синяя жилка пульсировала на виске командира роты.

* * *

Еще месяц я не мог говорить. Вообще. Но пел. Голос прорезался по команде и по команде исчезал. У меня возникло подозрение, что вот так и появились мифы о колдунах и ведьмах. Что-то есть в этом мистическое: «Песню – запевай!» Пусть никто не верит, а я знаю – это заклятие.

Черная армейская магия.

...Вероятно, ее преподают на закрытых командирских курсах.

Прогулка танкиста

Большая часть моей службы подразумевала стрельбу из стодвадцатимиллиметровой гладкоствольной пушки снарядами, каждый из которых стоил как небольшой автомобиль. Служил я оператором-наводчиком танка Т-80. На практике же куда больше времени я провел на уборке территории, за мытьем посуды и несением караульной службы.

Через год я уже перестал считать службу чем-то ненормальным, еще через пару месяцев армия постепенно стала напрягать все меньше, и вот в этот момент нечаянной расслабленности случились сразу две неприятности.

Неприятность номер раз – в полку появился новый замполит, который решил меня назначить заместителем начальника клуба. Собственно, эта должность и была неприятностью номер два. Дело в том, что к ней прилагался большой чемодан с оторванной ручкой.

В переводе на русский, заместитель начальника клуба означал – почтальон и владелец ключей от клуба.

Ключи – это здорово. Когда у тебя есть что закрыть и что открыть – как-то сам себя начинаешь уважать. А когда в закрытом чём-то притаился рояль, это вообще сильно примиряет с жизнью.

Чемодан – это плохо. Каждое утро и каждый вечер мне надо было идти в польский городок, чтобы в почтовом отделении группы войск заполнить свой чемодан письмами, газетами и журналами. Чемодан все это вполне вмещал, но тут же переставал быть переносным. При моем не самом большом росте и размахе рук попытка обхватить и приподнять его уже выглядела довольно смешно. А надо было еще пронести это чудовище пару километров.

Следующие месяцы службы состояли из бесконечного процесса – сооружения очередной ручки. Проволока, изолента, трубки от капельниц – все шло в дело, все рано или поздно рвалось, и ни разу это не произошло в удачное время.

Два вещмешка с успехом заменяли один чемодан. Но я уже упоминал про неприятность номер раз – нового замполита. Он считал это неприемлемым. Почта должна была доставляться в чемодане.

(Видели бы вы выражение моего лица, когда, спустя годы, я впервые обнаружил такую вещь, как чемодан на колесиках!)

Замполит оказался моим земляком и потому пытался создать на моей базе идеального солдата.

База сопротивлялась, но до дембеля было далеко.

Так как мне приходилось ходить в город, и вся Польша могла увидеть Настоящего Советского Солдата, особым пунктиком подполковника был мой внешний вид. По этому случаю брился я три раза в день – перед утренней поверкой, перед вторым походом в город за почтой и перед вечерним построением. Так бывает у брюнетов – проходит два-три часа, и уже все не так идеально. Вероятно, надо было гримироваться. Зато сапоги и бляха на ремне сверкали, сводя на нет все усилия командования, направленные на скрытую дислокацию Северной группы войск.

На самом деле, польские товарищи должны были получать от меня две ежедневные порции самоутверждения. Глядя, как советские вооруженные силы, в моем лице, тащат чемодан без ручек, набитый коммунистической прессой... довольно ярко чувствуешь преимущества капиталистического строя.

Вот в таком состоянии постоянного стремления к совершенству, иногда разбавляемому ночными вылазками к роялю, прошел где-то месяц службы, когда со мной случилось ЭТО.

Начиналось все с совершенно обычного письма майору Зозуле. Первая проблема была в том, что в нашем полку такого не было. Проблема вторая была в том, что мой замполит майора знал. Товарищ Зозуля был акушером и гинекологом, служил в госпитале Северной группы войск, который находился довольно рядом.

Туда меня и отправили.

Все было хорошо до самого входа в госпиталь. Не так часто мне доводилось прогуливаться по польской земле без чемодана. Да, были случаи, но в те разы я был не один, и с нами был танк. То есть не самая романтическая обстановка. Мне было так хорошо идти с грузом в одно письмо, что даже крики местных: «Курва радецкая» – были не способны омрачить мое настроение.

Беда пришла, откуда не ждали. Меня заставили надеть белый халат. В ту же секунду танкист оператор-наводчик исчез (пациенты

госпиталя носят пижамы), а форменные брюки, сапоги и белый халат в госпитале означают только одно – медбрат.

Майор Зозуля был акушером и гинекологом, потому, перемещаясь по госпиталю от одной подсказки к другой, я довольно ожидаемо оказался там, где и должно, – в родовом зале.

Нормальный гражданский человек не может оказаться в такой ситуации. Он реагирует на то, где он, что с ним и чего это тут вокруг него происходит. Что за звуки странные... Но это гражданский.

Танкист – пусть даже он почтальон, пусть даже именно в этот момент он и не смотрит на мир через прицел с лазерным дальномером, все равно, – танкист идет к цели и выполняет приказ.

Я узнал, как называется это помещение, позже. Уже после того, как, объявив: «Письмо майору Зозуле!» – я увидел, чем тут занимаются. На меня смотрели врач, вероятно товарищ Зозуля, две сестрички и две барышни-пациентки, одна из которых ровно в этот момент рожала. И я потерял сознание.

* * *

Приблизительно через месяц после моей экскурсии в госпиталь меня вызвал к себе замполит. Замполит был не один, с ним в кабинете сидела симпатичная женщина, и подполковник явно чего-то от нее хотел.

– Мой земляк, – начал замполит, – почтальон, клубом у нас заведует, на рояле играет...

– А я его знаю, он у меня роды принимал.

Несмотря на то что замполит был целым подполковником, он был не в курсе того, что, когда женщина рожает, она может не совсем адекватно воспринимать окружающий мир. Я тоже не особо горел желанием рассказывать о своем обмороке – не по-пацански как-то.

Замполит для себя сложил ситуацию так: у жены начальника штаба Северной группы войск роды принимал солдатик, который абсолютно точно умел стрелять из танка и таскать чемодан. Солдатик, который по его инициативе три раза в день брился и бессчетное

количество раз сдавал зачет на знание устава караульной службы. То есть человек, который имел все основания его ненавидеть.

– Так ты еще и акушер?

Аудиенция была прервана на этой волнующей фразе. На следующий день я побрился всего лишь раз и доставил почту в вещмешках.

И так было до конца моей службы.

Кстати, жену начальника штаба звали Марией, жила она неподалеку от почты, и у нее было совершенно феерическое малиновое варенье.

И не только варенье.

Назначенный другом

Это вранье, что солдаты ну прям ТАК хотят. И насчет брома – вранье.

Когда в десять вечера – построение, и отбой – пять раз, потому что кто-то не уложился в норматив, и снова подъем, и снова отбой... Когда в три часа ночи полоумный сержант проводит экзамен на знание устава. Когда в шесть вставать слишком поздно, потому что тогда не успеть побриться до построения, поэтому подъем в пять сорок пять, – какие нах женщины? Кто такие эти нелепые, с грудью и тяжелыми ляжками, после пятнадцатикилометровой пробежки, просто с утра перед завтраком? Может, они кому-то и мерещатся, только перед глазами – бетон, в руках – лом и задача выдолбить метр в глубину. Мозгами понимаешь – задача как раз до дембеля, а руки делают...

В эти же сутки укладываются занятия по вождению танка, стрельбы на тренажере и стрельбы на полигоне, вечерняя прогулка – это строим вокруг казармы с песней три круга, и зависание под полуденным солнцем на плацу – до почерневшего х/б. Добежал до койки, еще не упало одеяло, а ты уже спишь.

И никаких поллюций.

* * *

Не думал о женщинах и единственный узбек на всю танковую учебку – Рустам.

Когда на тебе шинель, вещмешок – полностью снаряженный вещмешок – автомат, подсумок, противогаз, ты мечтаешь только о запотевшей литровой стеклянной бутылке кока-колы из холодильника в чипке.

Когда бежишь уже долго, так долго, что даже сразу не остановиться, только с тормозным путем, бредишь о том, как бы лечь в любом месте. И если привал – каждая минута – долго.

Вероятно, командование было право, когда посчитало, что узбеки не должны быть танкистами. В стройбате так не бегут. В стройбате

никакому идиоту-капитану не придет в голову при тридцатиградусной жаре заставить роту надеть ОЗК и противогаз, чтобы преодолеть километр по песку. Когда лес уже остался позади. И между тобой и солнцем – резина и сразу запотевшие стекла противогаза. А воздух уже кончился...

Рустама, наверное, очень правильно воспитывали. Он твердо понимал, что, если кто-то над тобой издевается, значит эти кто-то – фашисты.

А в руках у Рустама был АК-74. Тридцать патронов в магазине и еще два магазина в подсумке. Впереди по ходу движения прямо посреди песчаной равнины маячили какие-то развалины, и Рустам сделал отрыв и не обогнул их вместе со всей ротой, а помчался внутрь.

Там он уже снял противогаз, скинул ОЗК и открыл огонь.

* * *

Он ни в кого не попал. Он больше кричал, чем стрелял, но капитан испугался. Девяносто патронов – это много, но никто-никто не мешал нам просто уйти. Рано или поздно Рустам пришел бы в себя или просто у него кончился бы боезапас. Капитан решил иначе. На танке Т-80 стоит зенитный пулемет. Мощь этой штуки не чувствуется, когда она лупит в небо. На этот раз пулемет обработал развалины. Не осталось ничего. Бетонная крошка и куски арматуры.

* * *

В гарнизонном городке Страхов увольнительных не было. Некуда ходить в увольнение, если вокруг лес. Можно было надеяться на отпуск. Пара пацанов в год с безумными глазами уезжали на командирском «уазике» в аэропорт. Пара пацанов на батальон, мое еврейское счастье не давало никаких шансов выиграть в этой лотерее.

Так уж получилось, что между койкой моей и Рустама было где-то метр двадцать по вертикали, в силу этих метра двадцати я был

назначен его другом.

Я летел с запечатанным гробом в Ташкент и не знал, что в него положили.

Я был постыдно счастлив.

* * *

Из ташкентского аэропорта, передав гроб ребятам из комендатуры, я отправился к родителям Рустама. Врал я легко. В конце концов, Рустам действительно был героем. Тот, кто открывает огонь по фашистам, – герой по определению.

А потом Ташкент взял свое. Он лупил бесконечными булочками, пирожками, халвами, мантами, дынями и арбузами – денег почти не было, но те, что были, – все были отданы за сладкое и вкусное.

Никакая сколь угодно градусо-содержащая жидкость не сработала бы так здорово, как это сделали пирожки с орехами. Я был полностью и окончательно пьян, иначе нельзя объяснить, как солдат срочной службы может вместо того, чтобы податься к месту назначения, стал тупо звонить 09. Ташкентский 09 дал адрес, а местный пацан, вместо того чтобы в манере европейских городов долго размахивать руками и перечислять количество поворотов направо-налево, просто взял за руку и так, ни на секунду ее не отпуская, отвел.

В Ташкенте жила Она. На пять лет меня старше, бывшая предметом воздыханий еще до кирзы, реагирующая на ухаживания положительно, но не пускавшая дальше улыбки. Правильная барышня, вышедшая замуж за правильного парня из Ташкента. И я шел к ней домой, чтобы что?..

* * *

Через два года, когда все, что было между призывом и дембелем, воспринималось как забавная история, которая точно произошла не со мной, Она приехала в мой город. Собственно, Она должна была

прилететь и улететь, но с керосином в стране было в тот момент плохо. На вторые сутки проживания в аэропорту – набрала мой домашний. И следующие три дня жила у меня, общалась с моей мамой и текущей девушкой... Она была не одна. Два очаровательных близнеца были совсем не похожи на детей Ташкента, и дело не в том, что их мама была голубоглазой блондинкой, дело в том, что тоску еврейского народа не вместить в глаза азиата.

Мама мне так ничего и не сказала, просто подарила барышне мою детскую фотографию.

Керосин нашелся в критический момент, когда моя девушка куда-то испарилась, а не моя барышня как-то стала очень домашней и очень своей.

* * *

Еще через год в аналогичную ситуацию попал ее муж. Он прожил у нас неделю. Так получилось – он был военным человеком, его перебрасывали из одного места службы в другое, и на половине пути начальство задумалось на неделю.

Когда он спустился к такси, которое должно было отвезти его на вокзал, я вздохнул с облегчением. Накануне я в последний момент предотвратил попытку мамы познакомить его с альбомом моих детских фотографий.

Теперь я точно знаю, для чего нужны фотоальбомы.

* * *

Так получилось, что я снова побывал в части. Встречали меня как человека, от которого зависят деньги, небольшие, но все же. Поэтому мне устроили экскурсию. С трудом узнавая места службы, я постепенно погружался в роль столичного гостя. Когда капитан, прикрепленный ко мне, скомандовал водителю: «В долину смерти», – ничто во мне не дрогнуло. Мало ли по нашей необъятной родине

раскинулось таких. Нет такой долины, чтобы в ней не побывал враг, а враг нам всегда попадался такой, что, пока полстраны не положит, не отступится.

Развалины, где погиб Рустам, разом выбили меня из туристического настроения. В ноздри саданул давно забытый вкус воздуха из противогоза. У развалин высилась бетонная стела с навязшим «Никто не забыт». Я не верил. Подошел, погладил основание, будто боялся – почудилось.

– Тут бои были в сорок втором... – заэкскурсоводил капитанчик.

Ну да. Памятник неизвестному солдату. Я-то знаю, какому именно. И вся моя рота знает. И Рустам знает.

Может быть, так даже лучше.

Наверняка тут действительно были бои. Они всюду были. И фашистов били, так что у Рустама теперь все хорошо – со своими лежит. Капитан меня не понял, замолчал, как отрезало, а я все же сказал:

– Здесь и в восемьдесят девятом бои тоже были...

Запах противогоза ушел.

Снова был июнь, снова пекло, и я вспоминал Ташкент.

Михаил Осташевский

Некачественный спирт

Когда я учился на третьем курсе военного училища, одну из химических лабораторий оснастили польским оборудованием. По стенам расположились красивые стеклянные полки, а для пущей важности на эти полки расставили склянки с различными реактивами. Для совсем полной красоты.

Во время лабораторных занятий я подметил, что рядом со столом, за которым мы сидели вместе с лучшим другом Славиком Мамаевым, стоит на полке литровый пузырек, на этикетке которого написано «Фенолфталеин». Что фенолфталеин идет в спиртовом растворе, я знал, еще работая лаборантом в одном НИИ. Снял пузырек с полки, открыл пробку, понюхал. Так оно и есть. Я протянул пузырек Славике и предложил тоже понюхать.

– Забираем! – втянув носом спиртовой аромат и блаженно закатив глаза, вдохновенно сказал Славик.

– Во-первых, весь пузырек мы забрать не можем. Лаборантки или преподаватель могут после занятий проверить класс и, обнаружив на полке пустое место, поднять шум. Во-вторых, фенолфталеин очень коварен по своему воздействию на организм.

– Вреден, что ли?

– Ну как тебе, Славик, сказать. Может быть, и не вреден. Может быть, даже кому-то полезен. В аптеках его как лекарство продают.

– Тогда обязательно забираем! Заодно и подлечимся! Совместим полезное с приятным!

После того как мой друг вдохнул желанный аромат, его желудок заработал вместо мозгов. Славик очень захотел выпить. И ни о чем другом думать больше не мог.

– А ты знаешь медицинское название фенолфталеина?

– Нет.

– Пурген!

С этим словом, судя по реакции, Славик был знаком. Он сразу сник.

– Ты, Вячеслав Сергеевич, так сразу не окисляйся. Не бери лишнюю нагрузку на сердце. Мы сделаем по-умному. На перерыве я

выпрошу у лаборанток пустую бутылку, отольем себе львиную долю и на ком-нибудь испытаем. Если все будет нормально, завтра пьем!

– Давай!

Во время перерыва я взял у девчонок пустую пол-литровую бутылку и наполнил ее под завязку желанной жидкостью.

– На ком будем испытывать? – нетерпеливо спросил Славик.

– Ты не торопись. Испытаем на Деде. Только чуть позже. Ближе к ужину.

«Дедом» звали курсанта по фамилии Невров. Был он до крайности ленив, и нормальное положение организма у него было лежачее. Реже – сидячее, но обязательно привалившись к чему-нибудь.

Перед ужином отлил немного жидкости в металлическую солдатскую кружку. Для испытаний.

– Куда ты столько льешь?! Ему и чуть-чуть хватит! Нам оставь побольше! – возмутился Славик.

– Не жмись! Испытывать надо основательно! Вдруг эффект зависит от дозы?! Вдруг ему с чуть-чуть ничего не будет, а мы с нормального количества загремим потом «ракетчиками» в отдельную палату нашей санчасти! («Ракетчиками» звали в училище тех, у кого возникало расстройство желудка. У них брали позорный мазок и на две недели помещали в отдельную палату. Под замок. Пока не станут известны результаты анализа. И кормили крайне скудно. Большую часть приготавливаемой пищи им нельзя было есть.)

Я налил почти половину кружки, а потом взял чуток в рот и выплюнул. То же самое заставил сделать Славика. Кружку с жидкостью мы спрятали на лестнице возле чердачной двери. И пошли искать Деда. И нашли. Валявшегося как бревно на своей койке. Где же еще он мог быть?

Я отозвал подопытного в сторонку и спросил:

– Дед! От нас ничем не пахнет?

После чего дыхнул на него.

– У, ребята! Вы где-то выпили! – очень огорченно произнес Невров.

– Не кисни! Мы и тебе оставили!

Вникнув в смысл сказанного мною, Дед пришел в сильно возбужденное состояние. Он стал бестолково тыкаться во все стороны, пока мы не направили его, как торпеду, в нужном направлении.

На лестничной клетке я протянул испытателю кружку и предупредил, что в ней не водка, а чистый спирт. Увидев количество жидкости, Дед возбудился еще сильнее.

– Ну, ребята!.. Я вам это никогда!.. Я вам все!..

Особым авторитетом он не пользовался, поэтому его еще никто за три года так не баловал. Если бы не великая природная лень, он в благодарность Землю с орбиты бы сдвинул, попроси мы его об этом.

Невров взял кружку в руку и, еще раз оценив количество жидкости, с надеждой спросил:

– А закусить?..

– Может, тебе еще и девочку потом сюда привести?! Рукавом занюхаешь! Не в филармонии!

Совет был дельным. Ленивый Дед обмундирование свое стирал крайне редко, и рукава у него были духовитые. Да что там рукава! Вся одежда! Сверху донизу. Закатив глаза, он залпом выпил содержимое и с шумом стал втягивать родной запах своего немытого организма. Прямо из подмышки.

Мы вернулись в роту. После ужина Дед находился под нашим постоянным и пристальным вниманием. Если не считать того, что был он прилично пьян, с ним ничего не происходило. Невров сидел в Ленинской комнате, привалившись к стенке, и, тихо бормоча себе что-то под нос, хихикал.

– Сам себя веселит, гад! – возмущенно сказал Славик. – И ничего плохого с ним не происходит! Наоборот, ему сейчас хорошо! В отличие от нас! Лучше бы сами выпили!

– Завтра и выпьем! Куда ты так торопишься?

До самого отбоя мы внимательно, но ненавязчиво следили за Дедом. С ним все было нормально.

Славик, вспоминая количество выпитого Невровым, горестно вздыхал.

Утром наш заместитель командира взвода, тезка моего друга Славик Майоров, стал считать построившихся на зарядку.

– Раз, два, три, четыре... двадцать три! Раз, два, три, четыре... двадцать три! Командиры отделений! Кого нет?

– Неврова!

– Ну, Дед! Ну, сачок! Вечером ты у меня десять километров по стадиону намотаешь!

Взвод шел к выходу, а Майоров продолжал возмущаться.

– Славик! Ты кого ищешь? – спросил дневальный.

– Невров от зарядки сачкует!

– Да в туалете он. Как сел на очко в четыре утра, так и не может слезть.

Вместе с замкомвзвода мы с Мамаем бросились в туалет. Посмотреть на дело рук своих.

Дед сидел на очке и читал газету. Чтобы не затекали ноги, он прицепил за стенку туалета свой ремень и держался за него, как пассажир древнего трамвая.

– Дед! На зарядку!

– Не могу, Славик! Меня несет! Съел что-то непотребное за ужином!

* * *

– Вот видишь, – сказал я потом другу, – ты все говорил: «Давай выпьем! Давай выпьем!» – а спирт оказался некачественный! Не питьевой!

Легкие деньги

В начале девяностых годов у нас в управлении дивизии появился копировальный аппарат. Узнал я об этом случайно.

Был день полочки, и я, получив деньги, пошел в кабинет подполковника Онкина поговорить с ним о жизни. У него в кабинете стоял большой металлический ящик, которого раньше не было.

- Это что? – любопытствовал я.
- Ксерокс! Копии с документов делать.
- С чего угодно можно копии делать?
- Да!
- Цветные?
- Только черно-белые.

У меня в голове уже созрела мысль, как можно использовать этот ящик во благо, и я, достав из кошелька пятитысячную купюру, сказал:

- Давай, Витек, откопируй мне с десяток!
- Ты потом в магазин с ними не пойдешь?! А то меня посадят как поделщика в изготовлении фальшивых бабок!
- Не дрейфь! Все нормально будет!

Виктор сделал мне десяток копий с одной стороны купюры, и я побежал в свой кабинет.

Пятитысячная купюра тогда только пошла в обращение и составляла почти треть полочки старшего офицера.

Я пришел в свой кабинет и положил листы с копиями на стол. Мой помощник, Андрюха Горемыкин, любопытствовал:

- Зачем они вам?
- Есть одна мысль!

Я аккуратно вырезал копии и, положив для образца настоящую купюру, стал тщательно раскрашивать их остро отточенными цветными карандашами. До конца рабочего дня я раскрасил три штуки. Получилось совсем неплохо. На чистой стороне самодельной деньги я карандашом написал: «ФИГ ТЕБЕ!»

– Если внимательно не приглядываться, то почти как настоящие! – похвалил мою работу помощник.

- Завтра, Андрюха, будем обогащать народ! – сказал я.

На следующий день Горемыкин отнес одну сложенную вчетверо деньгу на улицу и положил на снег по дороге к штабу. Наш кабинет располагался на третьем этаже. Из окна хорошо было видно место, где лежит самодельная купюра. Глядя жадными глазами на дорогу, мы стали ждать дальнейшего развития событий. Минут через пять на дороге появились три офицера с нашего командного пункта. Дружной компанией они шли в здание штаба за получкой.

Деньгу идущие увидели одновременно. Остановились как вкопанные. Тот, что шел посередине, обладал лучшей реакцией, чем его товарищи. Он резко растопырил руки в стороны, и товарищи отлетели метра на полтора назад, а шустрик тигром бросился к разрисованной бумажке.

– Вот видишь, Андрюха, большие деньги сразу ставят конец верной дружбе! – прокомментировал я произошедшее.

Рассмотрев внимательней найденное, офицер разорвал бумагу на мелкие части и пустил по ветру. До штаба он шел уже один. Друзей у него больше не было.

– Разорвал, гад! – огорченно сказал Андрюха.

Я тоже прикинул, что если так будет с каждой очередной деньгой, то я замучаюсь их разрисовывать. И мне пришла в голову хорошая мысль.

– Сейчас я тебе дам еще одну, а ты положишь ее на лед и сверху зальешь холодной водой! – сказал я.

Так и сделали. Только в этот раз мы сложили ее вдвое. На дороге льда не было, и купюру пришлось разместить ближе к зданию штаба, где был покрытый тонким слоем льда асфальт. Залитую водой бумагу Андрюха прикрыл картонкой, чтобы ее не нашли раньше времени, пока вода не превратилась в лед.

Через час помощник снял картонку и для естественности присыпал часть деньги снегом. В течение получаса мимо прошло человек пять. Купюру никто не замечал. Я решил сходить в магазин, а заодно расчистить снег с купюры.

Проходя мимо тайника, я внимательно на него посмотрел. Пятитысячной почти не было видно. Сходя в магазин и купив там курева, я на обратном пути мимоходом расчистил ее ногой и вошел в здание штаба.

– Курить купил? – спросил меня при входе дежурный по управлению Боря Сердюков.

– Ну!

– Пойду тоже куплю, а то кончились!

Я бегом поднялся по лестнице, чтобы не пропустить момент, когда Боря будет проходить мимо купюры.

Зря я торопился. Сердюков вышел из штаба минуты через две. Он неторопливо прошел мимо деньги, причем, проходя, посмотрел на нее. Сделав по инерции еще пару шагов, Боря замер, всем корпусом развернулся в обратную сторону и подошел к богатству. Стремительно упав на колени, он стал скрести лед руками. Залитая сантиметровым слоем льда купюра не поддавалась. Тогда Боря вынул из кобуры шомпол и стал царапать лед им. От усердия у него задрался китель. Стали видны голубые, с начесом, офицерские кальсоны, выбившаяся из-под них нижняя рубашка и голое тело. В метре от него проходили служащие в части женщины. Прошел мимо заместитель командира дивизии, с интересом посмотрев, чем занимается дежуривший по управлению подполковник.

Боре уже все было по барабану.

Кроме пятитысячной купюры, он уже ничего не видел. Потом до него, наверное, дошло, что шомполом можно порвать сокровище, и он, присыпав купюру снегом, побежал в дежурку.

– Так старался и вдруг ушел! – удивленно сказал мой помощник.

Я проанализировал ситуацию и ответил:

– Он не ушел. Он или выйдет сейчас со снятым с пожарного щита топором и вырубит ее прямо с куском асфальта, или, минуты через три, с полной кипятка кофеваркой.

Боря вышел с кофеваркой. Он ходил кругами и никак не мог отыскать то место, где лежит сокровище. Видимо, слишком старательно присыпал снегом. После долгих, тщательных поисков нашел и, опять упав на колени, стал лить кипяток на закрывающий купюру лед. От кипятка бумага, на которой была сделана копия, размокла и превратилась в бесформенное месиво. Счастье Бори растаяло прямо на глазах. Причем до него дошло, что закатавшие под лед деньги наверняка смотрят жадными глазами на происходящее и ржут как кони. Он поднял голову и горестно стал смотреть на окна

штаба. Мы с Андрюхой, всхлипывая от безудержного смеха, махали ему руками.

– Может, мы зря так? – спросил меня помощник.

– Тут ты, Андрюха, неправ! – ответил я. – Счастье Боря испытывал минут десять: пока ковырял лед, кипятил воду, вторично искал деньги и лил кипятком. Адреналин накрыл его организм волной до самых ушей. А разочарование длилось всего несколько секунд!

Стрельбы

Когда я служил в Татарской Автономной Республике, была у меня одна знакомая. Она работала в торговой сети и могла достать что угодно. На прилавках магазинов тогда ничего хорошего не было. Однако, благодаря ей, я был одет и обут во все дефицитное. Эта же знакомая как-то достала мне часы. В то время часы, которые помимо времени и числа показывали еще и день недели, только появились и в свободной продаже не лежали. Причем дни недели на этих, отечественных, часах, были на английском языке. По тем временам это было очень круто, и приятели мне завидовали.

Через месяц похожие часы (может, чуть похуже и подешевле, чем у меня) достал где-то по блату начальник инженерной службы Коля Карнаухов. А спустя неделю офицерский состав нашей части повезли на учебные стрельбы.

За городом у части было хорошо оборудованное стрельбище.

Было начало сентября, и погода стояла чудесная. Теплая, солнечная и безветренная.

Мы приехали на стрельбище и стали «готовить мишенную обстановку» – проще говоря, крепить мишени на щиты. Карнаухова тоже занесло к мишеням. И тут он, случайно, увидел на одном из щитов торчащий гвоздь.

С минуту подумав о чем-то своем, Коля снял с себя часы и повесил за ремешок на гвоздь.

Потом отошел к двадцатипятиметровой отметке и посмотрел на часы. Я стоял рядом и видел его хронометр как небольшую желтую точку.

Коля сложил ладони рупором, поднес ко рту и крикнул:

– Кто желает выстрелить по моим часам – пожалуйста! При попадании – с меня бутылка водки! При промахе – с того, кто стрелял!

Он повернулся ко мне и радостно сказал:

– Запросто ящик водки сейчас выиграю! Хрен кто попадет!

К большому удивлению Коли, желающих не было. Все трезво оценивали свои возможности. Попасть с расстояния двадцати пяти метров из пистолета Макарова в часы диаметром около трех

сантиметров, мог только очень хороший стрелок. Снайпер. Все стояли и молча смотрели на Карнаухова. Только мой товарищ, начальник медицинской службы Игорь Вертохвостов, глядя себе под ноги, медленно ходил кругами.

Сделав круга два, он посмотрел на Колю и спросил:

– А бутылка спирта пойдет?

– Конечно! – сразу же согласился Карнаухов.

Игорь подошел к прапору, назначенному раздатчиком боеприпасов, и взял у него один патрон. Потом встал на огневой рубеж и тщательно прицелился.

Верно говорят, что у каждого человека своя судьба. За свою жизнь я неоднократно убеждался в правильности этого афоризма. Но мне кажется, что и у каждой вещи тоже своя судьба. И свой срок жизни. Срок жизни Колиных часов заканчивался.

Пуля, выпущенная на волю из пистолета начальника медицинской службы, попала прямо в центр Колиных часов. От циферблата во все стороны брызнули желтые осколки. Сразу после этого у меня возникло ощущение, будто я нахожусь на стадионе и только что в ворота противника забили долгожданный гол. Потому что все присутствующие, за исключением Карнаухова, подняли вверх руки, радостно запрыгали и дико закричали:

– Ур-р-р-а-а-а!!! По-о-о-о-опа-а-а-ал!!!

Физиономия Коли сильно вытянулась и приобрела серый оттенок.

Он взглянул на меня и горестно сказал:

– И я ему за это еще бутылку водки должен поставить...

Кабан

В то время я проходил службу в заштатном городке одной из автономных республик бывшего СССР. Я заступил в свой очередной наряд дежурным по части и после обеда сидел в курилке, радуясь теплоте августовскому дню.

Туда же зашел и Жора Ротарь, заместитель командира части по тылу. Он был молдаванин и славился среди офицеров части тем, что готовил очень вкусные соленья, классно жарил и коптил мясо и отлично вялил рыбу. Благодаря Жоре, я первый раз в жизни попробовал соленый арбуз и зажаренного на вертеле молочного поросенка.

– У тебя пистолет с собой или в сейфе? – спросил Жора.

– С собой! – Я похлопал по кобуре. – А что?

– Да Яшку бы надо стрельнуть!

Яшкой звали прапорщика. Начальника склада горючесмазочных материалов. Но мстительный начальник столовой прапор Боря назвал Яшкой, в честь чем-то не угодившего ему гэсээмщика, племенного кабана. Я сразу понял, о чем идет речь, но все равно задал Жоре вопрос:

– Прапора?

– Нет! – серьезно ответил Жора. – Прапор пусть пока еще немного поживет. Кабана!

Кабан до недавнего времени «окучивал» все свинство подсобного хозяйства части, но с годами разжирел, к своим обязанностям стал относиться с большой ленцой и полгода назад был за это подвергнут кастрации. Чтобы после забоя мясо не пахло.

– А патроны? У меня лишних нет! Мне, Жора, патроны при смене по счету сдавать придется!

Жора залез в свой карман и молча вытащил из него патрон. Один. Судя по окислившемуся металлу гильзы, лет патрону было уже немало. Видимо, запасливый Жора хранил его с лейтенантских времен. Может быть даже, он был дорог ему как память.

– Ладно! – согласился я. – Пошли!

По дороге меня стали терзать большие сомнения в успешном исходе предстоящей стрельбы. Патрон был один, и если не попасть куда надо, то Жора мог в дальнейшем повесить на меня всех собак.

Когда мы подошли к подсобному хозяйству части, я увидел, что за полутораметровой загородкой Яшка – бегаёт. Это было на него непохоже. Обычно кабан, как бревно, валялся на боку и вставал только для того, чтобы пожрать или попить. Теперь он носился вовсю и непрерывно повизгивал. Скотина явно предчувствовала грядущие неприятности. На секунду Яшка остановился и грустно посмотрел мне в глаза. Это был момент истины. Я сразу понял, что стрелять в него не буду. А Жора уже протягивал мне свой ржавый патрон.

Я достал пистолет, вынул из него обойму, разрядил ее и спрятал патроны в свой карман.

Пистолет я протянул Ротарю.

– Сам стреляй!

– У-у-у... – протянул Жора, – какие мы, оказывается, нежные!

Снисходительно посмотрев на меня, он загнал патрон в патронник и направил пистолет на Яшку. Кабан без остановки бегал по загону. Бегал и взволнованно взвизгивал. На секунду он в очередной раз остановился, и в этот момент Жора выстрелил.

Пуля попала Яшке в лоб.

Но не под прямым углом, а по касательной. На миг визг отрикошетившей пули заглушил визг кабана. Получив пулей по лбу, Яшка сильно осерчал на происходящие события. Полтора метра стали для него не высотой. Несмотря на большой вес, он мухой перелетел через загородку. Причем перелетел не на территорию части, а на территорию примыкающих к части дачных участков. Скорость после прыжка кабан развил очень приличную, поэтому через минуту треск ломаемых кустов и визг Яшки затихли где-то вдали.

Такого исхода событий Жора не ожидал.

Он протянул мне пистолет и побежал в казарму собирать поисковую группу. Группу Жора собрал быстро. Пять человек во главе с ним бросились на поиски Яшки. У меня тогда, помню, мелькнула мысль, что лучше бы они его не нашли. Потому что сильно осерчавший на жизнь кабан мог, при попытке поймать его, показать участникам событий, где раки зимуют.

Они его и не нашли. Ни в этот день, ни в последующие. Яшку искали две недели. Безрезультатно.

Александр Попов

Перст

Дима Корзун очень не хотел служить в армии.

Ну а что поделаешь? Надо. (Крики: «Откосить!» – не принимаются ввиду того, что Дима проживал в компактном городе, где это сделать было затруднительно.)

Решил поступить в институт. На родине институтов не было. Приехал в Питер.

Первый экзамен, второй, третий... Приходит к спискам и понимает – не поступил. Впереди сапоги с портянками и два года, вычеркнутых из жизни...

Напала на Диму депрессия, и, уставившись невидящими глазами в пространство, побрел он из центра к себе на проспект Ветеранов, где остановился.

Шел-шел... Ну вроде черная печаль сгнула, страшной морозной ясностью заоченела душа. «Хуй с ним, – решил Дима, – ну не вышло... Может, еще как попытаюсь... А нет – так отслужу». Поднял глаза, чтобы сориентироваться, и прочёл: «ул. **Солдата Корзуна**».

Дима все-таки сумел откосить.

Но это уже другая история.

Призывник

Миша Альтшуллер уже много лет живет в Израиле. И там даже немного послужил в армии. Но когда его пытались призвать и в советскую армию... Не знаю, стоит ли пояснять, что Миша, хотя до этого ни разу там не бывал, почему-то считал, что эти два года будут вычеркнуты из жизни. И даже был убежден, что дедовщина – это не только плохо, но и унижение человеческого достоинства. Не знаю, кто ему вбил в голову подобные ереси: то ли профессура философского факультета ЛГУ, откуда он ушел после второго курса, то ли папа Моисей, бросивший их с мамой, когда Мише было очень мало лет... Не знаю.

И Миша решил косить.

Как человек по жизни весьма философски настроенный и не собирающийся поступать после удачного закоса в отряд космонавтов, он подошел к этому делу с выдумкой.

Абсолютно спокойно, не размениваясь на мелочи, Миша прошел медкомиссию в военкомате. Когда его позвали в «приемную комиссию» к людям с большими погонами, и те спросили, где он хотел бы служить, Миша заговорщически оглянулся и громко, на подъеме, прокричал сиплым шепотом:

– Пошлите меня в Израиль!

Сидящие полковники и майоры подумали, что ослышались. Год был где-то 85-й, и произнесение слова «Израиль» в присутственных местах не приветствовалось. Хотя горящие глаза призывника вроде бы должны были их насторожить.

– А? Куда?!

– Хочу в Израиле служить!!! – повторил Миша и подбежал, странно припрыгивая, совсем близко к столу, накрытому красным полотнищем. – Я знаю, наши там есть! Бьются, льют свою русскую кровушку!

У кого-то из комиссии запотели очки, кто-то с грохотом отодвинулся на стуле подальше от Миши. Но Миша, склонившись к лицам офицеров, настойчиво продолжал шепотом выкрикивать:

– Как же я ненавижу этих жидов!!! Государство их блядское, марионетку Пентагона!!! Сателлита ФБР и ЦРУ!!! Порождение американского империализма! Комсомольским билетом клянусь, руками жидов душить буду! Зубами в их морщинистые шеи вцеплюсь!!! Я понимаю, это секретно! Я никому не скажу! Готов пасть за Арабскую Социалистическую Республику, не требуя награды!!!

Тут Миша замер, распрямился и, немного подумав, спросил:

– А ведь у вас выдают автоматы?

Члены комиссии, покрытые бисеринками пота, подтвердили, что автоматы действительно выдают, наши там есть, хотя это и секретно, а также что все отправляемые на войну в Израиль должны сначала пройти стационарную медицинскую экспертизу.

Миша пожал им руки, свои они протягивали со страхом, и, выходя, сказал:

– Спасибо, спасибо вам всем! Обещаю, что тель-авивская военщина захлебнется в своей крови!

Когда через несколько месяцев Миша получал белый военный билет, то посмотреть на него вывалила половина военкомата. Несостоявшийся антисемит расписался в ведомости и, увидев заинтересованные лица служащих, пошел к ним:

– Я вот спросить хотел: мне надо до Израиля билет на самолет покупать или...

Все быстро юркнули в кабинеты.

Как я стал художником

Я служил в железнодорожных войсках и охранял составы. Как-то, во время недолгого пребывания в части, иду через плац и вижу – маячит там лейтенант Кузнецов. Изрядная, кстати, сволочь. Он считал, что если солдат не бежит, а идет, то, значит, он бездельничает и надо его «припахать».

Заметил я его, к сожалению, поздно, и делать вид, что я бегу по делам, было уже неудобно. Поэтому я потихоньку, бочком-бочком, стал пробираться к кустам. Но он боковым зрением увидел какое-то движение и скомандовал:

– Стой, раз-два.

Я замер, как дрессированный пудель в цирке, только что не с одной поднятой ногой.

– Бездельничаешь?

– Никак нет! Направляюсь...

– Значит, так, – слушать меня Кузнецов не собирался, так как было понятно, что я бездельничаю. – На тебе пакет, отнесешь в штаб полковнику Тихомирову.

Тихомиров имел в части репутацию полнейшего зверя, и, по всей видимости, именно с него пытался делать жизнь лейтенант Кузнецов. Но по сравнению с Тихомировым он был пока где-то на уровне Махатмы Ганди. Не было случая, чтобы офицер, столкнувшийся с Тихомировым, не получил взъебки, а рядовой – пары нарядов, в лучшем случае, а в худшем – пару суток губы. Ходили, впрочем, легенды, что некоторым удалось после встречи с полковником обойтись без губы и нарядов, но их все-таки стоило отнести к армейскому фольклору.

Неудивительно, что Кузнецов искал того, кто доставит пакет. И вот очередной безвинной жертвой стал я.

Стараясь растянуть время, я пошел в штаб окружным путем. А хорошо кругом, весна, зазеленели первые, еще маленькие листочки, птички что-то чирикают... Я иду, наслаждаюсь всем этим, а сам уже подворотничок пощупал, ремень поправил, рукой по пуговицам пробежался... Понятно, что полковник все равно найдет мой вид

«расхлябанным», но хотелось сократить предполагаемые потери до минимума, как нам объясняли на уроках военной теории.

Захожу в приемную, а у него совещание. Я обрадовался, говорю:

– Вот, пакет ему. – И собираюсь уже по-быстрому сделать ноги, как тут дверь полковника открывается, и выходит сам в окружении офицеров. Замер я по стойке смирно, пытаюсь, одновременно, быть как можно более незаметным.

Полковник офицеров напутствует, завершая, видимо, какой-то разговор, и говорит им так по-доброму, по-отечески:

– Жизнь прожить – не поле перейти. Поняли, размандяи?

Те гудят:

– Так точно, поняли, товарищ полковник!

– Кто написал?

В офицерах тишина, и, когда она становится уже нестерпимой, робкий голос:

– Пословица, товарищ полковник?

– Дурак! – говорит Тихомиров. И тут его гневный, как обычно, взгляд останавливается на непонятно зачем здесь присутствующем рядовом. То есть на мне. Он открывает рот, и я понимаю, что... И выпаливаю:

– Пастернак, товарищ полковник!

Дело в том, что на гражданке у меня была запись на магнитофоне, как Высоцкий это стихотворение в спектакле «Гамлет» читает. Почему-то подозреваю, что у полковника знание русской поэзии было оттуда же. Тихомиров задумывается:

– А ну-ка прочитай.

Я чеканю:

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Ава Отче,
Чашу эту мимо пронеси!

Дальше, товарищ полковник, не помню!

– Это почему еще?

– Служба тяжелая! – Лицо его искривляется точно от лимона, и я понимаю, что явно ляпнул лишнее.

– Ты зачем здесь?

– Вот, пакет!

Он берет пакет, мнет его в руках и говорит:

– А чем ты такой умный занимаешься?

– Вагоны охраняю!

– Значит, так, скажи там своему Кузнецову, что таких умных мы должны беречь. Пусть поставит тебя на какую-нибудь халявную должность. Я потом проверю.

Как на крыльях лечу в свое расположение, докладываю:

– Товарищ полковник Тихомиров приказал поставить меня на халявную должность! Обещал проверить!

Лейтенант бледнеет и решает, что ослышался. Вижу, как в его глазах клубятся вопросы: «Может, расстрелять перед строем? Или отправить в вечный дисбат?»

– Что? – говорит он изумленно.

– Товарищ полковник Тихомиров приказал поставить меня на халявную должность! Именно так и сказал.

Лейтенант чешет в затылке. Стоит сказать, что халявных должностей всегда не слишком-то много, и на них уже давно находятся верные проверенные люди.

– Э... Ты рисовать умеешь?

– Никак нет!

– Э... Ну, это, буквы писать ровные сможешь?

Меня подмывает сказать, что смогу, так как это обещает райские блаженства, но я мотаю головой:

– Нет, не смогу!

Лейтенант задумывается:

– Ну ты же грамотный, буквы знаешь?

– Знаю.

– Ну, значит, научишься их писать ровно. Будешь художником.

Приказ Тихомирова был исполнен, а я получил новую профессию.

Стоит сказать, что должность художника не только дает освобождение от множества тягот армейской жизни, но и предоставляет в твое распоряжение еще и отдельное помещение. «Ну, думаю, лафа, – продержусь на этой должности хотя бы месяц, – это будет счастье!»

Но ореол полковника Тихомирова, стоявший за моим назначением, позволил мне пробыть на этой должности до конца службы.

А поскольку буквы я писать так и не научился, то мне позже в помощь даже дали настоящего художника. Уже из следующего призыва.

Крыса

– Тебе не кажется, что у нас подванивает?

– Подванивает, – хмыкаю я, – что-то есть такое.

Стоит пояснить, что в армии человек становится невосприимчив ко многим раздражающим факторам. От запаха, что царил у нас в котельной, переделанной в художественную мастерскую, гражданские наверняка блевали бы сотнями и, рыдая, напоминали бы про запрет на химическое оружие. Задумай взять нашу часть натовцы, они бы наверняка, в количестве никак не меньше восьми полков, полегли бы у стен нашей котельной. А Ваня только поинтересовался у меня, не кажется ли мне, что у нас подванивает.

Впрочем, стоит заметить, что я, как старослужащий, сидел у открытого окна, и потому мне дышать было легче. А Ваня, молодой исчо, находился в глубине мастерской, в самом сосредоточии миазмов. Впрочем, чтобы избавиться от казарменной жизни и проводить время в уюте (ну как: бетонный пол, кирпичные стены, кругом ржавые трубы диаметром с добрый табурет для пианино), Ваня был готов и на большее.

Но как-то зашел к нам лейтенант Пчельников. Он был еще молод, романтично настроен, склонен к завиральным идеалистическим идеям и потому собирался навести в отдельной части армии, доверенной ему командованием, порядок.

– Что эт... – ээ-э-э-э-э!!! – Лейтенант Пчельников, не успев зайти в мастерскую, тут же выбежал, немужественно зажимая рот рукой и пытаясь конвульсиями грудной клетки удержать в желудке скромный офицерский завтрак.

– Ну-ка, выйдите сюда! – крикнул он нам через дверь, а сам отошел еще подальше. Эдак метров на пять.

Мы вышли:

– Слушаем, товарищ лейтенант!

– Что там происходит у вас?

– Лозунги к Первому мая пишем!

На самом деле запах был даже чем-то удобен: всегда можно было сослаться на неотложную работу и откосить от любого задания. Благо,

офицера, решившегося войти в нашу мастерскую, пока не находилось.

– Вонь почему, спрашиваю!

– Крыса сдохла, товарищ лейтенант!

– Ну так, мать ее сука, найдите и выкиньте ее!!!

– Никак не можем, товарищ лейтенант! Она умело маскируется!

Можете сами зайти поискать. – В словах Вани, солдата еще молодого, но уже хлебнувшего художнической вольности, слышалась плохо скрываемая ирония.

– Значит, так, – рассвирепел Пчельников, – времени даю до 18.00. После этого – будут меры. Свободны!

Мы вернулись в мастерскую. Быстро, затаив дыхание, пройдя Ванину половину, я сел у своего окна:

– Ну что, ищи, родной, а то меры будут.

А стоит сказать, что трубы в котельной шли не только сбоку и над головами, но еще и в каких-то непонятно с какой целью устроенных замысловатых бетонных ямах. Ваня вздохнул и полез в закрома. Через час он, весь в паутине, доложил:

– Нет нигде сволочи!

– Ваня, я понимаю, что ты Пчельникова еще плохо знаешь, но я тебе могу пояснить: он идиот.

Ваня вздохнул и подошел к поиску более научно: начал вертеть носом, пытаясь понять, где пахнет сильнее. Продолжалось это еще минут сорок, и смотреть, как Ваня, в поисках дохлой крысы, обнюхивает углы, а от вони чуть ли не дымка в помещении стоит, не было никаких сил. Но тут, к счастью, пришел прапорщик Федоров.

– Бля, – провозгласил он с порога. – Молодой, ты чё, носки, что ли, не стираешь?

– Крыса пришла и сдохла, сука. А нас теперь Пчельников ебать будет.

Федоров наморщил лоб:

– А какая связь?

– Как обычно, половая...

Федоров еще раз убедился, что интеллигенцию ему не понять, и извлек откуда-то из-за пазухи согретую телом бутылку водки, конфискованную, как обычно, у какого-то солдатика после свидания.

– Стаканы давайте и будете дальше свою крысу вынюхивать. Но, чувствую, не крыса это. Может, свинья к вам зашла? Или, например,

волк?

Я достал стаканы. Федоров, оглядываясь на окно, разлил бутылку:

– На два раза!

– А что, закуси нет? – поморщился культурный Ваня.

– Крысой занюхаешь, – хмыкнул грубый Федоров.

– Эх, сейчас бы курочки гриля, – вздохнул я. – И пива холодненького...

– Курочки?.. – переспросил Ваня.

– Хм... – сказал Федоров.

– Твою мать!!! – заорал Ваня и полез на трубы.

Месяца полтора назад Федоров принес нам курицу гриль, пообещав, что водка будет позже. Курицу, аккуратно завернутую мамой неизвестного солдата в фольгу, мы засунули на трубы, и, как это в армии бывает, тут все завертелось, водка не появилась, и про птицу все забыли. И сволочная курица, лежа прямо у нас над головой... Ну ладно, без подробностей.

В 18.00, стараясь дышать в сторону, я доложил Пчельникову, что крыса ликвидирована и больше такого не повторится. Впредь будем более внимательными.

Дедовщина

Игоря призвали в армию еще в начале 90-х. Папа, человек больших связей, воткнул его в стройбат по месту проживания.

Некоторое время бывший студент консерватории клал где-то асфальт, но вскоре был переведен охранять управление этого самого стройбата. Служба была – не бей лежачего. Достаточно сказать, что столовая там была платная, и поэтому личному составу содержание выдавали наличными. А кушать Игорю возили из дома. Сигареты «Мальборо» и водка «Смирнофф» поэтому у него не переводились (выдумать что-то более шикарное в те времена было невозможно). Как-то он позвонил мне:

– Приезжай, посидим, погитарим...

Приехал. Выпили. Завязался разговор.

– А дедовщина у вас, – спрашиваю, – есть?

– Ну а как же, – оглядывается Игорь по сторонам, – рядовой Петров! Стоять!

Какой-то мимошедший чмырь замер, как суслик в поле.

– Перечислить первые пять опер Петра Ильича Чайковского!

– Э-э... «Воевода»... Э-э... «Ундина»... Э-э... Э-э... Э-э... «Евгений Онегин»...

– Всё, сука! Опять?! Упал, сорок раз отжался! Да что ты там кряхтишь, шняжка... Ага. А теперь пошел учить заново. И оперы Моцарта повтори!!! – Игорь сел и опрокинул в себя рюмку водки. – А то пришел, понимаешь, а они тут «Любэ», блядь, слушают. Несу теперь просвещение в массы... Каждый день классикой начинаем и заканчиваем... Уже нравится им начало, сами кассеты покупают... Ну а фигли – другое-то я не позволяю ставить! Потому что, – он грозно поднял палец, – дедовщина, блядь!

Дмитрий Горчев

Божий человек

Однажды хмурым таким, знаете (да откуда вам, впрочем, знать, что такое январское архангельское утро), брел я по плацу в тапочках к хозяину продуктового склада Вите Заплаткину за порцией грузинского чаю – мы тогда сильно увлекались чифирем.

На полпути встретил я генеральскую комиссию из Ленинграда.

Я был мало того что в тапочках, так еще и без ремня, и военно-строительный мой бушлат, заляпанный всеми возможными красками, был надет на голое тело. На рукаве бушлата хлоркой была дерзко вытравлена пацифистская куриная лапа.

«А это еще кто?!» – грозно спросил ленинградский генерал.

«Да не обращайтесь внимания, – кротко ответил наш комбат по фамилии Иобидзе. – Это художник, Божий человек. Дурачок наш».

Генерал бурно высморкался в трогательный носовой платочек с незабудками, посверлил меня запрятанными глубоко в смотровых щелях глазами и ничего не сказал.

Старт

Старт космической ракеты я однажды наблюдал метров с пятидесяти.

Вообще-то запуски в те времена происходили хоть и не каждый день, но довольно часто – где-то раз в неделю. Если ракету запускали с той площадки, к которой мы были приквартированы, нас поднимали среди ночи или же прямо перед обедом, рассаживали в машины и увозили на предписанное инструкциями расстояние. Там мы сидели в машинах или курили возле, потом раздавался грохот, и ракета улетала. После этого мы снова садились по машинам и ехали обратно в часть досыпать или же доедать холодный обед. Вот и весь космос.

Но мне непременно хотелось посмотреть запуск вблизи, так, чтобы как в кинофильме «Укрощение огня»: отходили бы штанги, отсоединялись шланги, ну и вообще. И эту свою мечту я, между прочим, осуществил.

Меня тогда кратковременно и неожиданно назначили заведующим складом при стройплощадке. Стройплощадка представляла собой глубокую, как мечта о дембеле, яму, которую каждый день, кроме воскресенья и календарных праздников, копали к центру Земли мои менее удачливые сослуживцы. Склад мой стоял буквально возле самого старта, и мимо него проходили рельсы, по которым подвозили ракеты – везли их очень медленно – иногда несколько дней, опасаясь, видимо, растрясти драгоценное их содержимое (непонятно при этом, как оно выживало при запуске). Потом ее так же медленно поднимали носом вверх, и она несколько дней стояла, облепленная фермами и штангами, откуда иногда что-то дымило, наверное, жидкий кислород. Все это было чрезвычайно увлекательно, и я, когда не спал (а спал я в первые дни службы на складе постоянно), часами рассматривал ползающих по фермам ракетчиков.

Когда дело доходило до запуска, всех – и ракетчиков, и нас – эвакуировали от греха подальше. Оставались только несколько человек в бетонном бункере с толстыми бронированными стеклами. О моем же складе, который был просто деревянным вагончиком, отчего-то никто

не заботился. Впрочем, и ценностей в нем было немного: краски, лопаты, марля, гвозди, рукавицы да пара отбойных молотков.

Ну и однажды во время эвакуации я храбро спрятался за бидонами с краской и никуда не поехал. Эвакуаторы решили, что я ушел по каким-то делам в свою часть, и не стали меня искать. Когда все утихло, я на карачках вылез из-за бидонов и осторожно выглянул в окно: никого не было, ни единого человека. Ракета дымилась белым паром и поэтому напоминала самодельный воздушный шар, построенный коротышками под руководством мудрого Знайки. Все было неестественно мирно, как было позднее замечено в одной песне.

Никто меня ни о чем не предупредил: не было никакого обратного отсчета, но ракета вдруг ожила. От нее отвалились все штанги и шланги, и она, совершенно голая, крупно дрожала. Собственно старта я, честно сказать, не видел: все его продолжение я провел под столом, ведя уже не обратный, а прямой отсчет, как все в том же кинофильме: «Одна секунда – полет нормальный... две секунды – полет нормальный... три секунды...»

Граф Лев Николаевич Толстой славится, в частности, тем, что в главе про битву при Аустерлице гениально описал замедление времени при охватившем человека ужасе: там князь Болконский смотрит на вертящееся перед ним ядро и думает множество интереснейших мыслей. Феномен этот, впрочем, гораздо доходчивее описан в старой русской поговорке «Баба с печи летит – семь дум передумает», но наблюдение, в целом, верное. Я вел свой отсчет уже несколько часов, а ракета все еще висела буквально над моей утлой и совершенно не бронированной крышей. Последнее, что я видел при старте, – это была ракета, которая с непереносимым ревом шаталась, стоя на столбе огня, все более и более кренясь в сторону моего склада.

В части рассказывали, что вот так же точно в восьмидесятом, что ли, году ракета завалилась на старте и угробила человек восемьдесят (и действительно – недалеко от шестнадцатой площадки, где мы что-то копали, стоял неприметный жестяной обелиск со ржавой звездой, похожий на те, что ставили на кладбищах неверующим покойникам).

Но в этот раз все, по-видимому, обошлось благополучно, и я, совершенно невредимый, вылез из-под стола, немедленно закурил и стал понемногу возвращаться к простой и земной человеческой жизни. Оно, конечно, ничего нет лучше, как после неминуемой гибели

остаться вдруг в живых и понять, что жизнь прекрасна сама по себе – просто потому, что ты дышишь и видишь вот этот вот кирзовый сапог. Вот хрустнуло что-то в лесу («Посрать бы», – подумал я – в животе было нехорошо), каркнула, пролетая над дымящимся стартом, ворона – что еще нужно человеку для счастья?

А еще для счастья было нужно как-то на всем этом деле не попасться.

Самое худшее, что мне грозило в случае обнаружения, – это особый отдел. Шпионом и изменником тогда был каждый второй, а точнее, каждый первый, что подтвердила позднейшая история нашего государства.

Один особист от ракетчиков уже позже, когда я работал батальонным художником, даже зачастил ко мне в библиотеку будто бы читать подшивки газет. Был он человеком чрезвычайно приятным, охотно угощал меня сигаретами с фильтром и вел разные душевные разговоры про дембель, девушку, которая наверняка ждет меня из армии с орденом, и про мать-старушку. Сигареты я брал с удовольствием и в благодарность охотно валял ваньку – так, чтобы он, с одной стороны, не терял ко мне подозрительности, а с другой – нельзя было бы придраться. Это было для меня очень увлекательно, поскольку в те времена я, как и практически все закончившие десятилетку идиоты, был ярким антисоветчиком и кухонным революционером: замирая от губительного восторга, я, пока особист шебуршал в библиотеке газетами, читал у себя в художке роман-газету шестьдесят четвертого года с произведением запрещенного до самой последней степени писателя Солженицына про Ивана Денисовича.

Ах! Как мечталось мне тогда о наступлении царства свободы в нашей тюрьме народов! Чтобы по телевизору показывали ансамбли битлз и пинк фloyd, чтобы можно было спокойно слушать по бибиси Севу Новгородцева, чтобы в магазинах продавали без очередей кока-колу и американские джинсы. И ведь все сбылось – все-все!

Впрочем, я отвлекся.

Так и не придумав никакого плана, я предоставил событиям их естественный ход, и, когда возле ямы опять закопошились мои сослуживцы, я вышел из склада, беззаботно вертя на пальце ключи (ключи есть главный аксессуар кладовщика).

«Ты где был?» – спросил меня лейтенант из молодых. «Как где? – неискренне удивился я. – Уезжал со всеми». «Что-то я тебя не видел», – прищурился лейтенант. «Да я с ракетчиками уехал». Лейтенант посмотрел на меня с большим сомнением, но ничего не сказал, и дело на этом закончилось.

Вот что удивительно: я прекрасно помню фамилии всех мерзавцев, под чьим началом служил двадцать лет тому назад (капитан Козляк, майор Жолтиков, прапорщик Нуца, подполковник Иобидзе и проч. и проч.), а фамилию этого самого лейтенанта вспомнить никак не могу. Он был хоть и из молодых (такие обычно рвут жопу, чтобы заметили), но не подлый. И еще он был чем-то похож на Юрия Гагарина.

Я вот думаю сейчас: может быть, он тогда просто догадался про мою мечту, потому что сам когда-нибудь хотел бы остаться на старте во время запуска? Кто его теперь разберет.

Песня

Наша рота располагалась ближе всех к столовой.

«Ррассия, любимая моя», – запевали литовцы, эстонцы и узбеки: Курапка, Ыунлоо, Камалов и Хашимов. «Ррассия: березки-тополя», – продолжали Хвелеури, Паркадзе, Алоев, Чочиев, Демурчиев и Юрий Васильевич Базадзашвили. Ну и я, конечно.

На этом месте песня кончалась, потому что столовая была недалеко и петь дальше не было никакого смысла. Да и слов никто не знал.

Подлость

Однажды, когда я лежал на кафельном полу в умывальной комнате, и меня при этом пинали сапогами пять или шесть чечено-ингушских военных строителей, я вдруг задумался: а как же это я дошел до жизни такой?

Пинали, впрочем, не очень сильно, больше для того, чтобы унижить, чем покалечить или убить, – в дисбат никому не хотелось, даже самым гордым и смелым – о дисбате те, кто там выжили, отказывались даже рассказывать, а если настаивали, то плакали, как малые дети.

Путь мой к кафельному полу был долог и извилист.

Я

Начинал я хорошо: когда нас, дрожащих от ледяной бани уродов, провели по казарме и под радостные крики «Вешайтесь, духи, вешайтесь сегодня! А то завтра выедем в жопу и повесим!» усадили в ленинской комнате писать диктант про устав караульной службы, я сказался неграмотным и стал рисовать в выданной для диктанта тетрадке человеческие рожи. Я всегда рисую рожи, если мне тоскливо и есть бумага и ручка. Когда я нарисовываю много рож, обязательно подходит кто-нибудь из-за спины и спрашивает: «А это кто?» – «А хуй его знает», – отвечаю я всегда искренне.

Ну и тут, значит, сержант, который диктовал этот самый устав, вдруг внезапно отлучился покурить, и вместо него в ленинскую комнату вошли пять или шесть чечено-ингушских рядовых. «Встать!!!» – заорал из них самый главный (ефрейтор Исмаилов, через месяц получит пять лет дисбата). А мы, человек двадцать, еще пока не знаем, мы вообще еще ничего не знаем, кто тут, где, почему, имеет он право, не имеет, вроде бы тоже такой же как мы рядовой, но орет уверенно, значит, наверное, имеет право, хуй его знает, какие тут порядки, так что, наверное, надо встать, а с другой стороны...

В общем, все встали.

«Сесть!!!» – заорал ефрейтор Исмаилов. Сели. Остальные войны пружинисто заняли ключевые позиции на случай бунта. Много-много лет спустя я очень хорошо понимал, как там оно было в Норд-Осте.

«Ты! – указал пальцем ефрейтор Исмаилов на самого левого человека в первом ряду. – Сюда!»

Встал человек, узбек или, может быть, туркмен. Вышел на середину. «Сел!!!» Сел. «Встал!!!» Встал. «Следующий!!!»

Ну, в общем, обычный обряд принуждения к покорности.

Я сидел в самом заднем ряду и думал: выебнусь или не выебнусь? Выебнусь или не выебнусь?

Тут очередь дошла до самого бодрого из всей нашей партии, на которого и была единственная надежда, что, может быть, хоть он скажет «а вот хуй вам». Но он чего – бодро вышел, бодро присел-встал и все вполне эдак физкультурно. Помахал остальным ручкой, мол, пацаны, ничего страшного: сел-встал – и свободен.

И тут я понял, что пятый в очереди я. И за меня уже никто ничего не решит. Как же я это, блядь, ненавижу, когда решать. А я не буду садиться, и мне будет очень больно. Очень-очень. Я не крутой и не гордый, но просто не буду садиться, и все.

И такая тоска.

Следующим, впрочем, был аульный казах Кокебасов. Он встал, вышел и неживым голосом сказал: «А я не сяду». Четыре сапога в одну секунду – два спереди по ребрам, два сзади по почкам. Кокебасов рухнул, завыл и, размазывая слезы, присел-встал.

Самый первый и самый главный урок: не уверен – не выебывайся. Они чувствуют. Они не дураки, они звери, умные, между прочим.

«А это кто?» – спросили у меня за спиной. Я по-прежнему машинально рисовал в тетрадке рожи. «Да хуй его знает, – ответил я как всегда. – Так просто рожи».

Тут как раз на меня и указал палец: «Ты».

«Этот не пойдет», – сказали у меня за спиной.

«Ты!» – Палец моментально сместился на моего соседа справа.

И я так до сих пор и не знаю: заплакал бы я, если бы вышел, или нет.

А потом мне пришлось совершить подлость. По гражданским понятиям это не подлость вовсе, а скорее даже доблесть, но гражданские ваши понятия, они, ну, впрочем, ладно.

Я тогда доходил. В смысле подыхал. Не иллюзорно, а вполне так по-настоящему, без дураков. В отделении нашем был один грузин, один полугрузинский еврей, два ингуша, один черкес, один кабардинец, два узбека и я. Командир отделения Ваха Хамхоев, ингуш.

Я сам охуел, когда попал в эту жопу. Сам дурак: свалился с поносом в санчасть, а пока валялся, родное мое отделение, где я был кум королю, отправили куда-то в командировку.

Ну и пиздец пришел: картошку в столовую кто будет чистить? Камалов, Хашимов и я. Полы в клубе кто будет мыть? Хашимов, Камалов и я. Остальным религия не позволяет. У них там курбан-байрам и рамазан. Сало из супа, кстати сказать, жрали с удовольствием. Грузинов все это, впрочем, не касалось, но их вообще ничего не касается, потому что они лучше.

Хотя, казалось бы, с чего? Взять вот хотя бы Юрия Васильевича Басадзашвили. Юрий Васильевич был идиот. По-русски он знал три предложения: «Пиляд бля», «Епрейтор хачу» и «Канпетка дай».

Когда меня выпизднули из художников и отправили в бригаду, Юрий Васильевич возлежал на панцирной койке и кричал: «Пистро-пистро работай тавай!»

Никто из моих нынешних знакомых в это ни за что не поверит, но я поднял Юрия Васильевича с койки за шиворот, дал ему поджопника и вручил ему совковую лопату. «Шени дедиспроче! Шени моgetхан! Кхаргис мутели!» – кричал Юрий Васильевич, корчась, но ничего, кидал бетон не хуже прочих.

В обеденный перерыв подошел ко мне серьезный и очень не идиот Леван Паркадзе. «Пойдем, – говорит, – поговорим». Зашли за инструменталку.

«Юру зачем обижаешь?» – «Я не обижаю, – сказал я, смотря в сторону. – Я его в чувство привожу, он охуел». – «Еще раз тронешь – пиздец тебе, понял?» Да понял я, понял, я и сам знаю, что пиздец.

И ни разу более не получил Юра от меня поджопника. Потому что было не за что. Он отчего-то проникся вдруг ко мне совершенно собачьим уважением.

Я очень любил ходить с ним в наряд. Ходить в армии во дневальные считается западло, но мне там было хорошо. Во-первых, после обеда дают поспать часа три, потом ночью тоже можно поспать, а уж когда рота упиздует на работу, а прапорщик Ревякин еще не проснулся – это же вообще ничего прекраснее невозможно придумать. Сидишь эдак просто так на крылечке, лето начинается. Из крыльца идет пар, и тишина, и никого, вообще никого, и так заебись, как никогда не бывает в той, другой жизни. А ты сидишь в самой середине огромной-преогромной тайги, и все остальное вращается вокруг тебя, но тут, впрочем, просыпается прапорщик Ревякин.

Юра полов, конечно, не мыл. Но зато он выполнял другие функции. Он обожал стоять на тумбочке и орать при входе какого-нибудь майора громовым голосом: «Смирна!» – даже если в роте больше никого, кроме нас, не было. Когда рота возвращалась с работ, он ревел в предбаннике: «Валенка-сымай чуркабля!» И в казарму заходили перепуганные босые узбеки и таджики.

Впрочем, это все были времена довольно счастливые. Первое лето службы. А потом наступил сентябрь.

В день своего рождения я снова был дневальным по роте. Без Юры, и прапорщик Ревякин был с утра трезв и поэтому особенно злобен. Чистил я крантики и разводил в специальной емкости зловонную жидкость для замазывания сапогов.

Когда я уходил на дембель, я обнял Юру и похлопал по горбатой его спине. С тех пор я не боюсь идиотов и грузинов.

Подлость

Ну и вот тут-то и подошло время для подлости.

Старого замполита уволили куда-то на повышение по должности, а художника части, ингуша Магомета Евлоева, отправили на гауптвахту за распитие неположенных напитков на рабочем месте.

Я пришел в штаб в кабинет нового замполита и спросил: «Художник нужен?»

Замполит был из новых, не чета дряхлому и заскорузлому майору Баканову: румяный, даже скорее красномордый. Комсомолец.

Дал мне тестовое задание: нарисовать стенгазету к Новому году. Нарисовал, говна-то. С игрушечками, шишечками, в стиле покойного художника Саврасова. Был принят в должность немедленно. Мне выдали личные ключи от рая и поселили в теплую художественную комнату, мечтать было уже решительно не о чем. Привезенный из гауптвахты бывший художник Евлоев был с позором отправлен в бригаду на общие работы. Но на душе было, впрочем, гадостно.

Но ничего, армия тем и хороша, что справедливость в ней всегда все равно победит, как ты от нее ни уворачивайся. Земляк и, более того, односельчанин уволенного художника Ваха Хамхоев, он же командир моего отделения, в тот же самый день на вечерней поверке проверил натяжение моего поясного ремня. Натяжение было слабое – бляха ремня практически лежала у меня на яйцах. Что обычно не возбранялось, но не в данном конкретном случае. В данном конкретном случае я в присутствии командира роты был приговорен к неделе мытья кубрика.

Ничего нет позорнее мытья кубрика. Таскать бетон, чистить сортир – это все неизбежность. Мытье кубрика – это унижение.

В те самые редкие утренние тридцать минут, когда завтрак еще не начался, а обед вообще понятие несуществующее, ты ползаешь с тряпкой под койками, пока все остальные притворяются, что читают газету «Красная звезда» в ленинской комнате, а на самом деле срут, курят и пиздят про баб. Хуй тебе, Ваха, а не кубрик.

Это была самая длинная ночь в моей жизни. Обычно как: накрылся одеялом и тут же орут «рота-подъем». Шесть, значит, часов утра.

А тут я всю ночь ворочался, потел, вонял, вздыхал: готовился к страшному.

Тут наконец рота-подъем, встал измученный, уселся в ленинской комнате, стал читать газету вверх ногами. Я трусливый, да.

Тут входит Ваха с недоуменным лицом: «А ты хули тут делаешь?» «Ваха, – говорю я деревянным своим ртом. – Я не буду мыть кубрик». И вот тут вдруг я понял, чего я боялся всю ночь: того, что я зассу и не скажу это предложение. Но я его сказал. Из ленинской комнаты куда-то подевались все бывшие там до этого люди и остались только Чочиев, Демурчиев, Хвелеури, Паркадзе и хуй его знает кто еще, и, pinaемый со всех сторон, я вдруг возликовал: я это сделал! Мне уже не страшно!

Потом меня отвели в умывальную комнату и там опять тщательно пиздили, и я лежал на кафельном полу, и изо рта моего текла некрасивая и совсем не красная кровь, надо мной склонились в последний раз и спросили: «Будешь мыть?» Я прижал колени к животу и попытался им объяснить так, чтобы они поняли: «Я не буду мыть, понимаете? Вы меня можете убить, мне не страшно. Ну как же, блядь, вам это объяснить».

Ничего, все поняли. Звери – они умные. Они меня понюхали и поняли, что я не пизжу и действительно готов лучше сдохнуть.

Потом они ушли на завтрак, а я улегся на койку и в первый раз в жизни закурил в казарме. Потому что уже имел право. «Молодец, Димка, – зашептал мне с соседней койки хлеборез из Ташкента. – Держись!» Я посмотрел на него, пренебрежительно скосив глаз, и бурно высморкался в простыню. Кто он и кто теперь я? Ну да, морда разбита и почки отпинаны, но я крут, аж обосраться как крут. И подлость искуплена, и я уже никому ничего не должен.

«Что это с вами?» – испуганно спросил меня на утреннем разводе юный лейтенант. «Да ничего, – сказал я, махнув рукой. – Об батарею ударился». Лицо у меня при этом было такое счастливое, что лейтенант не стал задавать мне более никаких вопросов.

Холод

Ненавижу холод.

Это одна из многочисленных контузий, которые на мне оставила советская армия.

Ну хули там – средняя температура зимой – минус тридцать. Иногда сорок, реже двадцать. Щитовая казарма из гипсокартона. Где-то там в подzemелье беснуется кочегар Коля, которого никто ни разу не видал на поверхности, но благодаря ему по трубам струится чистый кипяток. А толку-то? Гипсокартон – он и есть гипсокартон. Плюс пять внутри казармы – это считай ташкент. Кальсоны с облезлым начесом и суконное одеяльце, обдроченное предыдущими военнослужащими до фанерного состояния.

Засыпать – тут проблем не было. Соприкоснулся ухом с подушкой, и тут же орут «рота подъем!!!». Спрыгиваешь, ничего не видишь, ничего не слышишь и чувствуешь только внутри себя очень маленькую скукожившуюся печень, обледенелые почки и сморщенный от горя желудок.

Потом я хрустел в столовой твердой как айсберг перловой кашей, запивал ее прохладным чаем и старался не думать про то, что впереди у меня двенадцать часов долбления никому не нужной траншеи на свежем воздухе. И ведь лом еще хуй добудешь – за лом передерутся чечено-ингушские военные строители, ибо лом – он, хоть немного, но согревает. А я буду долбить лопатой – тюк-тюк. На каждый тюк откалывается микроскопическая крошка. Ни пользы, ни тепла.

Зато по этому именно поводу я однажды испытал истинное счастье.

Послали меня как-то со стройплощадки с пустяковым каким-то донесением в часть. Было часа четыре, то есть уже темно, лес. Ну, медведи там, волки чем-то хрустят в кустах – к этому быстро привыкаешь. Мне тогда было уже вообще все похуй. Если бы меня съел медведь, то апостол Петр погладил бы меня по голове и сказал бы: «Погрейся пока в предбаннике, потом поговорим».

Передал донесение в штаб, задумался. Ну как задумался – мысли в армии все простые: да ну ё нахуй или а пошли вы все в пизду. Других

мыслей не бывает.

Пошел в роту, прислушался, как храпит в каптерке прапорщик Ревякин, и тихо-тихо пробрался в сушилку для валенок – самое теплое место во всем помещении. Улегся на трубы с кипятком и счастливо заснул.

Проснулся часа через два от воплей азербайджанского сержанта Файзиева: «Ставить бушлята на сушилька и строиса все на казарма!»

Понял, что больше поспать не дадут. Вылез, мокрый и счастливый, как пизда после бурной ебли. Из меня валил пар, и на лице моем блуждал идиотизм.

Я был тепл. Наконец-то я был тепл.

Другой сентябрь

В день, когда мне исполнилось двадцать лет, я стоял дневальным по роте.

В наряд меня отправил командир отделения Ваха Хамхоев, с которым у меня был затяжной конфликт, закончившийся в конце концов огромными пиздюлями. Мне, конечно, а не ему, но это ладно. Ну вот, значит, где-то уже после отбоя пидарашу я взлетку (то есть мою полы в коридоре для построений), и тут вызывают меня срочно в штаб. Ну, я оправляюсь, застегиваю крючок на горле и иду в штаб получать очередной какой-нибудь пизды (просто так же в штаб не вызывают, тем более срочно). А там сидят нарядчики – Вова, Витя и Марк Цынман, довольные страшно. Налили мне чаю, даже с сахаром и вручили мне подарок: пачку сигарет дубек, которую купили в складчину.

Вот вам крест – это был самый прекрасный подарок, полученный за всю скучную мою и неказистую жизнь.

Иофаназа

Сергеа был из Новгорода, который Великий. А сам Сергеа был наоборот мелкий, с редкими лошадиными зубами. Отсидел года три на малолетке. В первый же день службы уже зарекомендовал себя положительно: в ответ на какое-то замечание сержанта Файзиева Сергеа взял за ножку табуретку и разбил ее об голову этого самого сержанта. Отсидел десять суток на гауптвахте, и после этого более никто ему никаких замечаний уже не делал: настоящих сумасшедших в армии уважают, тем более что народу, который постирает тебе портянки безо всякой табуретки по голове, там пруд-пруди.

Служил Сергеа шофером.

Шофера были средней кастой: не то быдло, которое таскает бетон или моет посуду, но и не те аристократы, которые могут выдать тебе с вещевого склада новое хэбэ или портянки с начесом.

На автомобилях, конечно, но в основном под ними. Мне как-то довелось заглянуть одному такому автомобилю («ЗИЛ», кажется, его звали) под капот: там все на бинтиках, проволочках, веревочках. Как ездит? Почему? А потому что водитель хороший.

В водителях служили почему-то сплошь западные украинцы, справедливо называвшиеся бандеровцами. Самым знаменитым из них был ефрейтор Яцюк, который однажды во время просмотра кинофильма решил тайком покурить и случайно уронил уголек себе за пазуху. «А що це гарыть? – спросил на весь полный спящими строителями кинозал (фильм был очень патриотический) ефрейтор Яцюк. – Мамо! Та це ж я гарю!» А Сергеа обладал редким талантом: он умел петь под бас-гитару. Из знакомых мне людей тем же талантом обладает разве что Поль Маккартни. Я вот в музыке ничего не понимаю, и нету у меня ни слуха, ни голоса, но бас-гитара, она же играет совсем другую музыку, не ту, что поют – какое-нибудь бум-бум, бубум-бум, а поют при этом что-то совсем другое. А вот Сергеа умел.

Как-то раз, к дню советской армии, ансамбль «Стремление» решил порадовать слушателей новой концертной программой. Ученик почтальона Андрюха сочинил новые стихи, а сам почтальон Вова –

новую музыку. Долго и тщательно репетировали, правда, чифиря выпили еще больше.

Двадцать третьего всех военных строителей, которые не укрылись в медсанчасти и не стояли на посту, загнали в клуб. Замполит произнес пламенную речь, после чего командный состав отправился в штаб выпить по маленькой рюмке за военную славу.

Начался концерт. Оставшиеся почти без присмотра военные строители в основном из тех республик, которые сейчас независимые государства, подозрительно тихо прослушали две первые заунывные песни.

Когда же Вова испустил из своей гитары тоскливый вой, намереваясь приступить к третьей, откуда-то с заднего ряда раздался резонный вопрос с грузинским акцентом: «Эээ, бля, зачем хуйню играешь? Веселый песня давай!»

После чего вечно затурканные жители среднеазиатских республик подняли такой вопль и топот ногами, что сборно-щитовой клуб едва не развалился.

Ансамбль некоторое время пытался продолжать игру, но не слышно было даже барабанщика.

Вова аккуратно положил свою гитару на усилитель и, как всегда с достоинством, удалился. Остальные некоторое время еще потоптались и тоже ушли. На сцене остался один Серега со своей бас-гитарой.

Рассказывают такую историю, что мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков однажды присутствовал на торжественном концерте по случаю открытия какого-то культурного объекта. Ну и во время выступления какой-то не в меру корпулентной балерины в сцене вдруг образовался провал (балерина, впрочем, не пострадала).

Среди зрителей поднялся неприличный смех, который еще больше усилился, когда вдруг уже сам по себе над сценой просел потолок.

И тут Юрий Михайлович, великий и ужасный, твердым шагом вышел из своей начальственной ложи на сцену, встал у края разверстого провала и запел без всякого музыкального сопровождения. Вроде бы «не жалею, не зову, не плачу» на стихи поэта Есенина.

И пел он с таким чувством и так яростно, что насмешники замолкли. Некоторые рассказывали потом, что их во время этого исполнения практически парализовало.

Допев свою песнь, Юрий Михайлович тем же твердым шагом удалился вновь в свою ложу. И только после этого грянули бурные аплодисменты.

Так вот, на сцене остался один Серега.

Он некоторое время стоял неподвижно и вдруг очень тихо запел: «Иофаназа... Иофаназа...» (сам Серега утверждал, что это песня английского ансамбля назарет, но и сам ансамбль вряд ли бы опознал эту песню).

И вот он стоял на сцене, метр шестьдесят ростом, с лошадиными своими зубами, и все громче и громче повторял и повторял по кругу или, может быть, как принято у гитаристов, по квадрату: «Иофаназа... Иофаназа-а... Иофана-заааа...» Было в этом что-то от болеро и от шаманов, и еще неизвестно от каких древних песнопений. И орал он все громче, без всякого микрофона, но глотка у него была ого-го.

И дети степей, песков, тундр, дубрав и холмов стали потихоньку стихать и стояли, разинув рты и не понимали, что это такое происходит.

Когда в зале стало совершенно уже тихо, Серега вдруг оборвал песню, снял гитару с шеи, зашвырнул ее в угол, засунул руки в карманы и, не торопясь, ушел в подсобку. Он победил.

Дембель

В последний мой день в армии я проснулся с утра с кошмарного бодуна: в прошлый вечер меня провожали, а технический спирт – он и есть технический спирт.

Надел тапочки и обошел в последний раз часть: свинарник со свинарем Свиридовым из Рязани (он как обычно жрал какое-то говно из грязной сковородки), вещевой склад с тишайшим и сутулым Витей (самым богатым человеком в нашей части), свою собственную художку – там уже сидели неприветливые армяне. Зашел на почту к лепшему корещу (не в нынешнем смысле, а просто так) Андрюхе. «Ну что, хуйло, – сказал я Андрюхе. – Дедушка поехал домой, а ты тут дальше соси». «Пиздуй-пиздуй», – ответил Андрюха, выпятив челюсть. Мы изо всех сил ударили друг друга в левое плечо, и я пошел в штаб.

Там капитан Суворов вручил мне военный билет со всеми необходимыми штампами, проездные документы и значок «Ударник коммунистического труда». Капитан Суворов был очень отеческий, как будто это не он пинал меня ногами год назад вместе с комбатом и замполитом, когда у ингуша Евлоева нашли в тумбочке дембельский альбом с моими дружескими шаржами на весь командный состав.

«Ты уж там всех баб сразу не еби», – посоветовал мне капитан Суворов. «Так точно!» – ответил я браво.

Потом ничего не помню. Помню, только как проснулся на второй полке: мне мучительно хотелось блевать. В Ярославле купили пива.

В Москве запомнилось безнадежное лицо сержанта Ефремова: «Пацаны! Я военный билет потерял!» Но закрутило его людской толпой на станции комсомольская, завертело и унесло куда-то, и никто так и не успел ему помочь.

На конечной станции серой ветки (тогда это была станция южная) меня потряс за плечо дежурный: «Молодой человек – приехали».

Я вышел из метро, повернул направо – мимо гастронома «Ташкент» или, может быть, «Узбекистан», потом налево – на улицу днепропетровская, на которой живет мой отец.

Зашел в подъезд. В те времена не было не то чтобы домофонов – даже и слова такого не было. Поднялся на второй этаж, сел на пол возле батареи (идти к отцу в таком виде было стыдно), прижался к ней щекой и вдруг бурно разрыдался.

Плакать в армии было равносильно смерти. А тут я понял, что все: оно кончилось. Теперь можно.

Потом заснул.

Игорь Раковский

Сафаров

...Сафаров был маленького роста. С русским языком у него были проблемы. Про таких говорили: «С гор за солью спустился, а тут военные...» Он скучал по дому, вспоминал свою чабанскую семью, любимого пса, вольный горный ветер...

С трудом выучил «Обязанности часового». Очень ему понравилось, как один подполковник в карантине рассказывал, что если часовой задержит врага, который попытается проникнуть на охраняемый объект, то солдат получит отпуск на родину на целых десять дней! Лица его не запомнил: все гяуры одинаковы на вид.

...Подполковник Чекасин, невысокий, крепкого телосложения мужчина, лелеял мечту стать генералом. Ему очень хотелось приехать в свою деревню в папахе и брюках с лампасами. Зайти в школу, где учился, посмотреть на свою первую любовь, что нынче была замужем за пьяницей-трактористом. Подполковник был любителем внезапных проверок, разносов, закладов всех и вся. Цель оправдывала средства.

* * *

Зима выдалась суровая. Сильные ветры, температура падала до минус тридцати.

Склад ГСМ охранялся часовым с вышки: так лучше были видны все подходы.

Мела поземка, сильный ветер унес табличку с надписью «Граница поста». Начкар искать ее не стал. Дело житейское.

Чекасин вышел на ночной промысел. Оделся в гражданское, для прикола (все его знали и боялись). Проверил дневальных, печати на оружейных комнатах, разогнал сержантов из сушилки. Сделал замечание дежурному по части, сказав, что лицо у него как у барбоса – мятое какое-то, а должно быть как с плаката «Не забудь защитить Родину!».

И двинулся проверять караул. Для начала решив посмотреть, как там «чурка»-первогодок охраняет ГСМ.

На вопль часового Сафарова «Стой! Кто идет?» Чекасин не ответил, а сделал пару-тройку шагов вперед.

И рядовой Сафаров понял. Вот оно, счастье! Враг! Настоящий! Будет отпуск!

И радостно заорал:

– Стой! Моя стрелять будет!

Чекасин дернулся назад. Сафаров передернул затвор.

Подполковник замер, уловив чутким ухом клацанье затвора.

– Это я! Подполковник Чекасин!

– Твоя стоять! Я – отпуск!

– Кнопку нажми, придурок! Твою... мать!..

– Кус!.. Мама не тронь!..

Разводящий со сменой пришли через полчаса. Кнопка вызова дежурной смены не работала.

* * *

На следующие утро, глядя на толстые, красные и блестящие уши Чекасина, капитан Ведякин выдохнул:

– Вылитый Чебурашка!

Отпуск Сафарову не дали.

Дослуживал он в хоззведе, где он упорно не подходил к свиньям, называя их чебурашками.

Зубы

Ведякин ворвался в общагу, как раненная в задницу рысь. Его усы («плацдарм для мандовошек», по замечанию начштаба подполковника Чекакина) топорщились как стрелки будильника.

– Вы тут пиво пьете, как лошади, и ссыте, как кони, а у нас в полку практикантка-медичка! Стоматолог, между прочим!! Будущий. На практику прислали! Глаза во!!! Фигуристая. Завтра зубы будет осматривать у личного состава. На предмет лечения или удаления, – и капитан Ведякин нервно закурил. – А у меня не болят.

Балов в полку предусмотрено не было. Не царская армия. Да и с паркетом трудности. Нету его. Народ жил квадратно-гнездовым методом. А те, кто не женатые, – ютились в общаге. Солдатам было проще: у них была казарма и мечта о дембеле. Армия. Это вам не гражданка. Некогда рассусоливать. Сунул, вынул и пошел – боевой и политической подготовкой заниматься.

На следующий день Ведякин бегал по городку, добывая спирт. По его логике, все медики любят спирт. Медицина без спирта не бывает, а как знакомиться с девушкой? Ей налить надо, привычное... Для разговора и вообще... Расположить, так сказать. По-трезвому это не бывает.

Спирт был у майора Родина. Который, пожевав губами, произнес тираду, что спирт сушит, а Ведякин не мелиоратор, а офицер, и здесь воинская часть, а не белорусские болота. Майор отслужил двадцать три календаря и говорил загадками. Отслужите столько, еще не так говорить будете: любой психиатр чокнется.

Ночью капитан Ведякин разбудил меня и радостно сообщил, что у него, кажется, болит зуб. До утра он строил планы, как войдет в контакт с практиканткой и заживет с ней здоровой половой жизнью. Романтик, а не советский офицер.

После развода он помчался в санчасть. Там его ждало разочарование: жена начальника штаба (который подполковник по фамилии Чекакин). Она была нашим полковым доктором. Мастер, можно сказать, на всю голову, не говоря о других частях тела. Крупная такая женщина. В белом халате, всегда застегнутом на одну пуговицу.

Остальные пуговицы не удерживались, отлетали при глубоком вдохе. Капитан Ведякин понял, что офицеры умирают сидя. В зубо­врачебном кресле. Встать ему не давала рука докторши, что глыбой давила на его хрупкое плечико.

– А где практикантка? Ну такая! – Ведякин показал руками, какая.

– Руки на колени, капитан! Осмотрела вчера личный состав и уехала. В город. Шире рот! Где болит?

– А!!! – И капитан ткнул пальцем в щеку. В левую. Хотя мог бы и в правую. И это было Ошибкой.

– Так у вас дупло! – сказала врачиха.

«Дятел ты, а не врач», – подумалось офицеру. И это было последнее... Сознание померкло. Инстинкты остались.

Полк содрогнулся два раза. От крика. Первый? Когда доктор ошиблась и вырвала здоровый зуб. Второй – когда с дуплом. Хотя дупла там не оказалось. Зубы чистить надо, вот что я вам скажу.

Потом капитан Ведякин жалобно скулил. В соседней части «Красная звезда» завывали собаки, их там растили для службы в советской армии. Сочувствовали. У военнослужащих солидарность очень развита.

С тех пор капитан Ведякин пришепetyвал, а когда он говорил в сердцах: «Зубы выдру, сука!» – то его лицо становилось таким, что оскал мирового империализма казался детской улыбкой.

Комроты, готовь...

Утром начальник штаба полка зачитал приказ. И я стал командиром роты.

У дверей офицерской общаги меня встретил капитан Ведякин.

– Ну?

И мы пошли. И купили. Водки. Много.

Начальник столовой дал задание повару – нажарить картошки. Два комвзвода оторвали доску с тыльной стороны склада НЗ и умыкнули тушенку. Третий взводный притаранил в кульке «Букет Абхазии» – пять копченых рыбин. Из хозвзвода прислали редиску, лук и укроп. Библиотекарша дала газеты. Начальник вооружения принес бутылъ спирта, в которой плавали какие-то корешки.

– Это стимулятор, – гордо заявил он. – Ведь будут девушки!

Банку с толстыми солеными огурцами, озираясь по сторонам, притащил особист.

– Жена прислала.

Доктор принес салфетки и вилки.

Две телефонисточки сноровисто приготовили салатики. Библиотекарша постелила газетки на стол и эстетично все расставила.

И понеслась пьянка-гулянка.

Меня хлопали по плечу.

– Ну, не страшно, что в роте «чурки» сплошные. А зато взводные – два литовца, супротив них фашисты просто дети. А третий комвзвода так вообще чуваш – ему рыбу присылают. Всегда есть что к пиву погрызть. И старшина хороший. У него овчарка, а когда он выпьет, так идет с ней в расположение роты, и все там дышать боятся, так как зубы у песика острые, а пасть большая. Так как старшина выпивает часто, как мы, то за личный состав беспокоиться нечего.

Прапорщик Батышев смущенно улыбался и, довольный, рассказывал, что какого «чурку» ни спроси, то устав знает, особенно караульной службы, ну там где: «Заслышав лай караульной собаки...»

Потом пели песни. Правда, пришел дежурный по части и, выпив, попросил:

– Вы тут потише, а то командир волнуется.

Ведякин, завладев всеобщим вниманием, предложил сыграть в старую офицерскую игру «медведь пришел».

Все радостно согласились.

Суть игры в следующем.

Все выпивают, а по команде ведущего: «Медведь пришел» – дружно лезут под стол. А при вопле: «Медведь ушел!» – все вылезают и выпивают. Ну а потом ведущий кричит: «Медведь пришел!» – и все повторяется по новой.

Выигрывает тот, кто сможет последним вылезти из-под стола. Проигравшие расплачиваются пивом поутру.

На мой наивный вопрос: «А ведущий сможет что-то сказать в конце игры? И кто увидит победителя?» Ведякин гордо ответил:

– Я всегда скажу! И увижу!

...Утром был ледяной душ, кефир, порез от бритвы, залепленный кусочком газеты, одеколон «Шипр», построение...

* * *

Через некоторое время двое караульных из нового пополнения ушли с оружием в деревню Кукуево и назюзюкались до посинения. Когда их нашли, то они лежали головами в сторону части, каждый из них прикрывал своим телом автомат. Настоящие бойцы!

Командир полка покачал головой, и меня направили учиться на высшие офицерские курсы «Выстрел».

Узнавший об этом Ведякин, проваливший вступительные экзамены в академию, мрачно заметил:

– Везет дуракам.

Подводник и авиатор

Палыч любил рыбалку. Но это редко удавалось. Вы пробовали ловить рыбу из подводной лодки? Нет, конечно. Палыч тоже идиотом не был. Был капитаном третьего ранга и штурманом от Бога. Был любим и обласкан начальством.

* * *

Летчик Петрович был невысокого роста, любил небо и терпеть не мог водные стихии. Потому что однажды он лихо хотел подскочить к причалу, но подлая волна стукнула и стесала редан, самолет клюнул носом, и Паша понял, как видят мир аквариумные рыбки.

Это летное происшествие громко обсуждалось. Девушка, ради которой был затеян этот рискованный трюк, громко смеялась, вскидывала руки и хлопала по коленкам. Коленки были красивые. Да и девушка тоже.

Три часа Петрович слушал Георга Отса «Смейся, паяц, над разбитой любовью». Боль прошла, осадок остался. Тяжело невысокому человеку найти себе подругу жизни.

* * *

Палыч и Петрович дружили. В полярной авиации и на подводном флоте свои законы дружбы. Друг – это Друг. Этим все сказано. Если Палыч просил Петровича подбросить на клевое место, то последний высаживал его на берегу заливчика. На обратном пути забирал его и слушал рыбацкие истории. Потом они выпивали и травили байки. И было им хорошо.

* * *

Петрович познакомился в Питере с Викторией, когда он, морщась от боли в ногах, рассматривал картину какого-то Матисса.

«Гомики, наверное», – думалось ему, глядя на красные фигуры. Больше ему понравились скульптуры Майоля, клевые тетки, жопастенькие.

Виктория была хрупкая, но корма у нее была!.. Как у скульптурных теток. Петрович рассказывал ей о полярных льдах, о грохоте льдин, о караванах, которым он указывал дорогу.

Виктория ему понравилась. Виктории Петрович понравился тоже, такой крепенький, как гриб боровичок. И говорит смешно.

Целовались они самозабвенно.

* * *

Викторию он должен был встретить в аэропорту. Свадьба была назначена на вечер пятницы. Срочный вылет был неожидан.

– Да ладно, – сказала Начальство. – Один подскок, вечером домой, а на следующий день встречай невесту.

Север есть Север. Погода была нелетной. Категорически нелетной.

* * *

Подводная лодка готовилась к отплытию. Палыч уломал командира, и Петровича разместили в подводной лодке. Без комфорта, но всего-то – ночь ходу – утром на базе, а там на «Газоне», максимум, час. Делов-то.

Петрович завалился спать, благодаря Бога, что есть друзья на белом свете.

Ночью пришел секретный сигнал. Командир распечатал указанный в шифровке конверт. Лодка ушла в автономное плавание на

две недели к Северному полюсу.

Доктор торжественно принес 500 грамм спирта, командир, вздохнув, отдал бутылку «Двина», офицеры скинулись кто чем мог.

Когда Петрович открыл глаза и осознал, то потребовал Георга Отса.

Просьбу исполнить не могли, режим молчания.

– Смейся, подводник, над разбитой любовью, – выдохнул авиатор.

Его выхлоп гулял по отсекам. Ноздри матросов трепетали.

* * *

Виктория в последний момент передумала и осталась в Питере. Городе музеев, поребриков и многообещающих женщин.

Петрович и Палыч месяц не разговаривали. А потом Петрович позвонил и невозмутимо сказал:

– Слышь, я тут место знаю – клев там!..

И они полетели.

Чебуреки Матросу Кружкину посвящается

*Им в дороге случились такие напасти,
Что мильон языков не расскажет и части.*

Алишер Навои

Начиналось все хорошо. Горы были сиреневые, яркая зелень подступала к дороге, мухи отсутствовали, воздух был тих и прохладен.

...Большой кишлак, прижавшийся к дороге, вокруг клочки полей, маленькие рощицы, кусты там и сям, с мелкими розовыми цветочками.

Царандоевцы привычно погнали небольшую группу молодых и не очень мужиков в сторону грузовиков. Зимний призыв.

Мы отошли в сторону. Мы – это я и мой переводчик. Большой духан был закрыт. Мелкие торговцы, сидевшие у забора в пыли, быстро сворачивали свое немудрящее барахло и сваливали кто куда.

Часть царандоевцев под началом усатого командира лениво двинулась в глубь кишлака.

Было скучно, и мы пошли за ними.

Экспедиция закончилась быстро.

Откуда-то раздалась трескучая очередь, кто-то заорал, царандоевцы ломанулись назад, я с переводчиком нырнул в какой-то проем, прикрытый хлипкой калиткой. Ухнула граната.

Дворик, в котором мы оказались, примыкал вплотную к садику-огородику. Из этого садика-огородика по нам и шарахнули от всей души. Лежать носом в пыли и поглядывать на лепешки дерьма, оставленного какой-то копытной тварью, было неприятно. Впереди виднелась какая-то халупа, за ней проход и пролом в дувале.

На счет «раз-два» и при паузе рванули в сторону хибары. Не сговариваясь, мы пальнули в дверной проем. Я залетел кубарем в помещение, переводчик пронесся ракетой в проход.

И я остался один. Не считая трупа бородатого аборигена и добрых знакомых – вездесущих мух.

Хотелось на волю, к дороге. Но, увы... покинуть хижину местного дяди Тома не получилось.

Чмак. Это пуля в стенку, слепленную из местного дерьма.

Опять началась стрельба. Мы – я и труп – коротали время. Хотелось курить и пить. Сигареты были все переломаны, флягу с водой я забыл в машине. Фаланги пальцев были сбиты в кровь, где, когда и как – я не знал. И вдруг в мозгу всплыла картинка. Большая алюминиевая кастрюля, слегка прикрытая мятой крышкой без ручки. Внутри лежали чебуреки. Горячие, духмяные и сочные. Рядом с кастрюлей – деревянный ящик с пивом. Бутылки были темного стекла. Лепота.

Картинка пропала. Стрельба прекратилась. Я рванул из хибары. Присел у дувала. В ушах звенело. Было тихо. Пустынно. Ветер крутил маленькие смерчки из пыли.

У дороги рядом с машинами бегал переводчик и махал руками. Я долго пил воду, она проливалась на бушлат, оставляя темные следы.

Мы уезжали. В пыли валялись гильзы, кусок недоеденной кем-то лепешки. Похожие на черные кегли местные тетки кучкой стояли в стороне, кишлачные пацаны кидали нам вслед камни.

Горы поменяли цвет и стали блекло-желтыми в легкой полупрозрачной дымке.

Подгоняемые ветром, перекасти-поле неслись с нами наперегонки. Переводчик спал, голова его моталась в такт движению. Царандоевцы о чем-то радостно лопотали, подсоветный топорщил усы.

Чебуреков и пива в обозримом будущем не предвиделось. И от этого было очень грустно.

Чистые пруды

Позвонили из районного военкомата и попросили сходить на урок мужества в соседнюю школу.

Паша пытался промямлить, что он занят. Ему напомнили, что он стоит на квартирной очереди, и когда ему нужны были бумаги для райисполкома и собеса, то он получил их без проблем и проволочек.

Паша аккуратно положил тяжелую телефонную трубку.

Из туалета доносились песни тети Клавы. Тетя Клава, толстая женщина в синем халате, рассказывала всем, что она племянница Шульженко. Был еще в коммуналке дядя Миша, который два раза по пьяни пытался сжечь квартиру, крича, что все узнают, что такое Москва, спаленная пожаром. Тихая библиотекарьша Люда тайком водила к себе читателей районной библиотеки. Из ее комнаты вечерами доносились вскрики. Утром на кухне она, смущаясь, говорила, глядя в мутное невымытое кухонное окно, что ее кот «такой шалунишка» и эта весна для него «испытание». Иосиф – еврей и бухгалтер Московского областного театра драмы – смотрел на нее печально, грустно и с безнадежной любовью.

Тетя Клава слюнявила черный карандаш, глядясь в коридорное зеркало, засиженное мухами, и подводила брови в полутьме коридора. На Чистых прудах звенел трамвай, а из гриль-бара, что на углу, воняло палеными куриными перьями. Пашина жена, держа руку их ребенка, стремительно вышла из комнаты, что была за ржавым корытом и тусклой коридорной лампочкой, махнула сумкой, и старая разохшаяся дверь тяжело ухнула. Загремел лифт.

Паша привычно растерся жестким полотенцем, зажмурившись, побрызгал на свежесбритое лицо жгучий одеколон. Воротник рубахи впился в шею. По телевизору лысоватый пожилой мужчина, когда-то физик и бывший трижды, а ныне просто Герой, рубил правду-матку с трибуны. Диктор новостей после сюжета захлеб рассказывал о гласности. В зеркале, что висело на двери их комнаты, отразилось сухощавое Пашино тело в коричневом костюме и нелепой розоватой рубахе; крепко сидящая Красная Звезда. Медали весело качнулись,

тихонько звякнув. До блеска начищенные туфли отразили солнечный зайчик.

На улице суетливо бежал московский народ. Толпились люди на трамвайной остановке. Равнодушные лебеди на пруду скучно совали головы в воду и хлопали крыльями.

В школе пахло паркетной мастикой и табачным дымом из туалетов. Классная руководительница, невысокая и решительная женщина, крепко пожала Пашину ладонь и распахнула дверь в класс. Дети встали. Паша откашлялся.

Он коротко рассказал о боевом пути его воинской части, потыкал ручкой в карту Афганистана. На вопрос о наградах буркнул привычно:

– Было дело.

И, отмучившись, ретировался в учительскую. Там был чай и песочные пирожные. Завуч черкнула на райвоенкоматовской бумажке и лихо шлепнула печать. Какая-то учительница смотрела оценивающе на Пашу и, обернувшись к подруге, произнесла со значением:

– А мне знакомый полковник рассказывал, что там, – она потыкала пальцем в расписание уроков, – творилось черт знает что. Наркотики, убийства, вот и Сахаров об этом вчера говорил. Видели?

Ее подруга усмехнулась и спросила Пашу:

– А вы стреляли в людей?

Паша запил чаем сухое пирожное и кивнул.

– Господи, какой ужас, – протянула она и вышла из учительской. Ее колготки скрипели на каждом шагу.

* * *

Ночью Паше снилось, что патроны кончились. Крик его был страшен и протяжен. Жена толкнула его в бок локтем. Он встал, вышел на кухню.

Ночью было тихо, только тихонько где-то тренькала гитара.

Сигарета горчила. Из крана капала вода.

И он почему-то вспоминал, как они стырили с земой тушенки и нажрались от пуза, а потом пили чуть теплый чай, пахнувший хлоркой, и, опустив ноги в канаву с проточной водой, курили. Было приятно

шевелить пальцами в холодной воде, а крепко скрученная «козья ножка» вместе с дымом уносила далеко... И было на душе светло, грустно, и мечталось о Чистых прудах, виделись лебеди и слышался звон трамваев.

Паша вдавил в консервную банку окурок, поправил сползающие трусы и отправился в свою комнату, что за ржавым корытом и тусклой коридорной лампочкой.

Владимир Аникеев

200 гусей

Как позиции артогнем накрыть – я знаю. Как танк подбить – тоже знаю. А вот как урожай убирать – честно скажу, был не в курсе. Но армия такое дело, всему научишься.

Послали меня на целину. Убирать урожай. В СССР это практиковалось.

А в подчинение дали мне «партизан». Причем – литовских. То есть ко всем традиционным недостаткам «партизанов» примешивалась у них еще одна черта. Наверное, национальная. Как по ходу выяснилось, литовцы очень любят гусей. Я, конечно, как их непосредственный командир, знал про эту любовь, но вот ее масштабы осознал только тогда, когда ко мне явился парторг колхоза, хитрый молодой татарин, и сообщил, что недосчитались они двухсот гусей. Ну что мне тут отвечать...

– Улетели, говорю, гуси на юг. Птица, знаете ли. У нее бывают разные странные идеи...

Парторг смотрит на меня как на человека городского и начинает мне втирать, что летают дикие гуси, а за домашними такой чуши сроду не водилось.

– Понимаю, – говорю и тут же рассказываю анекдот про то, как мужику жена не дала на опохмел, и он продал кур. А когда та поинтересовалась, куда делась птица, ответил, что улетела на юг: «Не будешь давать на опохмел, и бараны в горы уйдут!»

Парторг грустно поулыбался и спросил:

– Ну а с гусями-то что будем делать? Юг – югом, но на вашей территории находят перья и кости... Председатель очень недоволен...

– Э, – говорю я, – ну некоторые, может, и не улетели никуда. Бывают в жизни случаи разные.

– Ну и какие, например? – иронично спрашивает татарин.

Выходим мы из моей будочки, идем по лагерю, а впереди нас стадо колхозных гусей. И тут вдруг вожак разбегается, поднимается в воздух и летит! Громадный гусь, с хорошего поросенка. А стадо, гогоча, пытается бежать за ним следом. Татарин просто офигел.

Я поворачиваюсь к нему и говорю:

– Вот видите, значит – летают?

А в лагере электричество было подведено только к полевой кухне. Обыкновенная кухня котлового типа. Котлы открыты, из них пар валит – готовится обед. И вот гусь врывается в эти провода и кувырком летит прямо в котел! Проводов, впрочем, издали не видно, и потому зрелище еще то.

Я в шоке, но все-таки нахожу в себе силы повернуться к татарину и спросить:

– Ну что, видели?

А у него глаза навывкате, рот открыт, и чуть ли не крестится. И на меня с большой опаской смотрит. Уверен, что это я, бабай, применил против гуся некое колдовство, доступное только русскому городскому человеку. Ну ведь не может же такого в жизни произойти!!!

Гусь на самом деле упал не в котел, это нам только издали так показалось, а за котел, где солдаты картошку чистили. Они, естественно, тут же отхватили ему голову, выпотрошили и, сунув в кипяток, быстренько ошпарили.

И когда мы с парторгом дошли до кухни, гусь уже лежал красивый, совершенно готовый к употреблению, разве что не жареный. Это парторга как-то окончательно добило, и он даже мычать начал. Грустно так: «Эммм, эммм, эммм...»

Я ему говорю:

– Вы же сами все это видели. Только что. Я уверен, что ваша партийная совесть не позволит вам врать, и вы всю увиденную картину, в мельчайших нюансах, доложите председателю. Мои подчиненные к уменьшению поголовья ваших гусей никакого отношения не имеют!

Парторг что-то еще промычал, затем осторожно, задом, задом, пошел от меня и исчез в кустах.

После этого нам претензий по поводу пропавших гусей уже не предъявляли.

Максим Леонов

Потерянный автомат

В середине 90-х годов, когда на Северном Кавказе начались крупномасштабные боевые действия, к этим самым военным действиям стали привлекать все доступные и подготовленные воинские части. Морская пехота Северного флота оказалась в их числе. Хотя, казалось бы, где флот и Север, а где Чечня... но «Белые медведи» (почти официальное название частей морской пехоты из СФ) всегда отличались отменной выучкой.

Однако возросшие требования к подготовке личного состава требовали от руководства части нововведений. В частности, для отработки у призывников и необстрелянных старослужащих навыков боя в горной местности.

На территории части, располагавшейся вдали от населенных пунктов и лежащей среди бескрайних сопок (очень напоминающих горы Чечни), был оборудован весьма себе неплохой полигон, где можно было отрабатывать практически любые воинские задачи в гористой местности. Как оборону блокпостов, так и поиск боевиков в зарослях. Ну и ведение боя в гористой местности, что тоже (как уже упоминалось) имеет свои особенности.

В общем, полигон получился на загляденье. Но имелся один нюанс: финансирование данного полигона осуществлялось «всемирно». То бишь всеми заинтересованными ведомствами. Минобороны, ФСБ, МВД и даже СВР. Пользоваться данным полигоном могли представители всех «инвесторов», поэтому на базу морской пехоты довольно часто наведывались представители «соседних» ведомств.

* * *

Данная история случилась как раз в такой визит.

На полигон заявился на учения мурманский ОМОН. Нет, они особо не нагтели, расположились неподалеку от стационарных зданий морпехов. Благо палатки и все необходимое привезли с собой. Ну и, в

конце концов, если учения, приближенные к боевым, то неча прохлаждаться в казармах, предназначенных для иных целей.

Но с базой морпехов существовала связь. Сотовых телефонов тогда еще и в помине не было, и получить информацию с Большой земли можно было только с телефонов воинской части. Так что гости частенько захаживали к «хозяевам», чтобы домой позвонить. Ну и телефончик родственникам оставляли, дабы, если что, можно было оперативно сообщить.

С одной стороны – нарушение устава, а с другой... одно дело делаем.

И вот сотруднику недавно прибывшего подразделения ОМОНа поступила телефонограмма: «Сын родился!» А так как новорожденный был первенцем, то – ясен перец! – обмыть ножки необходимо так, чтоб потом было что вспомнить.

Отмечать решили на природе.

У всех, кто приезжал на полигон, для подобных мероприятий было «зарезервировано» специальное местечко. Там и ровный камень для стола имелся, и ветерок обдувал (на случай комаров), и бревна в качестве посадочных мест были навалены, да и мангал для шашлычков давно выстроен. Одно неудобство – неподалеку располагался полигон, где салаги из морпехов учились стрелять по мишеням. И когда на стрельбище проводились занятия, гром стоял весьма ощутимый.

* * *

На застолье омовцы выдвинулись часа в три пополудни, подключив к такому важному мероприятию и многих офицеров воинской части.

Часа четыре сидели вполне мирно. Пили разведенный спирт, закусывали сперва хорошо прожаренным на костре, потом – полусырым мясом. Орала песни. В общем, все как у людей.

Когда большинство стало доходить до состояния полного нестояния, одному из омовцев приспичило в сортир. Противоснайперским зигзагом он проследовал в кусты. И так беднягу мотыляло, что ушел он довольно далеко. Справил нужду и тут

услышал шаги. Что там в башке у омовца переклинило, он и сам потом не мог вспомнить.

А случилось там вот что.

С полигона в часть возвращались первогодки-срочники. А один полуморпех (так в морской пехоте иногда называют тех, кто еще не отслужил год) так же, как и милиционер, пожелал в туалет. Ну и отстал, подумав, что сделает свое дело и догонит. На свое счастье, в туалет срочник сходить все же успел, а то не избежать бы ему было некоего конфуза от весьма неожиданного поворота. Шел он себе быстрым шагом, догоняя своих, и тут на него откуда-то прыгает то ли снежный человек, то ли медведь, невесть как тут оказавшийся. Оказалось, что не медведь, а давешний омовец. Милиционер, услышав шаги, устроился в засаде, а когда «вражеский шпиен» оказался в пределах досягаемости, прыгнул на него и в момент скрутил. Так связанного и принес к поляне.

– Вот, разведчика поймал, – с гордостью заявил мент, скидывая свою ношу у костра, – наверное, «чехов» хотел навести.

Как это обычно бывает, среди пьяных оказалось несколько человек, более или менее трезвых, которые помнили, где находятся и что делают. Морпеха развязали и попытались отправить в часть. Но тот вдруг заартачился:

– Автомат верните, – чуть не плача, просил бедняга, – меня же в штрафбат засадят.

Потеря оружия – это серьезно. Милиционеры и офицеры из части, кто потрезвее, стали выяснять у того, кто принес «разведчика»: куда тот дел автомат.

– Да там оставил, зачем он мне, – отмахнулся омовец и уснул.

Пришлось нескольким милиционерам и наиболее трезвым офицерам вместе со срочником следовать к месту засады. Поискали, но оружия не нашли.

Поискали еще, с привлечением уже всех, кто еще в состоянии был двигаться после «обмыва ножек». Опять не нашли.

И тогда, в пьяном благородстве, решили идти всем миром отмазывать беднягу морпеха перед начальством.

Собственно срочник, увидев у костра некоторых своих командиров, уже понял, что ничем особым происшествие ему не грозит. Но офицеры и милиционеры решили, что невиновного необходимо «отмазать» немедленно!

На беду делегации, на базе еще не успело разойтись главное начальство. Руководство части, услышав честный рассказ омовцев и их друзей (в основном из низового офицерского звена), срочника наказывать не стало. Но заявило, что завтра автомат должен быть представлен в часть. Сегодня все равно искать было бесполезно, а чужие в этих краях встречаются примерно раз в сто лет.

На том и порешили.

* * *

На следующее утро вместо нормальной опохмелки омовцев и их друзей из воинской части ждало построение на плацу. Хмурый командир ОМОНа (как ни крути, а это «косяк» его подчиненного, значит, ему и отвечать за поиски) объявил, что он, конечно, понимает всякие завихрения в мозгах и прочее, но оружие найти надо, и как можно быстрее. И пока автомат не найдется, никому «лекарство» выдано не будет.

– О том, чтобы у вас не осталось ничего спиртного, я позаботился еще ночью, – хмуро заявил командир отряда.

– Да в Чечне я бы через час принес сюда штук двадцать «калашей», – бурчал виновник всего переполоха Серега, чувствовавший себя весьма виноватым.

– Мы не в Чечне, – отрезал старший, – так что идем и ищем. Разговоры закончены.

Поиски автомата продолжались часа три. И это притом, что район поисков был весьма ограничен. Место, где омовец захватил морпеха, нашли еще вчера, и оно стало центром для поисков. На карачках проползли метров, почитай, двести во все стороны, но автомата не нашли.

Наконец один из морпеховских офицеров, участников вчерашней попойки, не выдержал и подошел к командиру.

– Надо Серегу напоить, – начал он.

– ЧТО?!!!

– погоди, командир, ты послушай. Мы здесь уже каждый сантиметр перепахали и ничего не нашли.

– Сам знаю, – буркнул командир.

– Так вот: у нас в Чечне такой случай был. Мишка дежурил на крыше блокпоста в Новый год. Ну и, сам понимаешь, всю новогоднюю ночь был трезв, аки стеклышко. А как сменился, сразу и набрался. И, представь, запасной пулемет уволок и куда-то спрятал.

– И что? – заинтересовался командир.

– А ничего! Три дня искали, Мишку, бедного, чуть не утюгом пытали. Но сами понимали – бесполезно. Надыбали на зачистке пулемет и не стали сдавать, а оставили у себя заместо потерянного. А про старый подумали, что духи сперли. И вот в старый Новый год Мишка опять напился – и вспомнил! Оказалось, он в прошлый раз пулемет закинул на крышу сортира, а вспомнил, только когда дошел до того же состояния.

– Ты похмелиться хочешь или...

– Да какое «или»! – воскликнул морпех. – Мы уже раз двадцать здесь все облазили – и впустую! Может, это наша единственная возможность наконец найти этот чертов «калаш»! Вы-то домой уедете, а с нас начальство семь шкур спустит!

Командир подумал и решил, что хуже не будет. Действительно, место захвата срочника установили чуть ли не до миллиметра: спецследопыты в отряде нашлись. Ну и, само собой, вокруг обыскали не только каждый кустик, но и все, куда можно было добросить автомат. Старший махнул рукой и отдал фляжку со спиртом.

Серега сперва в одиночку пить не хотел. Но его убедили: вся катавасия из-за него одного, и если он не хочет портить отношения с коллективом, то пить надо. Выхлестал омоновец пол-литра спирту. Посидел какое-то время и стал приставать к товарищам с исповедью по вопросу, какое он дерьмо. Долго на эту тему распространялся. Через час всем надоело слушать, и они понемногу стали от опохмелившегося счастливица расползаться.

– Заткнись ты! – в сердцах гаркнул один омоновец. – Лучше б этот долбаный автомат нашел!

– А чего его искать? – вдруг заявил Серега. – Я его у костра под камнем спрятал.

* * *

После секундного шока сразу несколько милиционеров и их воинских друзей бросились к той поляне, где вчера проходила пьянка. И действительно: под камнем, где располагался стол, обнаружили искомый автомат.

Оказалось: когда Серега принес «языка», никто и внимания не обратил, что у него автомат на плече. А пока приводили в себя срочника, Серега положил автомат под камень и завалился спать с чувством исполненного долга.

Спецназ и авторитеты

Такова уж наша сегодняшняя жизнь, что сотрудникам милиции приходится частенько выезжать в горячие точки. Но иногда с сотрудниками милиции в подобных командировках случается такое, что от одного воспоминания о случившемся хочется жить и работать. И верить, что не всегда милиционеры лишь быдло и мусор для новых «хозяев жизни», в большинстве случаев отсидевших пару десятков лет в местах не столь отдаленных.

* * *

В 1992 году одной из горячих точек считалась Молдавия. А точнее, Приднестровская республика. Впрочем, горячей эта территория была лишь до того момента, пока туда не вошел со своей армией генерал Александр Лебедь. Настоящий офицер по жизни, Лебедь сразу установил в республике собственные порядки. Которые, в общем-то, и погасили конфликт.

Одним из таких новых порядков стало распоряжение командующего армией о круглосуточном дежурстве милиционеров на всех въездах в Приднестровье. Дабы стражи порядка проверяли документы и досматривали автомобили всех въезжающих и выезжающих на предмет ввоза-вывоза оружия, наркотиков и других весьма доходных, но абсолютно незаконных вещей. Ну а, чтобы сотрудники правопорядка особо не скучали, им в помощь придавались ребята из войскового спецназа. С соответствующей техникой и вооружением войск специального назначения.

Дежурства, как правило, проходили спокойно. Все было скучно и обыденно. Проверки проходили с полным пониманием со стороны проверяемых. Да и как тут не загореться желанием помочь родимым стражам порядка, если за их спиной лениво покуривают бравые ребята с закатанными рукавами застиранных камуфляжей, да еще и с автоматами, снайперскими винтарями и гранатометами в руках. А еще чуть дальше стоит себе боевая машина пехоты с крупнокалиберным

пулеметом и никому вроде не мешает. Но стоит только всмотреться в бравых ребят, и почему-то сразу становится понятно, что «ленивые» хлопцы весьма цепко обсматривают всех проверяемых и в случае каких-то непоняток не будут задумываться, стрелять или нет...

* * *

Но однажды к стихийному КПП на дороге (контрольно-пропускные пункты не имели постоянной прописки, а выбирались той или иной сменой по собственным предпочтениям, главное было перекрыть возможные пути въезда-выезда) подъехала кавалькада очень дорогих иномарок. Из парочки машин вышли шкафообразные мужички и направились к БМП.

– А ну-ка, резко, убрались с дороги и не отвешиваем по обочинам, – вальяжно проговорил один из подошедших. – Большие люди едут, – соизволил пояснить «шкаф».

* * *

Милиционеры сразу догадались, кто именно едет на тачках, и немного приуныли. Весь опыт последних лет показывал, что эти отбросы общества, отсидевшие по несколько десятков лет в тюрьмах, действительно становятся «хозяевами жизни». И никого не интересует, что большинство из «хозяев» за всю свою жизнь только и делали, что убивали и грабили. А сейчас зарабатывают деньги на том, что отдают приказы – опять же убивать и грабить. Некоторые милиционеры противились такому установлению нового порядка, но ничего поделать не могли. Другие «стражи порядка» уже почувствовали вкус больших денег, которые платили им всяческие воры в законе, и быстро убрали из МВД правильных милиционеров. Любой выпад в сторону криминальных авторитетов заканчивался для посмевшегося встать на дороге новой элиты весьма плачевно.

Но вот их соратники по КПП, спецназ ВДВ, думали и ощущали себя иначе.

Во-первых, ребят, прошедших несколько войн и имеющих за плечами огромный опыт боевых столкновений, а на груди несколько сот грамм металла, называемого «государственными наградами», весьма покоробил тон, с которым этот тип обратился и к ним тоже. Причем ребята прекрасно понимали, что этот «шкаф» свои мышцы наращивал в спортзале, а порох нюхал на каком-нибудь полигоне. Но никак не в горах Таджикистана, Абхазии или Афгана.

Ну а во-вторых (и это, пожалуй, самое главное), спецназовцы прекрасно знали, что Лебедь своих не сдает ни при каких обстоятельствах. Исключая, конечно, случаи явного криминала, типа убийств, разбоев, изнасилований. С ворами разбирались сами: кого-то выгоняли без всякого содержания, а кого-то и... несчастными случаями баловали. Потому-то в армию к Лебедю штабные и тыловые крысы особо не стремились... Но за соблюдение инструкций, кого бы это исполнение инструкций ни касалось, в армии Лебедея наказать не могли никого в принципе.

* * *

Ничуть не смутившись крутизной приехавших, старший лейтенант С. прыгнул с БМП, на ходу сделав неприметный знак подчиненным, сидевшим или стоявшим у БМП. Те, повинуясь команде, пырскнули в стороны от дороги и растворились в кустах. Стоит сказать, что этот маневр не остался незамеченным со стороны шкафоподобных. Один из них нахмурился.

– Ты что, безумный, смерти ищешь? – усмехнувшись, произнес внимательный «шкаф».

– Ну прям как в кино «Не бойся, я с тобой», – блеснул кинематографическими познаниями лейтенант. – Всем выйти из машин, руки на капот, документы перед собой, – эту фразу спецназовец произнес тем же тоном, что и про кино.

– Да ты чо, фраер, охренел совсем? – В голосе шкафоподобного слышалось столько искреннего удивления, что поверил бы даже

Станиславский. – Да мы ж тебя на куски порвем! Никакой Лебедь тебя не спасет!

– Может быть, так оно и будет, – кивнул лейтенант, – но это будет потом, а сейчас выйти из машины и руки на капот! – Последний приказ он уже проорал.

И тут бандитствующие элементы совершили самую главную свою ошибку – из автомобилей вышли несколько человек с оружием в руках. Они уже привыкли к тому, что запрет на хранение оружия к ним не относится. Но вот спецназовцы были натасканы и войной приучены реагировать на оружие в руках предполагаемого противника (а всем своим поведением братаны показали, что они как раз противник) одним-единственным способом – с БМП застучал пулемет.

* * *

К счастью для авторитетов и их охраны, спецназовцы все же понимали, что братва вряд ли была намерена стрелять на поражение, и пулеметчик дал очередь поверх голов. Но все находившиеся в машинах моментом вспомнили все, чему их учила зона и сотрудники внутренних войск, – авторитеты, приближенные, их охрана повыскакивали из машин и уткнулись мордой в асфальт, скрестив руки на затылках.

А в дело уже вступили спецназовцы, рассредоточившиеся в окрестных кустах. Они открыли огонь по «мерседесам» и джипам. Автоматные и пулеметные очереди дырявили дорогие машины, превращая их в металлохлам, а «хозяева жизни» старались крепче вжаться в асфальт и молились всем богам, чтобы псы войны не взяли прицел чуть пониже.

Через пару минут огонь прекратился. Лейтенант поднялся с земли, где он лежал вместе с милиционерами, которым еще и помог упасть и не мешать своим орлам вволю потешиться, и обратился к милиционерам будничным тоном:

– Ну раз наши гости наконец выполнили законную команду, можно и досмотр провести?

Старший наряда милиционеров (по званию капитан) смотрел на лейтеху, как мог смотреть еврей на явление Яхве народу Израиля. Или как мусульманин на Аллаха, только что прошедшего его по всем райским кущам, вместе с их гуриями, бесконечными оазисами и всем, что прилагается к мусульманскому раю. Причем дал всем попользоваться.

Дальнейший досмотр проходил при полном согласии и активном сотрудничестве со стороны проверяемых: уж слишком не хотелось авторитетам еще раз услышать над своей головой свист пуль. В остатках машин и в карманах проверяемых было обнаружено наличие большого количества оружия и нескольких десятков граммов различных наркотиков.

Всех приехавших (как позже оказалось, авторитеты ехали на сходняк по поводу будущего Приднестровской территории) доставили в тираспольский изолятор. Впрочем, в СИЗО Тирасполя (столицы Приднестровья) авторитеты пробыли недолго: сыграли свою роль дорогие адвокаты и некоторые высокопоставленные, но прикупленные сотрудники правоохранительных органов. А скорее всего, Лебедь просто не знал, что ему делать с задержанными, и удовольствовался тем, что выгнал их из Приднестровья.

Добравшись до цивилизованных мест, авторитеты попытались, через прикормленных чиновников и генералов, нажать на Лебеда, дабы тот наказал борзого лейтенанта и старшего милиционера.

Но не получилось: Лебедь своих действительно никогда не сдавал.

И все время, пока Лебедь стоял во главе армии в Приднестровье, воровские и бандитские авторитеты если и приезжали в непризнанную республику, то только тихо-мирно, или, говоря словами великого Папанова, «без шума и пыли».

Медвытрезвитель

Кольский полуостров, если кто не знает, является базой для Северного флота. В советские времена (да и сейчас) самого мощного в стране. Именно там базируется основная часть подводного флота. В социалистические времена советские подлодки постоянно выходили в «автономку», когда лодки по несколько месяцев, практически не высываясь на поверхность, подобно капитану Немо, слонялись по океанам. Ну а, вернувшись домой, офицеры обычно чувствовали себя настоящими богачами, получив зарплату (да еще с северными надбавками) за несколько месяцев одной кучей.

* * *

Герой этой истории, офицер-подводник, вернулся из «автономки» в ноябре. И хотя в самой знаменитой песне о подводниках есть такие строки: «...тебе известно лишь одной, когда усталая подлодка из глубины идет домой...», на самом деле секретность была на первом месте. Так что жена офицера не знала, когда именно он вернется из многомесячных шатаний по морям-океанам.

Как-то так получилось, что офицер получил причитавшиеся ему деньги прямо в день возвращения.

Обычно ведь офицеров сперва домой отпускают, а уж через пару дней они закрывают различные формальности, типа получения денежного довольствия. Но в данном случае то ли нужно было что-то в штабе срочно доложить, то ли еще чего, но факт остается фактом – прямо в день возвращения офицер получил несколько тысяч рублей, что по советским меркам была громадная сумма.

* * *

Разобравшись со своими делами, офицер ринулся домой.

А там его ожидал сюрприз. Чужие, причем мужские, вещи: бритва и зубная щетка в ванной, тапочки в коридоре. Мужской халат на кресле.

Офицеру все сразу стало понятно. Пока он нес вахту под водой на благо Родины, его жена завела любовника. Ну а так как появление супруга было засекречено, то следы преступления замести не успела.

Подводник развернулся и вышел из квартиры. Ну и куда отправиться обиженному на весь мир мужику?

В Гремихе (основная база подводного флота на Кольском полуострове) «позажигать» было особо негде, а потому офицер договорился с каким-то водителем, который за сотню рублей согласился довезти его до Мурманска. Но прежде, чем отъехать, офицер заехал к коллеге и одолжил у него бутылку спирта. Которую почти всю и выдул, пока ехали до областного центра.

Водила высадил подводника у ресторана «Арктика» (считался самым «крутым» рестораном в советские времена). Еле стоявший на ногах подводник попытался пройти в ресторан. Само собой, его не пустили, он стал качать права, и сотрудники ресторана вызвали милицию. Те, оценив ситуацию, повезли офицера напрямик в медвытрезвитель. Он в Мурманске один, а потому проходимость там высокая. Часа через три, не совсем отрезвевшего, но слегка оклемавшегося офицера доставили в отдел милиции. Для составления протокола об административном правонарушении. Этот протокол должен был быть направлен начальству офицера и грозил ему серьезными неприятностями. А потому подводник попытался пресечь подобный исход. Он объяснил милиционеру причину загула, и тот его понял. Протокол отправился в корзину, офицеру вернули все его вещи (в советские времена у «клиентов» медвытрезвителя отбирали не только деньги, документы, шнурки, ремни и часы, но и раздевали до трусов, в результате чего в прохладных помещениях заведения, укрытые лишь простынкой, те трезвели довольно быстро) и отпустили.

Офицер вышел из отдела, пересчитал деньги, слегка удивился, что все на месте, и... направился к ближайшему винно-водочному магазину.

Похмелившись, подводник купил еще пару бутылок и отправился... обратно в милицию. Надо же отблагодарить чутких милиционеров!

Дойдя до самого крыльца, подводник поскользнулся и упал. А вот встать уже не смог, наверное, было слишком скользко: ноябрь все-таки. В таком виде, пытающегося подняться и объявляющего всему миру всю подноготную этого чертова крыльца, его и обнаружили сотрудники ППС, вышедшие из отдела. Понятно, что подводник тут же повторил свой недавний маршрут: медак, три часа сна и доставка в отдел для составления протокола.

Дежурный, узнав «старого клиента», удивился, но не очень. Настоятельно посоветовал ехать домой и отпустил.

Честно говоря, офицер уже и сам подумывал об этом, но мешало острое чувство ненависти к жене. Подводник просто боялся, что не выдержит и убьет изменщицу. С такими думами он и шел по улице, когда его окликнул знакомый голос. Оказалось, что это его одноклассник, с которым не виделись черт знает сколько времени. Друзья порадовались встрече и решили ее отметить. Так как друг жил рядом, к нему и отправились. Мужики душевно выпивали и делились друг с другом своими печальями, когда вернулась жена хозяина квартиры. Слово за слово – супруги заскандалили. Офицер попытался вмешаться в ссору, но лишь добавил свой крик к общему. Кончилось все тем, что соседи... вызвали милицию. Те приехали и – забрали обоих мужиков в медвытрезвитель.

* * *

Когда дежурный по отделу милиции уже в третий раз за свою смену (а смена еще не кончилась) столкнулся с уже знакомым ему офицером, он понял, что нужно принимать срочные меры.

Денег у подводника было как у дурака фантиков, и хватить ему могло еще надолго. А потому милиционер посадил мужиков в камеру, а сам позвонил в Гремиху, знакомому. Тот, на счастье, оказался на месте и, выслушав историю подводника, посмеялся и пообещал найти его жену.

Гремиха – городок не очень большой, а потому жену подводника удалось найти довольно быстро. Секретность секретностью, но узнать, какой экипаж недавно вернулся на базу, не очень сложно. Ну а дальше

дело техники. Примерно минут через сорок милиционер уже сообщал жене офицера, что ее мужа необходимо забрать под надежный присмотр.

* * *

Женщина появилась в мурманском отделе милиции примерно через полтора часа. В сопровождении мужчины, в котором офицер узнал... ее брата.

Оказалось, что тот приехал накануне в гости. А жена подводника никак не могла сообщить супругу о его приезде.

Обрадованный офицер долго благодарил чутких милиционеров. А потом отправился домой на той же машине, на которой приехала его жена с братом.

По приезде возлияния продолжились (надо же отметить и конец «автономки»!).

Но это уже было вполне культурное мероприятие, с хорошей закуской и под присмотром женщины.

Спринт с врачами

В городах Мурманской области, которые имеют выход к Баренцеву морю, День военно-морского флота (последнее воскресенье июля) отмечается чуть ли не с большим размахом, чем Новый год. Оно и понятно: живущие в таких городках имеют прямое отношение к Северному флоту. Само собой, в этот день на улицы города выводятся усиленные патрули милиции. И милиционеры, с жадностью прислушиваясь к звону посуды и песням из открытых окон, прохаживаются по улицам, остро завидуя тем, кто сейчас сидит за столом.

* * *

Вот так прохаживались двое патрульных по улочкам города Полярного, изредка откликаясь на приказы дежурного проследовать на адрес, где празднование перерастало в драку. И тут возле них с визгом тормозов останавливается «скорая». Открывается водительская дверь, и водила возбужденно спрашивает:

– Слышь, мужики, вы тут выпавшего с шестого этажа не видели? Не пробегал?

– Мужик, а ты сам с какого этажа выпал? – чуть замешкавшись от несуразности вопроса, в свою очередь спросил старший патруля.

– Да ну вас, – махнул рукой водила, и «скорая» поехала дальше.

Не успели милиционеры обсудить между собой странный случай (как выпавший с шестого этажа бегать может?!), как ожила рация:

– Третий, проследуйте к дому 26 на улице Красный Горн. Там мужик из окна выпал. Посмотрите.

– Так это же не наш маршрут, – совсем обалдев от новой информации, пробормотал старший.

– Да знаю, второй в кафе драку разнимает. Не задерживайтесь, «скорая» уже выехала.

Уже понимая, что водитель «скорой» имел в виду как раз того самого «летуна», милиционеры двинулись по указанному адресу, на

ходу рассуждая о странных перемещениях трупа. Пришли к выводу, что медики просто напутали что-то с адресом. Прибыв на место и обойдя дом, милиционеры трупа не обнаружили. Уточнив у дежурного, из какой квартиры поступил звонок, отправились туда.

– Ну и где труп? – спросили у пьяной компании милиционеры.

– Убежал, – заплетающимся языком сообщил один из офицеров-подводников, отмечавших День ВМФ.

– Куда? – удивился милиционер.

– Туда, – махнул рукой «разговорчивый».

Через некоторое время милиционерам удалось восстановить картину происшедшего. Оказалось, что несколько морских офицеров отмечали праздник в чисто мужской компании на квартире у сослуживца. Пили шило (технический спирт) и пытались смотреть телевизор. Но если первое у них получалось отменно, то со вторым дело обстояло плохо. Дело в том, что центральной антенны на доме не было, телевизор работал от комнатной. Для лучшего приема сигнала антенна была вынесена на балкон. Но что-то там во время праздника не заладилось с волнами: телевизор показывал плохо.

Наконец хозяину это надоело, и он полез на балкон и попытался настроить изображение. А его собутыльники сидели перед телевизором и руководили действиями настройщика. Было это так:

– Лучше... Хуже... Хреново! Хреново! Хре...

До «руководителей» наконец дошло, что им никто с балкона не отвечает, и они пошли проверить настройщика. И обнаружили его не на балконе, а под ним. Ну а если вспомнить, что квартира находилась на шестом этаже и на улице стоял конец июля (а значит, снега не было и в помине), то неудивительно, что оставшиеся наверху моментом протрезвели и вызвали «скорую». Ну а уже с пульта «скорой», как это положено в подобных случаях, сообщили в милицию.

Медики приехали быстро, вылезли из машины и подошли к телу, которое лежало на тротуаре рядом с газоном. Врач наклонился над «летуном» и попытался нащупать пульс. И вдруг «тело» вскочило на ноги, подхватило тапочек, который слетел с ноги во время полета, и во всю прыть побежало от медиков.

– Стой!! Куда?! – заорал врач и побежал за потерпевшим.

Вслед за ним, с медицинским чемоданчиком в руках, бросился санитар.

Но «летун» показал весьма неплохой результат в беге на короткие дистанции по пересеченной местности и легко оторвался от преследователей. Медики вернулись к машине и поехали на поиски пострадавшего, во время которых и встретили милиционеров.

* * *

Опросив свидетелей полета и выяснив приметы убежавшего «летуна», милиционеры присоединились к поискам. И вскоре обнаружили его... у ближайшего винно-водочного магазина.

«Летун» спокойно попивал пиво.

Оказалось, что, очнувшись, выпавший из окна подводник напрочь забыл все, что произошло с ним в последние несколько часов. Увидев склонившихся над ним врачей, он подумал, что допился до белой горячки и сейчас его повезут в больницу. Вот и решил сбежать.

Подъехавшие медики все-таки осмотрели потерпевшего и не обнаружили ни одного перелома. И так и не смогли объяснить, каким образом мужик, приземлившись на асфальт с высоты нескольких десятков метров, смог не только остаться в живых, но и не получить каких-либо серьезных травм.

Сергей Виноградов

Отчислили...

Курсант Дурницкий уже давно хотел отчислиться из своего военного училища, но его не отпускали. Чего только Дурницкий ни предпринимал, как ни изощрялся, какие рапорта ни подавал, его держали как на привязи.

– Необходимо сделать что-то ужасное, – посоветовал Дурницкому его друг Семенов, – убей ротного, например, или оскверни боевое знамя части.

Как осквернить, Семенов не уточнял.

Но Дурницкий, хотя и ненавидел ротного, в тюрьму не хотел. Он хотел «на гражданку», где стадами бродят непуганые телки и никто не придерется за неподшитый подворотничок.

* * *

...Приближался день принятия присяги. Второкурсник Дурницкий заступил в наряд по столовой. Именно там он собирался осуществить заветную мечту. Он знал, что всех гостей пригласят на праздничный обед. Мамы, папы, бабушки и прочая штатская нечисть, до краев наполнившая территорию, хлынет в курсантскую столовую. Испуганные и голодные первокурсники будут пожирать привезенную снедь, а гости умиляться.

Дурницкий переделся в самую рваную и грязную подменную форму. Голову замотал бинтом, кое-где подкрашенным красной краской. Измазав чем-то черным лицо и руки, он пришил к подменке курсантские погоны. Разломив надвое огурец, половину сунул в карман, другую бросил в лужу перед входом в столовую.

Когда начальник училища генерал-майор Пухов вел радостных гостей отобедать, откуда-то сбоку на полусогнутых выскочил Дурницкий. Увидев кусок огурца в луже, быстро схватил его и запихал в рот. (Надо ли говорить, что это был огурец из кармана.) С притворным ужасом, оглядываясь на падающих в обморок мам и бабушек, он бросился прочь, выкрикивая что-то нечленораздельное.

* * *

Через три дня полуоглохшего от матерной брани Дурницкого вытолкали за ворота КПП. На мотив песенки Челентано бывший курсант напевал: «За двойки и за разгильдяйство меня в народное хозяйство отчислили из ЛВВПУ».

Начальник училища бушевал еще долго. Вместе с ним, по команде, бушевали и его заместители, и командиры батальонов, и рот, и взводов соответственно. Волна террора, заполнив территорию вуза, с головой залила оставшихся там курсантов.

Селина же не отчисляли, как он ни просил.

– Сделай что-нибудь ужасное, – посоветовал ему друг Семенов...

Жертва воспитания

Старослужащий Пархоменко уже давно дожидался прихода в часть молодого пополнения. Нет, он не собирался тиранить молодых бойцов, как некоторые, он просто хотел предостеречь их от тех досадных ошибок, что допускал сам в пору солдатской юности. Ощупывая языком дыры на месте выбитых зубов и трогая рукой порванное ухо, он мечтал помочь ребятам сделать первые шаги в этой взрослой жизни и стать настоящими людьми.

И вот час пробил... В часть прибыли «духи». В тот же вечер старослужащий Пархоменко приступил к занятиям.

– До ДМБ вам совсем ничего – два года, – говорил он. – Проживите их достойно. А теперь – двадцать раз отжаться!

Молодое пополнение, прямо скажем, было не очень.

Многие, если не сказать большинство, приехали с южных рубежей нашей родины и по-русски не понимали или усердно делали вид, что не понимают.

Немногочисленные призывники из деревень Псковской, Вологодской и других областей великой России страдали тугодумием и врожденной медлительностью.

Нескладный очкарик Розенгауз – и как таких в армию берут! – произвольно вызывал у Пархоменко приступы ярости. Но Розенгауз дело особое. Уже через два дня он зачастил в канцелярию к ротному, а после того, как однажды дверь с грохотом распахнулась, и Розенгауз, роняя очки, вылетел оттуда, плотно обосновался в штабе части. Когда у этого призывника от неудачного падения на работах или отдыхе начинала идти носом кровь или заплывал синевой глаз, скрытый толстыми линзами очков, в расположении появлялся ротный командир. После вызова в штаб части он бывал сильно не в духе и требовал, чтоб от Розенгауза, как от зачумленного, все держались подальше, подкрепляя свои просьбы вежливыми ударами ножкой от табуретки.

Пришлось Пархоменко поставить крест на этом человеке. «Как был дерьмом, так и останется», – думал он, глядя на опаздывающего на построение бойца. Да и другие молодые, словно назло, не хотели становиться людьми.

Бег в противогазах, ночные тренировки отбоя и подъема, отжимания от пола и другие методы закалки почему-то не шли им на пользу.

Измотанный и злой старослужащий Пархоменко, приходя поздно ночью в каптерку к Тагиру Багирову, с тоской пил водку.

– Послушай, ну что за дебилы, – проникновенно говорил он каптерщику, – я к ним всей душой, а они ко мне жопой.

Тагир Багиров равнодушно покачивал головой, пытаясь извлечь из зурны подобие песни Аллы Пугачевой «Паромщик».

Допив водку, Пархоменко снова шел к своим пока еще спящим друзьям, с надеждой, что хоть сейчас они оправдают его ожидания. Но не тут-то было.

В недолгие часы ночного отдыха Пархоменко стали сниться кошмары. Видя во сне грязных, нестриженных «духов», передвигающихся вне строя, и Розенгауза, втихую пожирающего карамельки из домашней посылки, он кричал и просыпался в холодном поту...

Вскоре глаза старослужащего глубоко запали, лицо покрылось неестественной бледностью. Все чаще и чаще он впадал в какое-то странное оцепенение. Молодые бойцы, словно чувствуя, что с Пархоменко творится что-то неладное, как назло, не могли держать строй, криво подшивали подворотнички и плохо чистили сапоги. «На измор берут», – думал Пархоменко, сидя вечерами в каптерке, и снова шел в расположение.

* * *

...Когда старослужащий Пархоменко выписывался из госпиталя, зав психоневрологическим отделением присел к нему на кровать.

– Спокойней надо быть, сержант, – говорил он. – Вот валерьянки еще возьми, остальные лекарства принимай, как я написал. Будут мучить головные боли или там галлюцинации, сам знаешь, сразу к доктору. Ну да ничего, до ДМБ-то тебе совсем ничего – пару месяцев...

Пархоменко в ужасе обхватил голову руками и застонал.

Лейтенант Омлетов

Он прибыл к новому месту службы, когда короткое северное лето было уже на исходе. Что ждало выпускника военного института в этом забытом Богом уголке? Протяжно закаркала пролетающая мимо ворона, словно предупреждая лейтенанта об опасности, но он, хотя и покрылся испариной, продолжил свой путь.

Когда вертушка КПП осталась позади, стало еще тревожнее. Перед штабом виднелась добротная сработанная виселица, с которой снимали повешенного. Двое дагестанцев в солдатской форме приподняли труп за ноги, а третий, вскарабкавшись на стремянку, ловко освободил из петли шею покойного. При взгляде на их ловкие действия казалось, что эту операцию они проделывают уже не в первый раз...

– Что застыл, как истукан?

От неожиданности летеха вздрогнул. На него смотрел какой-то майор. Из рукавов грязного бушлата торчали огромные красные кулаки.

– Ты, летеха, не пугайся, – добродушно продолжил майор, – у нас хорошо, а это, – палец, похожий на разварившуюся сосиску, поднялся в направлении виселицы, – новый метод воспитания наш батя-командир придумал. Служит кто-нибудь плохо, пьет много, не работает, дерется, – при этом майор задумчиво посмотрел на свои могучие руки, – его раз-другой поймают, предупредят, а потом вперед: на виселицу или под топор, как решат, в общем. Ну да ладно, сам вскоре разберешься, а пока пойдем, провожу к командиру.

Тяжелая дверь, обитая черной кожей, бесшумно отворилась, и лейтенант, глубоко вздохнув, шагнул в неизвестность. Отрапортовав по-уставному, он вдруг понял, что полковник, сидящий в глубоком кресле, его не слышит. Остекленевшие глаза неподвижно смотрели в одну точку. На журнальном столике лежал открытый несессер с набором шприцов. Рядом с безвольно повисшей рукой человека валялся медицинский жгут.

Лейтенант сказал «мама» и с испугом попятился, но человек, казавшийся ему еще секунду назад мертвым, вдруг пошевелился.

Взгляд стал осмысленным и быстро с ног до головы ощупал пятившегося к двери офицера.

– Стоять, – тихо сказал полковник и пружинисто поднялся с кресла. Обойдя вокруг лейтенанта, он потрогал его мышцы, а затем, просунув пальцы в рот, осмотрел зубы.

– Хорошо. – Полковник сел за стол и нажал кнопку селекторной связи.

Тут же в дверях показался какой-то неопрятно одетый капитан.

– Займитесь, – бросил полковник и, пружинисто поднявшись, направился к своим шприцам. Весь его вид давал понять, что разговор окончен.

Капитан Удавов, полный, начинающий лысеть мужчина лет тридцати, отвел летеуху в общежитие.

– Будешь у нас новым палачом, – улыбнулся Удавов, – а то старого батя наш вчера повесил. Устраивайся, обедай, белье у кастелянши на первом этаже получишь.

Удавов одобряюще поглядел на лейтенанта и направился к выходу.

– А вечером – ко мне. Я в тридцатой живу, водку не забудь, – раздался голос капитана из-за дверей.

Лейтенант уже не мог чему-либо удивляться. Не раздеваясь, он упал на железную сеть пружинной койки и забылся тяжелым сном.

Комната капитана Удавова напоминала вертеп, а не жилье офицера. В углах были навалены запыленные пустые бутылки из-под пива и дешевого вина. На липком столе лежали заплесневелые хлебные корки, стояли немытые кружки и стаканы. Переполненная пепельница распространяла неприятный запах, несомненно играющий роль лейтмотива в разновонии, наполнявшем комнату. Впрочем, ясно читался здесь и дух нестираного носка, застарелого винного перегара, испорченной пищи. Сам хозяин апартаментов уже успел переодеться в поношенный спортивный костюм и пил пиво.

– Проходи, малыш, сейчас я тебя всему научу, – сказал капитан, выплескивая на пол остатки какой-то жидкости из взятого наугад со стола стакана. Зажурчало разливающееся пиво.

К ночи, когда закончилась и водка, лейтенант знал о порядках части все. Даже предстоящая должность палача начала казаться ему не лишенной своего рода романтики и привлекательности. Поэтому лейтенант иногда вскакивал с места, опрокидывая свою табуретку,

хрипами и шипением изображая звуки повешенного. Капитан Удавов громко смеялся. За этим их и застали пришедшие в гости к капитану женщины с узла связи. Звякнуло содержимое опущенного на пол пакета.

Шесть бутылок «Агдама» не могли не растрогать даже такого опытного бойца, как Удавов. Чувства лейтенанта можно было охарактеризовать только одним словом – безграничная любовь. Вскоре она приобрела конкретные очертания и направленность в сторону одной из связисток. Лейтенант несмело сунул руку под стол и погладил ее ножку в широких брюках, но нащупал там что-то жесткое и быстро отдернул свою конечность.

– Да не бойся ты, глупый, – захохотала беззубым ртом барышня, – это протез, а дальше там все есть. – Она поднялась со стула и повалила лейтенанта на кровать.

– Как твоя фамилия? – спросил кто-то в этот момент лейтенанта.

– Омлетов, – заплетающимся языком выговорил он и закрыл глаза.

Большой засор

Курсантский гальюн – что может быть романтичнее? Наверно, только солдатский. Писсуары, очки, корзинки для использованных бумажек...

Всё должно быть надраено, сверкать так, чтоб резало глаз.

Прием-сдача туалета суточным нарядом – целый ритуал. Лучше заставить сдающего дневального наводить идеальный порядок, чем заниматься этим самому. И так по кругу.

В один ясный, солнечный осенний день из «очков» наружу поперло дерьмо. Остановить обильный поток наряд по роте не смог, не смогла ответственная за порядок в туалете курсантская группа, а пришедшие алкоголики-сантехники тоже махнули рукой.

– Нечё в очки бумагу скидать: сами забили, сами вычищайте.

Четырёхэтажная казарма осталась без туалетов. На нашем втором этаже последствия были самыми удручающими.

В дверях поставили тумбу для чистки обуви. Щели загерметизировали тряпьем и полиэтиленом. И в гальюне заплескалось коричневое море...

Теперь по утрам наша 11 рота шла на зарядку только на стадион. Залетала за щит с рисунком дебильной рожи советского воина-спортсмена. Надпись «Быстрее, выше, сильнее» приобретала в тот момент несколько другой смысл. Выбегая обратно на дорожку, мы улыбались. Говорят, душа человека расположена под мочевым пузырем.

Но долго так продолжаться не могло. Приближались зимние холода. Сержант Л. сказал: «Ё***», – глядя на одетых в ОЗК счастливцев, возящихся в фекальных водах, и спустился на первый этаж.

В фановой трубе нижнего туалета был какой-то лючок, закрытый пробкой на болтах.

– Оооо, ё***!!! ***!!! ***!!! – Дикий вопль разорвал тишину.

Сержант Л. вскрыл лючок. Ничего не произошло. Труба была пуста и суха.

Поковырявшись в ней штык-ножом, сержант подцепил какую-то тряпку и осторожно потянул её к себе...

Мощный поток дерьма ударил ему прямо в незащитную душу...

Зато вскоре после расчистки авгиевых конюшен гальюна им снова можно было пользоваться.

Флотская быль

Хмурое утро. Ровно восемь ноль-ноль. Подъем флага на береговой базе. Черный строй шинелей, дыша застарелым перегаром, переминается с ноги на ногу. Еще чуть-чуть помаяться, и можно идти похмеляться, попутно занимаясь служебными вопросами.

Сзади строя из форточки на первом этаже высовывается чья-то рука с пистолетом. Вчера капитан-лейтенант Военгов купил себе газовый пистоль.

Громкий хлопок выстрела разрывает сонную тишину.

С близлежащих осенних деревьев взмывает стая кронштадтских ворон и начинает дико срать на форменную одежду офицеров и мичманов. Карканье пернатых и отборный мат флотских завихряются вместе с остатками палой листвы над потресканным асфальтом.

Подобно змее, тихо и быстро, рука Военгова вползает обратно. В утреннем полумраке бесшумно закрывается форточка.

Начинается очередной день на ратной службе.

Александр Беленький

Майор Шухер и прапорщица Соколинская

Уже на третий или четвертый день службы в армии кто-то из офицеров припахал меня делать контрольную по немецкому. Помню, как я протянул ему исписанные листы, и он, не поднимая на меня глаз, сказал: «Ммм». За последующие полтора года службы я услышал этот звук еще несколько десятков раз и даже нашел ему название – «офицерское спасибо». Офицер не может говорить солдату обычное спасибо, даже если тот работает не на родину, а на него лично, так как это будет прямым нарушением субординации, как я понимаю.

Кажется, этот болван получил пятерку, о чем не замедлил сообщить кому-то еще, и работой я был обеспечен до конца службы, так как часть у нас была специфическая, можно сказать элитная, и учились там многие.

Венцом моей учебной карьеры в армии была большая письменная работа по английскому для сынка командира части.

Наш полкан поразил меня тогда тем, что, когда я протянул ему плоды своего труда на благо не совсем родины, он сказал мне «спасибо» вместо обычного мычания, и я понял, что при очень большой разнице в чинах в армии допускается членораздельное выражение благодарности.

Ни до, ни после ничего подобного со мной там не случалось.

А-а, нет, был еще случай: я написал курсовик подруге одного старлея, и он рассыпался в благодарностях, но он был офицером только по званию, так как у него была какая-то очень ценная техническая специальность, и он в общем и целом выполнял те же функции, что и я, но на другом уровне. Еще у него была какая-то замечательная фамилия, из тех, что встретишь только в армии, что-то вроде Шкварка, но вообще он был классный парень, и я надеюсь, что он нашел себя в жизни, которая так стремительно начала меняться уже через несколько лет, и даже фамилия ему не помешала.

Скоро в штабе я стал проводить больше времени, чем в казарме, пока, наконец, мое положение не было узаконено. Меня назначили на липовую должность старшего киномеханика, а на самом деле отправили в политотдел писать всякие бумаги, а заодно

фотографировать, переводить и делать еще черт знает что. Служба была непыльная, и я с гордостью ощущал себя настоящей штабной крысой, тем более что никто меня так не называл. Часть у нас была хорошая, дедовщина была сведена до минимума, к тому же еще до службы я успел неплохо освоить мордобойную грамоту, что тоже не помешало. В общем, жил я по армейским стандартам просто превосходно.

* * *

Очень скоро у меня объявился один неожиданный начальничек. Еще когда я только начинал служить, один приятель из старослужащих показал мне на какого-то сухонького майора среднего роста и сказал: «Шурик, это главный человек во всем городке». – «А кто он такой?» – «Особист».

Я, как ни странно, не знал этого слова, так как в институте гэбэшная контора называлась у нас «первым отделом», но, разумеется, догадался, что в армии может быть особого. Фамилия у него была такая же безликая, как и его постная физиономия, и все в части по аналогии с майором Вихрем называли его «майор Шухер».

Он навестил меня, едва я освоился в штабе. Вошел в кабинет и прострелил навывлет своими акульими глазами. Одной из первых его фраз было: «Откушу хвост по самые уши».

Помню, я попытался представить себе этот процесс, но у меня получилось очень непристойно. Я представил себе огромные челюсти, которые сзади заглотнули меня всего, но не по уши, а по самые гениталии (видимо, я решил спасти не слуховые органы, а более важные части своего тела) и здесь почему-то откусили. На лице у меня, как я понимаю, появилось то нервное выражение, с которым мужики смотрят на корчащегося на поле футболиста, когда комментатор невозмутимо говорит, что он симулирует. Шухер почувствовал, что добился успеха.

Означенная процедура обещалась мне на тот случай, если я буду выполнять распоряжения офицеров работать с секретными документами. Я с ними, разумеется, иногда работал. Один из них

произвел на меня совершенно неизгладимое впечатление: в нем секретилось количество коммунистов в нашей части. Остальные были ненамного лучше. Я пообещал, что «ни за что» и «никогда», чем бы мне ни угрожали за это офицеры, дождался, когда он уйдет, закончил работу и пошел в казарму, все еще раздумывая о той процедуре, которую мне обещали в случае неповиновения. Впрочем, тогда мне было не до смеха.

Очень скоро я увидел, что его панически боятся абсолютно все.

Заходя в штаб, я по первому человеку, встретившемуся в коридоре, мог безошибочно сказать, здесь майор Шухер или нет. Впрочем, я также очень скоро узнал, что за спиной у этого любителя скалить зубы все делали что хотели. Любимым развлечением Шухера, как мне рассказал неплохой мужик капитан Ефремов, было подкараулить момент, когда кто-то из штабных офицеров выйдет из своего кабинета, залететь туда орлом и слямзить со стола какой-нибудь документ с грифом «секретно», а потом часами измываться над несчастным мужиком, который чувствовал, что его вот-вот разлучат с его гениталиями. После нескольких часов таких пыток Шухер обычно отдавал листок и уходил из штаба с чувством выполненного долга. Его жертву потом приводили в чувство всем штабом.

* * *

Примерно тогда же я познакомился и с еще одной колоритной личностью.

Как-то, когда я корпел над очередным заданием или какой-нибудь нужной политотдельской бумагой, в комнату, где я трудился, неожиданно вошла ЖЕНЩИНА. О, как она была прекрасна! Она обратилась ко мне на «вы», отчего я мгновенно ощутил себя Печориним, а ее княжной Мэри, и попросила какую-то книгу, из тех, что валялись у меня на столе. Весь дрожа от трехмесячного воздержания, я протянул ее ей и продолжил что-то писать. Я не помню, что это было, но я помню очертания букв. Было такое ощущение, что у написавшего их болезнь Паркинсона.

До армии у меня было совсем немного женщин, но все были на редкость красивы. Когда я немного очухался, мне захотелось быть белугой от того, что эта тридцатипятилетняя крашеная блондинка с достаточно заурядной внешностью довела меня до такого состояния.

В ту же ночь мне приснился один из самых красивых эротических снов в моей жизни. Я был римским императором и в тоге возлежал на низкой кушетке в огромном зале с коринфскими колоннами, а вокруг меня под музыку извивались три танцовщицы, в красном, желтом и серебристо-голубом платьях – очень коротких и к тому же постоянно раскрывавшихся в такт их движениям. Под ними, разумеется, ничего не было. Я царственно и спокойно ждал, пока мои рабыни закончат эту томительно-сладостную прелюдию и, скинув ставшие ненужными одеяния, придут ко мне. Ну а я уж вознагражу их всех! ВСЕХ!! ВСЕХ!!!

О пробуждении лучше не вспоминать. Проснулся я от слоновьего храпа Кости Мешкова, здорового малого, чемпиона части по гилям, который не умещался на своей кровати, отчего постоянно пытался залезть на мою. Вот и сейчас он нарушил мою границу и храпанул мне прямо в ухо. Я с ненавистью его разбудил и потребовал восстановить статус-кво. Костя, проснувшийся только наполовину, смущенно вернулся восвояси, а мне стоило большого труда не зареветь, как марал.

Все было и так плохо, а у нас к тому же накануне на ужин был бигос. Вообще-то это вкусная штука, капуста с мясом, но в нашем бигосе мяса отродясь не было, а капуста... Ну, скажем так, бывает и посвежее, так что атмосфера в спалке стояла соответствующая. В общем, лежал я на спине, смотрел на решетку верхнего яруса нар, вдыхал отработанный бигос, и одинокая горячая слеза выкатилась из моего левого глаза.

* * *

Особу, так поразившую мое воображение, звали прапорщица Соколинская. Ее настоящая фамилия была не менее звучной и очень похожа на ту, что я ей присвоил. Работала она в строевой части, была

разведена и довольно истерична. В зависимости от настроения она могла весьма убедительно изображать светскую даму, как это случилось со мной, а могла ни с того ни с сего наорать на любого из заместителей командира части. Почему-то ей это сходило с рук. Более того, офицеры ее боялись, не любили и за глаза называли «мочалкой».

Очень скоро я узнал и одну из причин как страха, так и нелюбви к ней. К моменту моего появления в штабе она проработала там уже где-то год-полтора и, следовательно, прошла две или три проверки. Если кто не знает, проверка – это обязательная вздрючка для всех военнослужащих, через которую они проходят каждые полгода. Ничто так не сокращает жизнь и не уменьшает потенцию офицера, как проверка. Мне даже кажется, что, в конечном счете, она сказывается и на умственных способностях нашего комсостава. Так вот, в первую проверку Соколинскую повезли на стрельбище, так как прапорщикам, независимо от пола, тоже положено сдавать проверку и в том числе стрелять.

То, что там произошло, я знаю со слов старшего лейтенанта Стешенко.

Соколинская была в приподнятом настроении от обилия молодых коней-офицеров, которые ехали с ней в одном автобусе, очень нервничала и требовала снова и снова объяснить ей, как стрелять из пистолета. Сначала ей объясняли всерьез, но, наконец, с чисто офицерской проницательностью разглядев минут через сорок за ее бестолковыми вопросами тяжеловесное кокетство, стали слегка раздражаться, хотя и не очень. Все-таки она была женщиной, довольно красивой, и к тому же ее бюст был единственным достойным зрелищем в этом автобусе.

На стрельбище она долго делала вид, что ей очень страшно взять в руки оружие, пистолетик же стреляет, а она женщина нервная, боится да и вообще не знает, на что надо нажимать и куда смотреть. Стешенке и Шкварке, как самым интеллигентным, доверили инструктаж. Общими усилиями они впихнули «макарова» ей в руку и поставили к барьеру, и тут с Соколинской произошла странная метаморфоза. Умный Стешенко (независимо от Харпер Ли, автора «Убить пересмешника») употребил почти то же выражение для описания симбиоза Соколинской с пистолетом, что и сын гениального стрелка Аттикуса, когда описывал тот момент, когда его отец взял

ружье, чтобы пристрелить бешеную собаку: «Пистолет был как бы продолжением ее руки, она словно составляла с ним единое целое».

Первый выстрел был в восьмерку. Слегка опешив от такого поворота, Стешенко и Шкварка неожиданно истончавшими голосами объяснили ей какие-то нюансы стрельбы из «макарова». (Сам я из него никогда не стрелял, так что у меня не отпечаталось в памяти, что они ей говорили.) Второй выстрел был в девятку. Стешенко помрачнел, так как он только что тремя выстрелами выбил столько очков, сколько Соколинская двумя. Как и положено по законам жанра, третий выстрел был в яблочко. К тому моменту Шкварка уже позвал остальных, и они все молча смотрели на прапорщицу.

«Еще хочу», – неожиданно сказала она.

Ей спешно зарядили пистолет, на этот раз полной обоймой.

Не помню точно, сколько очков она выбила восемью выстрелами, но что-то совершенно невероятное. В общем, майору Пыжову, лучшему стрелку части, господа офицеры поручили постоять за мужскую честь. На следующей серии Соколинская психанула и залепила в пятерку или шестерку, благодаря чему означенная честь была спасена. С тех пор так у них и повелось на проверках. Пыжов всегда выигрывал, но только за счет того, что у Соколинской сдавали нервы.

На этой почве между ними возникла очень сильная неприязнь.

К Майору Шухеру Соколинская относилась так же, как и все остальные. Я пару раз видел их вместе. Картина была хоть куда. Прапорщица смотрела на него с томностью, достойной индийского кино, поводила бюстом, поворачивалась спиной, отклячив задницу до предела, нагибалась за какой-то бумагой, оставив Шухера наедине со своей лучшей частью, а особист смотрел на это представление немигающими рыбьими глазами и все искал ими что-то запретное у нее на столе.

* * *

Между тем приближалась очередная проверка.

У нас в части в то время бушевал лесоповал. Полкан наш был очень хорошим мужиком, но абсолютным самодуром, склонным, в стиле русского помещика, к внезапным преобразованиям. В ту весну он почему-то решил снести двухсот– или трехсотлетние дубы, которые были подлинным украшением нашего военного городка.

Работу поручили дембелям, которые, взяв пилы и топоры, принялись за уничтожение флоры. Опыта у них не было никакого. Пилы все время пережимало. В общем, первый снесенный ими дуб стал падать совсем не туда, куда от него ожидалось, и едва не разрушил здание четвертой роты. К счастью, его задело только одной могучей ветвью, но небольшой ремонт все же пришлось делать. Помню, Полкан стоял над поверженным деревом посреди битых стекол и колотых кирпичей и матерился на чем свет стоит. Но урок даром не прошел, и вскоре почти все дубы были снесены. А затем приехала комиссия и дивилась на огромные пни, торчавшие кругом.

Когда была назначена дата офицерских стрельб, я заметил в их среде некоторую нервозность. Насколько я понял, никто не хотел стрелять до и после Соколинской, а также слева и справа от нее.

Может, и не совсем так, но точно, что все жаждали оставить ее одну в пространстве и времени.

В конце концов, майора Пыжова поставили справа от нее, а не слишком озабоченного ее славой Шкварку – слева. Капитану Ефремову велели стрелять перед ней, а Стешенке – после. На том и порешили.

Правда, Ефремов был очень недоволен. По-моему, его место досталось ему по жребию, Пыжов сам принял огонь на себя, а молодые Шкварка и Стешенко были назначены по законам офицерской дедовщины. Так или иначе, но все было решено.

Тем временем, прямо во время проверки, Шухера перевели из нашего военного городка. Ему нужно было получить какие-то документы в строевой части. Я не знаю, о чем шла речь. По-моему, о чем-то необязательном, о чем-то таком, что можно было потом переслать, но Шухер ждать не собирался.

Соколинская уже уехала со всеми офицерами на стрельбище и увезла ключ от сейфа, и Стешенко, который остался закончить какие-то дела и которого уже ждал «газик», ничем не мог ему помочь.

«Так, Стешенко, вызови сюда Соколинскую, ты же сейчас едешь на стрельбище, – сказал Шухер. – Пусть приедет немедленно. Потом постреляет». Стешенко был этим, конечно, доволен, так как ему не улыбалось стрелять после нее.

Он вскочил в «газик» и поехал.

Я в это время сидел в штабе и корпел над какой-то очередной политотдельской бумагой. Часа через два приехал Ефремов, который что-то оставил у себя в кабинете.

– Э-эсэсовка! А-авчарка! – бормотал капитан, уже успевший принять на грудь где-то по пути, пьяный он всегда заикался. – С-стоит, патлы свои к-крашенные распустила, рука не дрожит, сажает пуля на пулю. Представляешь, Пы-пы-жова сегодня п-перестреляла. К ней Стешенко под-п-под-скочил, сказал, что Майор Шухер ее вызывает. Она не реагирует никак. Пошли стрелять. Пыжов встал справа от нее. Стешенко еще раз под-п-подскочил к ней и говорит: «Оксана Николавна, там „г-газик“ ждет, может, съездите, а потом вер-вернетесь». А та вдруг говорит: «Не поеду я никуда, мальчик». Тот, мол, как так, а она: «А вот так!» Взяла пушку и п-почти не ц-целясь...

Капитан Ефремов икнул от воспоминания, потом встал, изображая стреляющую Соколинскую, его сильно качало, и он долго пытался зафиксировать какую-то позу, пока, наконец, не встал, выгнувшись животом вперед, как скобка. Если бы он выстрелил из такого положения даже из «макарова», боюсь, что упал бы от отдачи.

– Вот стоит эта э-эсэсовка вот так вот и говорит: «А пошел он...» – БАХ! – стреляет, понимаешь. Так вот: «А пошел...» БАХ! «...он...» БАХ!! «...на х***!» БАХ!!! Пыжов как это услышал, так в тройку и залепил. Никогда с ним такого не было. А она – пуля на пулю, все в десятку. Пу-пуля на пулю-ю-ю! Проверяющий, этот полковник, обалдел. Попросил ее еще пострелять. Так она, э-эсэсовка, две обоймы в яблочко высадила. Пы-пыжов там стоял б-бледный совсем. Ф-фсе тоже пострелять х-хотел. Только е-его ни-никто не-не просил.

Ефремова развозило все больше и больше.

* * *

Вскоре в моей писарской карьере произошел крутой поворот.

Полкану нашему звездануло убрать из части всех людей, которые сидели на липовых должностях, и меня отправили на последние полгода в командировку в роту обслуживания при одном управлении. Назад я вернулся только за пять дней до дембеля. В штаб меня больше не вызывали.

Как-то, слоняясь по городку и считая, сколько часов мне осталось служить, я наткнулся на Соколинскую. Она очень изменилась в хорошую сторону. Это была спокойная красивая женщина без малейших признаков истеричности.

Как мне сказали, на тех самых стрельбах она рикошетом поразила в сердце штабс-капитана Габайдулина, довольно умного и несколько странного малого, все лицо которого состояло, по-моему, из усов. Штабс-капитаном его прозвали за то, что он очень любил дореволюционные звания и всех лейтенантов называл подпоручиками, старлеев – поручиками, а равных себе, соответственно, штабс-капитанами.

Он, кстати, был одним из немногих, кому я ни разу не делал никаких заданий. Только один раз он спросил меня, что означает выражение *Wie Gott in Frankreich*. После того как я ему сказал, он стал донимать меня тем, что приходил ко мне в самый неподходящий момент и требовал, чтобы я сказал ему значение той или иной немецкой идиомы, которую он только что вычитал из словаря, и очень радовался, когда я не знал. Впрочем, он действительно сносно знал немецкий.

Так вот, этот штабс-капитан Габайдулин с его замечательными усами и стал тем самым призом, который прапорщица Соколинская получила за меткую стрельбу. Кстати, новый особист очень ее уважал, а она была единственной, кто перед ним не дрейфил.

Куда делся Майор Шухер, я не знаю. Видимо, этот тыловой Штирлиц где-то продолжает понарошку воровать документы.

Искренне надеюсь, что с Соколинской все в порядке, так как я обязан ей тем, что перестал бояться гэбэшников на несколько лет раньше основной части населения страны, еще только готовившейся к перестройке, и не боюсь по сей день.

Все еще не боюсь.

Андрей Мигачев

Подстава

К ебле я не имел никакого отношения до двадцати лет. Голых баб не видел. Во время экскурсии по пушкинским местам, в которую повезла меня, школьника, бабушка, незнакомая девушка коснулась меня грудью. Все, пиздец. Мне хватило на несколько лет...

Начштаба батальона выкинул нас, чуть просчитавшись.

Километров на восемьдесят.

Леса дремучие. Район то ли Каргополя, то ли не помню уже чего. Где-то наверху карты. Варианта два. Либо, как последние лохи, переться по лесу и по болотам, безо всякой надежды прийти по времени, либо идти вроде назад от цели, но в сторону тракта. Пошли назад.

На тракте сразу поймали 66-й «ГАЗ» с пехотинцем за рулем. Ему – кряк небольшой, скажет, что сломался, – и бутылка водки, а нам – уважение и взаимовыручка родов войск. Поехали.

Проехали деревуху в пять домов. Девушка в телогрейке и сапогах кирзовых – все почти как у нас, только без оружия – махнула рукой.

Глаза серые, блестящие. Ей в ту же сторону. Километров тридцать. В кабине нас трое – она посередине, я и водила. Бойцы в кузове.

Дорог у нас ведь практически нет. Ехали мы, ехали, прижимался я к ней на ухабах, когда качало. Водила был модный молодец – у него стоял магнитофон, и музыка была правильная. Серьезная, по тем временам. Цой, «Мы ждем перемен». Тогда все приличные люди это слушали и все ждали.

– Нравится вам? – спрашивает водитель, желая завести разговор.

Девушка молчала, как в рот воды. Сидит, смотрит на дорогу. И молчит.

– Может, вам «Комбинацию» поставить? – с какой-то скрытой неприязнью уточняет у нее наш продвинутый водила.

А она даже голову не поворачивает в его сторону. Смотрит прямо перед собой. Разговор не клеится.

Едем. Так вот – дороги... Лес. Мох, как ковер зеленый. Хвойный лес. Красивый. Мостик через речушку-ручей то ли смыло, то ли сгнил,

но водила ехать через него отказался. И правильно отказался. Надо было рубить окрестные елки и накидывать бревна.

Солнышко. День как нарисованный. Молчунья тут выходит, смотрит на моих спешившихся бойцов, поворачивается ко мне и спрашивает:

– Ну что? Ебать-то вы меня будете?

Это были ее первые слова за всю дорогу. Других или не было, или я не помню.

Такая вот у меня смертельная сексуальная травма. Пришел тот самый северный пушной зверек. Пришел и сидит.

Я ж ехал – думал: «Вот, красота северная, волосы русые. Училка, наверное. Коров небось доить умеет и белку бить».

Сложно объяснить гражданским, но я попробую.

Я ведь первое, что подумал, – подстава – подумал я. Какая, не знаю, но испугался. Может, думаю, с зэками беглыми договорилась, и сейчас они налетят – будут нас рвать, и резать, и стрелять из берданок, чтоб завладеть, значит, оружием...

И тут она телогрейку снимает, а она – она вся в татуировках. Это сейчас, понимаешь, тату модно. А тогда я их на бабах и представить не мог. Я ж лох с Москвы. В музыкальную школу ходил два года со скрипочкой и с бабушкой. И в школу искусств рисовать на недолго отдавали. Я ж жизни не знаю. Я ж старший сержант, и все. И даже нецелованный. У нас, бля, даже в танцевальном кружке брейка таких не было! А ведь самые продвинутые девки туда ходили. А эта? Она ж зэчка!

Я на нее как заново посмотрел. Вся в татуировках. А глаза серые. И блестят. И губы – яркие. Не накрашенные, а просто яркие, словно ягод поела. И она их, пересохшие, облизывает.

Осень. Солнце. Синее небо. Не жарко – не холодно. Хорошо.

Я ушел в лес. Забрал автоматы у своих. И сидел в стороне, заслав патрон в патронник. Потому что думал: а черт его знает, может, и подстава.

Стопудово, подстава.

Перемены вокруг. Перемены в пульсации вен, новые времена и новые борзые зэки, которые бегут через всю страну в отваливающиеся республики.

А может, думаю, вообще вражеская диверсия. Американская. А баба эта – из Лэнгли. И пока мои бойцы ее ебут – никто ж, бля, не отказался, никто, прикинь! – так вот, пока они ее ебут, крадутся ко мне, стойкому оловянному, «зеленые беретты».

Бойцы мои, те, кто не на ней, рубили елки: это было слышно по стуку топора. Я вот от елок отхалявил.

Потому что был на посту.

Как дальше доехали и как дошли, не помню. Уже, честно говоря, забыл. Помню, что на моем докладе командующему начштаба лицо прятал, боясь, что я его застучу.

А мне не до него было. У меня и сейчас стоит перед глазами. Как она смотрит – прямо на меня, прямо мне в зрачки. Прямо, блядь, в глазное дно, и прямо, сука, в мозг, по глазному нерву, и остается там навсегда:

– Ну что? Ебать-то вы меня будете?

* * *

Четверо заболели триппером, но это уже неважно. Звучала даже версия, что это не эта прекрасная девушка их заразила, а сволочь водила-пехота болел. Поскольку он вторым был и наверняка, сука, в нее кончил, хотя договаривались же!

О чем-то они там еще как-то и договаривались...

Емеля

Емеле, несмотря на двойную порцию, которая ему полагалась по его габаритам, не хватало еды.

Чувство голода его унижало.

Гадость, которой их кормили, он съедал полностью уже на третий день в учебке. И все-таки он чувствовал, как из медлительного, уверенного в себе мастера спорта по тяжелой атлетике он превращается в психованного типа, готового по любому пустяку сорваться.

Хотелось есть сразу после завтрака или обеда. А уж после ужина, от одной мысли, что сегодня перекусить уже никак невозможно, становилось просто физически нехорошо.

Он по несколько раз перечитывал вывешенные в столовой нормы кормления солдата и всякий раз возмущался. Его не устраивала ни одна строчка. А более всего так называемые нормы замены. В голове не укладывалось, как это можно заменить сто пятьдесят граммов говядины двумястами граммами минтая.

В первом письме своей сестре, чью фотографию он выдавал за фотографию своей девушки, он на полутора страницах написал, что именно ей надо съесть дома – за него.

Провожая его в армию, сестра радовалась тому, что теперь она будет жить одна в комнате. «Какая ты дура! – писал он ей. – Ты не тому радовалась, надо было радоваться тому, что отличный белый холодильник, стоящий на кухне, теперь полностью в твоём бессовестном управлении и распоряжении».

Попади он сейчас на кухню, он бы ему, холодильнику, показал кузькину мать. Ему холодит бы нечего стало.

Еще больше, чем о еде, Емеля скучал по сестре. Не по родителям – которых он, выросший с бабушкой, привык не видеть по полгода. А именно по сестре. Родившейся на десять минут позже него.

Они всю жизнь были вместе, никогда не расставаясь больше чем на месяц – когда его отправляли в спортивный лагерь. И теперь он чувствовал пустоту, которую нечем было заполнить. Он привык ругаться с ней по всякому, даже самому незначительному поводу. Они

с удовольствием орали друг на друга, и каждый чувствовал день прожитым зря, если хоть раз не поссорился всласть.

И теперь, если бы кто-то прочел их письма, он бы ужаснулся тому количеству гадостей, которые они писали друг другу.

Например, он живо интересовался, как поживают ее прыщи на лбу, и советовал их больше и тщательней давить, стоя по часу перед зеркалом.

Она, в свою очередь, писала, чтобы он берег свое здоровье и занимался онанизмом не реже чем два раза в неделю. А когда он соврал, что каждый выходной ходит в увольнения и встречается с девушками, она прислала ему в бандероли пачку импортных презервативов и календарик с голой теткой, назвав это «набором для романтиков».

Собственно, из-за этих самых презервативов Емеля и прославился на всю часть.

* * *

Как во всякой части с жестким уставом, курсантам – а назывались они почему-то курсанты – разрешалось держать в тумбочке строго определенный набор предметов. Каждый предмет должен был, к тому же, лежать в строго установленном порядке. Мыльно-пузырьные принадлежности лежали в ящичке наверху, подшиву, пару книг и письма из дома (без конвертов) разрешалось класть вниз.

Тумбочки регулярно проверялись.

Емеля не знал, как поступать с присланными презервативами, и попытался спрятать их в единственную имеющуюся у него книгу. Как часто бывает в таких случаях, уже на следующий день за проверку тумбочек взялся ротный. Он-то и нашел лежащее в книге.

Роту построили на центральном проходе казармы и довели до сведения, что держит курсант Омельченко в уставе внутренней службы, который был выдан ему за какое-то нарушение дисциплины для подробного изучения и заучивания наизусть нескольких особо необходимых, по мнению офицеров, страниц.

Ротный, любивший подробно и показательно обсудить всякого курсанта, как заправский артист разговорного жанра, спрашивал:

– Курсант Омельченко, процитируйте, пожалуйста, какие именно предметы и принадлежности могут лежать в тумбочке?

Курсант Омельченко цитировал.

– К какому разряду из перечисленных вы относите найденные у вас презервативы?

Курсант Омельченко, потупившись, молчал.

Ротный поднимал вверх блестящую ленту, рассматривал ее со всех сторон и спрашивал дальше:

– К письменным принадлежностям?

Курсант Омельченко молчал.

– К зубным щеткам?

Рота хохотала, Омельченко молчал.

– Может быть, к литературе, взятой в библиотеке... Скажите, сержант, – он оборачивался к дежурному по роте, – у нас в библиотеке выдают презервативы?

В таком духе продолжалось еще минут двадцать, после чего виновному объявили три наряда вне очереди за неуважение к уставу, а презервативы велено было считать конфискованными.

* * *

На этом история не закончилась.

Через пару дней, уже на плацу, построили весь батальон. На середину вызвали пять солдат из роты операторов космической связи и опять же Омельченко.

Командир батальона, подполковник с зычным голосом церковного баса, прошелся перед вызванными взад-вперед, потом обернулся к батальону и рассказал о произошедшем в части ЧП.

Пятеро солдат из роты операторов космической связи, воспользовавшись происходящими учениями и связанным с этим выездом за пределы части, умудрились подхватить некую болезнь, по-научному обзываемую гонореей, а по-военному (он так и сказал, «по-военному») – триппером.

– Пятеро! – Подполковник поднял вверх палец. – Пятеро, и одним и тем же триппером!

Из чего у него, подполковника Белобородова, родился вопрос: одну и ту же женщину brave солдаты любили впятером или разных? И далее его, полковника Белобородова, интересует, как именно это происходило: одновременно или же все-таки, как и положено, по очереди?

Вызванные молчали, батальон смеялся так, что с деревьев, окружающих плац, сыпался снег.

Далее подполковник развивал логическую цепочку, по его словам, всю состоявшую из парадоксов.

– Дело в том, – говорил он, – что названные пятеро курсантов, представляющие один экипаж, выполнили поставленную перед ними на учения боевую задачу на «отлично». Экипаж по результатам учений был назван лучшим в полку. Поставленная задача требует от экипажа слаженной и напряженной работы, во время выполнения которой не может оставаться времени ни на что другое.

В связи с вышесказанным комбата интересовало, где они нашли время и за сколько они бы управились с боевой задачей, если бы еще и на женщин не отвлекались? Поскольку он таки надеется, что женщин было несколько, а не одна и, по всей видимости, у них, женщин, больных триппером, в районе деревни Куличи, гнездо...

– А ведь их же, женщин, еще и надо уговаривать, и на это тоже сколько-то минут должно уйти... – Он задумался и продолжил: – Ну, минут хотя бы пять-шесть.

Потом он объявил заболевшим (по окончании цикла лечения из двадцати уколов в жопу) по пять нарядов вне очереди и остановился перед Омельченко.

– А вот радисты, – повернулся он к батальону, – заботятся о своем здоровье.

На этих словах он на глазах у батальона вынул из кармана уже известную упаковку, рассказал о ее происхождении и торжественно вернул владельцу, объявив тому за правильное отношение к своему здоровью два увольнения в город.

У Емели, получившего назад злополучные презервативы, от всего происходящего что-то, видимо, переключило в голове. Потому что он

машинально пересчитал полученные презервативы и абсолютно по-идиотски спросил:

– А... остальные? – В пачке не хватало нескольких штук.

– Чего? – переспросил комбат.

Омельченко молчал. От ужаса у него расширились глаза.

Подполковник нахмурил лоб, потер перчаткой кончик замерзающего носа и переспросил:

– Что вы сказали, курсант?

Омельченко, моментально осевшим голосом, вынужден был повторить:

– А остальные?..

– Курсант, говорите громче, что у вас голос как у девушки! – рявкнул подполковник, опять не понявший вопроса.

– Не хватает... товарищ подполковник... было... больше... – Омельченко был готов хлопнуться в обморок, только представив себе последствия.

Батальон затих.

Комбат постоял несколько секунд, потом посмотрел на растерянного командира роты радистов – и сложился пополам от смеха. Он смеялся так, что из глаз выступили слезы...

Когда все затихло, и хохотом батальона сорванные с веток вороны, недовольно каркая, стали слетаться обратно, подполковник отправил курсанта обратно в строй с обещанием обязательно поинтересоваться у командира роты судьбой остальных презервативов.

Ротаподъем!

– Рота, подъем! Первый взвод, подъем!! Второй взвод, подъем!! Третий взвод, подъем!! Четвертый взвод, подъем!!! – Все это выпаливается в полсекунды.

Сержанты, похожие на цепных собак, орут, соревнуясь, кто громче и жестче выкрикнет.

Первые утренние секунды Ярик помнил смутно.

Он почему-то помнил свои ноги, одетые в белые подштанники, помнил ступни, опускающиеся на стриженую голову Емели, спящего внизу, потом воспоминания его становились обрывистыми, как выхваченные из фильма фрагменты.

Вот он, застегивает пуговицу на штанах, – пальцы судорожно пытаются ускориться еще, но только больше путаются.

Вот он выбегает на центральный проход, наступая сапогами на чьи-то каблуки и утыкаясь руками в чью-то спину.

В проходе между койками тесно.

Вот удивленное и обиженное лицо Сапожникова. У него всегда такое лицо утром.

Всё.

Построились.

– Тааак рота... Не хотим просыпаться, да?! – Сержант по кличке Зверек кусает губы от злости. Он говорит тихо, но внятно. Глаза колючие. Невозможно поверить, что это нормальный человек. Что-то будет дальше.

– Рота (пауза), отбой! – лает сержант.

Бам...

Топот из тишины, опять чья-то спина. А за окном снег. Темно еще и, наверное, – холодно. Пахнет мастикой. Опять пальцы... сапоги. Носком на железный край кровати и к себе, наверх. Все.

– РОТАПОДЪЕМ!

Хлоп – затылок Емели, практически на его спине выезжаешь в проход, брюки, пуговица, портянки, сапоги, бегом, вылетаешь в проход, становишься, толкотня – все занимают свои места. Встали. Только встали:

– РОТАОТБОЙ!

Стук: кто-то сшиб коленкой стул и свалился, через него. Опять ступни, которые закрывает синее одеяло. Быстро. Быстрее многих.

– Ротаподъем!

– Ротаотбой!

– Ротаподъем!

Проскакивает мысль: «АТФ». Что такое АТФ?

Опять затылок Емели. Здоровая какая все ж таки у него шея. Мышцы прям от ушей. Перед глазами опять спины.

Центральный проход.

– Ротаотбой!

АТФ. Что же такое АТФ?

Всё снимаешь машинально. К себе на второй этаж ласточкой. Одним движением и замер. А вдруг чудо и еще пару часов поспать? Уютно так. Кровать твоя. Одеяло твое.

– Ротаподъем!

Беготня...

– Так, рота... – Зверек говорит тихо, как никогда. – Не хотим, значит, работать над собой? Забиваем на сержантов? Сержант стой тут, как дурак, командуй. Ничего, что он раньше вас встает... и есть хочет. Это нам плевать. Мы тут артачимся. Хорошоооо...

– Ротаотбой!

Подлетая к своему стулу, на который надо положить одежду, успеваешь подумать, что просто так это не кончится...

– Рота! Строиться на центральной части с тумбочками!

Резко – ноги вниз. Верхняя тумбочка твоя – хватать...

зубы щелкают. Спиной, в проход. Направо, на центральный проход... Мешаются где-то внизу стулья... Стоишь. Все.

– Рота, отбой!

Между тумбочками, к себе, в проходе между кроватями свободней, но радоваться нельзя... Синее одеяло на ноги. Замер.

– Рота! Строиться на центральном проходе с постельными принадлежностями! Время пошло!

В голове спокойно-спокойно.

Ну и что? Все равно больше чем до завтрака гонять не будет. Пусть бесится. Лица у ребят тоже такие – никто не переживает. Всем понятно. Запланированная дрессировка.

- Рота, тумбочки на место!
- Постельные принадлежности на место.
- Рота! Отбой!
- Рота! Подъем!
- Рота! Отбой!

Замерло. Тихо. Сержант скрипит досками пола, идет вдоль казармы.

– Так, рота. Я вижу, мы плохо понимаем. Веселье у нас какое-то. Ладно.

– Рота, подъем! Через сорок секунд перед казармой на зарядку. Время пошло!

А ведь четвертый этаж... Топот. Все в дверь. Вниз, по лестнице. Через ступеньки. Вон – другие роты уже с зарядки. И по той же лестнице. Кирзой пахнет. Лица у тех, кто навстречу, с мороза. Холодно, видать. И тоже – бегом. И всё молча. Только топот. Топот. Дверь – черным проемом на улицу, мороз под одежду. Замерли.

– Рота! Это что?! Бунт?! Непослушание?! Я сказал, через сорок секунд, а не через сорок две! Ну все, рота, вы меня довели! Рота, через пятьдесят секунд вижу вас всех в постели. Рота – отбой!

Нам-то что? Нам все равно.

Все равно когда-нибудь он хотя бы говорить устанет.

Есть, правда, еще другие сержанты – вон они стоят кучей. Говорят о чем-то. Да плевать. Не век же так прыгать.

– Рота, подъем! Строиться на центральной части!

– Так, рота, совет для идиотов. Не надо второму взводу лезть быстрее первого в дверь из казармы. Уж если вы такие тупые, что надо объяснять. Через тридцать пять секунд вижу вас внизу, по стойке смирно, и чтоб никто не шелохнулся! Время пошло!

Повернуться, побежать, ступеньки, этажи мимо, на втором кто-то с зубной щеткой стоит...

Дверь темным провалом – хлоп.

Где мороз? Вот он. Лезет, стоит только замереть.

– Рота, бегом, марш!

Побежали? Неужели? Да. Всё когда-нибудь кончается... Воистину. Лицо рыжего рядом:

– Рыжий, рыжий, сколько время? Шесть тридцать всего? Я уж думал, часов восемь...

Мысль в голове: «Кто бы мог подумать: всего шесть тридцать, а уже сколько успел сделать».

Смешно.

А на улице снег. Не снежинками, а маленькими кристаллами. Как искры в воздухе. И мороз. Градусов двадцать. Ноздри на вздохе как склеивает.

Ужас по спине.

Вспомнил!

АТФ – это аденозинтрифосфорная кислота. О боже! Но что это?

Шкурный опыт

Осенью 91-го года, в октябре месяце, подошло время моей демобилизации. Ну, думаю, надо тулуп офицерский купить – белый такой, теплый, овчинный... Подошел как человек, не к прапорщику-завскладом, а прямо к зампотылу. Полковник у нас был, как же его... то ли Желудев, то ли Желонкин... не помню. Вроде неплохой мужик, ко мне хорошо относился... Не разрешил!

Правильно, не нужен я ему резко стал – весь его отдел учил-учил, переводил с бумажек на компьютеры, корпел... ясное дело, а как дембель – шиш.

Хорошо, дело было в пятницу утром. В обед я пришел в отдел, попил чайку, что-то щелкнул там по клавише...

Вечером, весь красный, потный, дрожащий полковник прибежал ко мне:

– В субботу селектор с генерал-полковником (не помню с каким).

– Знаю, – говорю, – обычное дело.

– Компьютер у меня накрылся! Не работает! Мне завтра голову снимут! У меня там ВСЁ!

– Соболезнования!

– Как? Как?! Сделать надо! Пошли, пошли быстрее! – и за руку меня хватает...

Говорю ему, обезумевшему от горя: не могу, мол, спать хочу, прошлую ночь работал... Тут, для полноты картины, надо сделать сноску – приказывать мне, старшине, полковник не мог. У меня был непосредственным начальником генерал-лейтенант.

Короче – тулуп и сейчас со мной. Уже много лет. Хорошая вещь, нужная.

Я в нем во ВГИК хожу, когда минус двадцать. И ваще...

В год перед армией

(...)

А вообще, интересно, наверно, кто что думает. Вот уже десять лет, например, я пытаюсь представить, что обо мне думала та. Ну та, с серо-голубыми глазами.

Одноклассница.

В год перед армией.

Если долго смотреть ей в глаза, она начинала сходиться с ума, и в воздухе начинало чувствоваться... Ну, понимаете. Глаза у нее как будто покрывались блестящей пленкой, голос садился, становился хриплым, и ты проваливался в эти глаза... Было очень страшно... Потому что до этого никогда так не было. Я всякий раз, помню, убежал. Делая вид, что ничего не понимаю... О-ох.

Что она думала обо мне? Знала? Да знала, конечно. Ни слова мы не сказали об этом. Опять вру... Один раз я обнял ее, задыхаясь от толчков взбесившегося сердца. Обнял и сказал, что она мне нравится. А она... она, как и положено, сказала:

– Не надо.

А я... я опустил руки и сказал:

– Не надо так не надо.

И ушел. Ушел, ушел!! Опять струсил, а она, наверное, и это поняла...

У нее была очень красивая и приятная грудь. Приятная... Один раз она подошла ко мне незаметно и обняла, крепко обхватив руками, так что нельзя было вырваться, и пыталась повалить в траву – мы все дурачились тогда около костра нашей компанией. Сколько раз, во сне и наяву, приходило потом это прикосновение? Сто? Двести? Странно, а сейчас почти ничего не помню. Потерял? Забыл?

Что потом?

Да ничего.

Как-то ко мне приехал друг, старше на год, они познакомились и уже через пару дней целовались у всех на глазах... Что же она думала тогда?

А еще я видел ее голой.

Однажды, через несколько месяцев после армии, возвращаясь вечером домой, я обогнал двух мутных личностей, шедших за сильно пьяной девушкой. Потом, обгоняя девушку, увидел, что это Аня. Она, обернувшись на мое удивленное «Привет!», – ни слова не говоря, схватилась рукой за мое плечо и стала падать. Откуда она такая шла? Так, видно, никогда и не узнаю. Нес ее, перекинув, как мешок, через плечо. Донес до дома, адрес знал хорошо, звоню в дверь – открывает отец с рукой в гипсе. Посмотрел.

– Заноси, – говорит.

И ушел спать.

Я занес, положил, как была, в одежде, в ванну. Потом, поняв, что ее мама уехала, а отец, сломавший, и нехорошо, в тот день руку, крепко спит, решил раздеть. Она почти ничего не соображала и не открывала глаза. Раздел, вымыл, положил спать и ушел. И ничего не чувствовал! Ничего! А на следующий день уехал, и получилось, что на несколько лет, и даже не вспоминал об этом. И ведь не помню, какая она. Вот странно.

У нее уже был ребенок, она была еще красивее, когда я вернулся в город.

Мы случайно встретились на автобусной остановке.

Ничего не значащие пара слов, ох – ах, спокойный такой тон. Взрослые такие, такие спокойные... Подошел мой автобус, я сел, удивляясь, что ничего внутри не шевельнулось, посмотрел в окно, а там – там ее глаза, и она смотрит на меня как тогда! Секунду-две – не больше, но как тогда!.. Двери закрылись, автобус поехал, она спокойно поправила что-то на ребенке и пошла...

* * *

Я влюблялся и любил, и был счастлив, и забывал все это надолго, но иногда, неизвестно почему, в темном окне мне чудятся эти глаза, будто подернутые блестящей пленкой.

Такие дела.

(...)